

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 5 ЯНВАРЬ 1981

Идет областная партийная конференция...

СВЕРШЕНИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 5 (2794)

31 ЯНВАРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

Бригадир Михаил Иванович Калашников (слева) и Николай Корнеевич Саулов — делегаты XXVI съезда КПСС.

Эти тракторы скоро будут на полях.

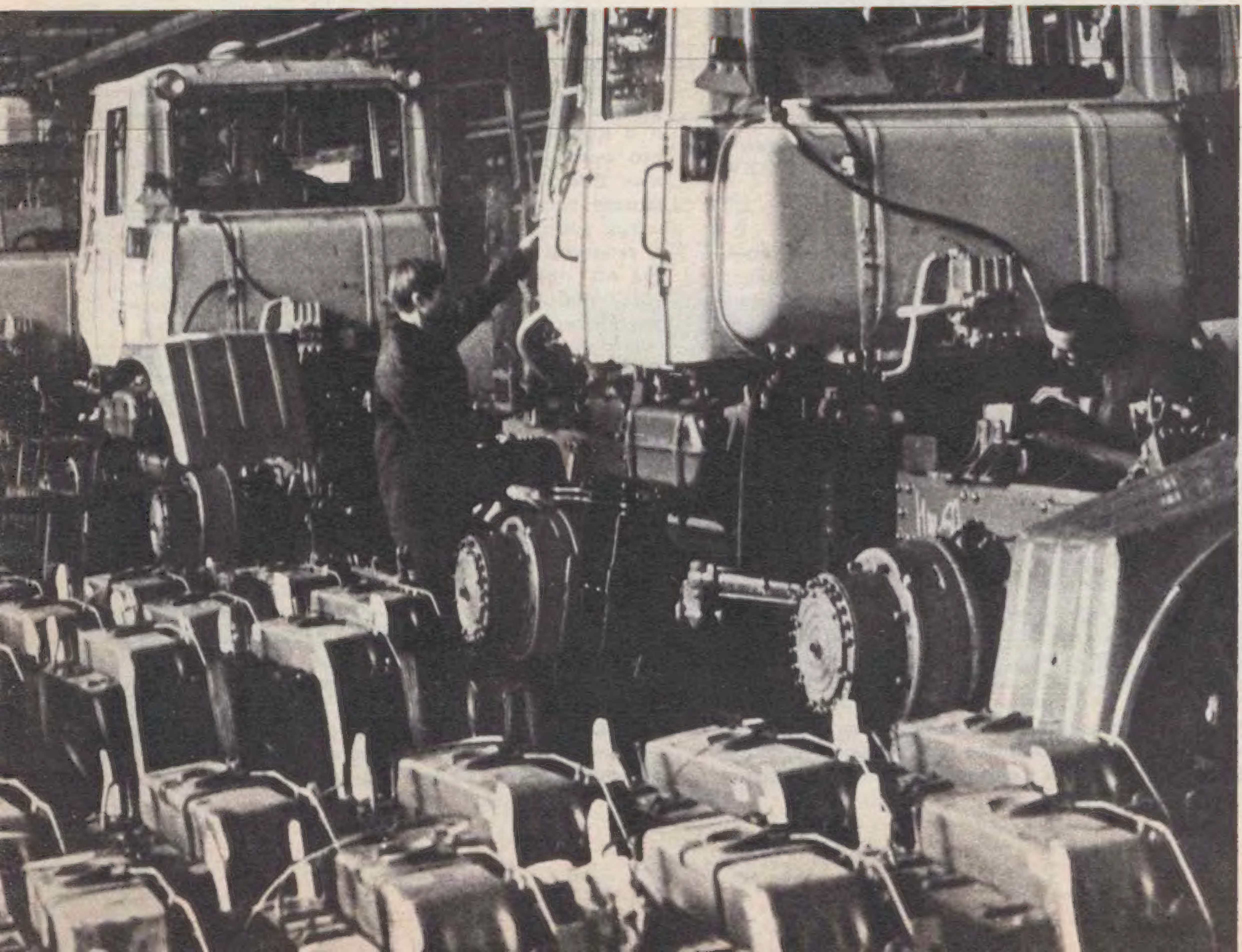

На высоком идейно-политическом уровне, деловито, взыскательно проходит в нашей партии предсъездовская отчетно-выборная кампания. Закончились областные и краевые партийные конференции, идут съезды компартий союзных республик. Коммунисты, принципиально анализируя достигнутые успехи, итоги свершенного, вдумчиво, требовательно обсуждают задачи партийных организаций в решении проблем дальнейшего развития экономики и культуры, повышения благосостояния советских людей, обсуждают новые рубежи коммунистического строительства, намеченные в проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

В публикуемом репортаже — рассказ о харьковской областной партийной конференции.

Я И ЗАБОТЫ ХАРЬКОВЧАН

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Рабочий день директора объединения «Харьковский тракторный завод» начинается в половине седьмого утра. Более того, Валентин Васильевич назначил время встречи еще определеннее: в шесть часов двадцать две минуты.

— С такой точностью? — переспросили мы.

— Привычка... В пять тридцать подъем, в шесть десять выхожу из дому, до завода пешком — это еще двенадцать минут. Маршрут проверен в течение десятилетий. Пока в приемной безлюдно — самое время подумать, разобраться в бумагах. До восьми тишина, только звякнет ведром в коридоре уборщица. А потом — лавина дел! Закрутит... Если бы не утренние часы, то и осмотреться некогда...

Мы приехали в Харьков на областную партконференцию, но теперь почувствовали некоторую неловкость оттого, что в разгар трудного рабочего дня удобно расположились в кабинете столь занятого человека и перестали считать время. Он заметил наше беспокойство:

— Ничего, сегодня можно, сегодня праздник, а к праздникам у нас особое отношение!

И Валентин Васильевич Библик рассказал такую историю. Когда праздновали первую го-

довщину ХТЗ, вручать коллективу завода орден Ленина приехал Михаил Иванович Калинин. Валентин Васильевич, тогда мальчишко-дошкольник, живо помнит торжества, на которых присутствовали С. В. Косиор и Г. И. Петровский. А мало кому известный тогда летчик М. В. Водопьянов с аэроплана разбрасывал приветственные листовки над городом. В те дни Калинин говорил героям-тракторостроителям о том, что в праздники самое время подумать о будущем, о тех боевых и трудных буднях, которые придут за ними.

— Это стало одним из правил нашей жизни. Когда же, как не в праздники, отрешиться от мелочей, от текучки и подумать о более сложных задачах, которые ждут всех нас после торжества? — продолжал размышлять вслух Валентин Васильевич. — Когда наш завод выпустил миллионный трактор и был награжден третьим орденом, то вручал его Леонид Ильич Брежнев. Именно тогда перед нами была поставлена задача создать принципиально новый, энергонасыщенный современный трактор, а главное, наладить его серийный выпуск. Создание такого трактора — новая страница в техническом перевооружении нашего сельского хозяйства.

— Видели наш красавец, — не без гордости спросил директор, — Т-150? Более чем двадцать стран покупают их, не жалея на каждую машину суммы, которая многократно превышает цену «Волги»!

Главное предприятие Харьковского тракторного — это сложное трудоемкое производство. Здесь заняты многие тысячи рабочих. Чем больше коллектив, тем больше проблем...

О них, об этих непростых проблемах, и шел разговор с директором ХТЗ накануне областной партконференции. И так получилось, что все многообразие проблем начиналось с человека и замыкалось на нем, шел ли разговор о заводских делах или переходил к нашей политике мира, задачам экономики в новой пятилетке или положению дел в литературе...

— Меня глубоко взволновал новый роман Юрия Бондарева «Выбор», — сказал Валентин Васильевич. — Роман учит мыслить, определять собственную задачу в водовороте событий, а значит, учит принимать на свои плечи ответственность за происходящее вокруг...

В коллективе ХТЗ понимают всю важность стоящих перед ними задач. Новый трактор помогает восполнить нехватку рабочих рук на селе, облегчает условия труда механизаторов. Его применение позволяет быстрее обрабатывать землю, а значит, уменьшает зависимость от погодных условий... В конечном итоге это вклад горожан, тракторостроителей в решение продовольственной программы.

Сознание ответственности помогает находить нестандартные решения многих вопросов. Например, построили новый цех, внутри которого оставался корпус старого. И в нем до последнего дня шла работа. А потом в считанные ночные часы без остановки производства из нового цеха извлекли стены старого корпуса...

Сейчас завод переживает свое третье рождение. В его цехах фактически действуют два технологически разных производства: в одном еще выпускают трактор Т-74, а в другом параллельно и полным ходом идет производство отечественной новинки Т-150. Предстоит наращивать выпуск современных мощных машин и безболезненно свернуть выпуск старых — такой маневр равнозначен сооружению нового завода!

Мы побывали у сборочного конвейера. Непрерывный поток двигались тяжелые рамы, они обрастали рессорами и колесами, потом на них устанавливались кабины, двигатели — и все это превращалось в череду сверкающих голубой краской Т-150. На другой половине огромного пролета полыхали огни электросварки, работали каменщики и бетонщики, под раскрытыми полами зиял тоннель, начиненный тяжелыми механизмами. Не верилось, что еще несколько дней назад здесь ничего, кроме стен, не было. Но всего лишь 31 декабря минувшего года сюда въезжали экскаваторы и стали рыть котлован, удлиняя подземную часть главного конвейера. К тому времени, когда выйдет в свет этот номер «Огонька», удлиненный почти на треть конвейер заработает как единое целое, а производительность его заметно возрастет.

Конечно, готовятся к таким переделкам на ходу месяцами, и в ней принимает участие если не весь коллектив, то значительная его часть, лучшие инженерные умы. Проблемы, которые решает коллектив ХТЗ, органически вписываются в круг забот городской и областной партийных организаций. На областной партийной конференции отмечалось, что труженики Харьковщины за годы минувшей пятилетки многое сделали для повышения эффективности производства. В промышленности вложено свыше трех миллиардов рублей. Так вот — значительную часть из них израсходовали на реконструкцию и техническое перевооружение. Стараниями рабочих, инженеров, ученых создано восемьсот образцов новых машин, аппаратов, приборов. Среди них и новый 200-сильный трактор, и сверхмощная турбина, в миллион киловатт, и горношахтное оборудование... А перевод на комплексную механизацию и автоматизацию сотен цехов, участков позволил сэкономить труд почти сотра тысяч рабочих. Сверх плана реализовано продукции на сотни миллионов рублей. Большие изменения произошли и в селе.

Первый секретарь Харьковского обкома партии В. П. Мысниченко в отчетном докладе говорил о задачах, которые предстоит решать в нынешней пятилетке: значительное увеличение производства товаров для народа, жилищное строительство, развитие транспорта, улучшение обслуживания населения, дальнейший подъем сельского хозяйства, широкое внедрение бригадных форм и методов труда, улучшение политико-воспитательной работы.

Об опыте ударного труда, который требует развития, рассказывали многие делегаты конференции. Досрочно завершил пятилетку коллектив Первухинского свеклосовхоза Богодуховского района. Сверх плана государству продано тысячи тонн зерна, сотни тонн моло-

Конференция избрала Валентина Васильевича Библика, директора ХТЗ, делегатом XXVI съезда КПСС.

ка и мяса. Дояр этого совхоза, Герой Социалистического Труда Л. З. Шабинский только в прошлом году надоил от каждой из закрепленных за ним коров почти по шесть тысяч восемьсот килограммов молока. А их в группе пятьдесят пять!.. Однако с трибуны партийной конференции дояр говорил не столько об успехах личных, сколько о том, как поднять продуктивность ферм в целом. Для этого надо улучшить культурно-бытовые условия жизни животноводов, быстрее ликвидировать ручной труд, что поможет укреплению молодежи в селе...

Отлично поработали в минувшей пятилетке сельские труженики Первомайского района. Они более чем на треть повысили производительность труда, значительно подняли урожайность зерновых, свеклы, овощей, фруктов. Сыграла тут роль долгосрочная программа повышения плодородия почв. В районе планомерно, на научной основе улучшают качество полей. Но такая работа, как говорил на конференции первый секретарь райкома партии

И. Ф. Калантай, требует серьезной материальной поддержки, и прежде всего со стороны тех министерств, которые ведают производством сельскохозяйственной техники и транспортными средствами.

Выступил и бригадир кузнецов с ХТЗ, Герой Социалистического Труда М. И. Калашников. Его имя как одного из инициаторов предсезонного соревнования не раз звучало с той же трибуны. Мы встречались с Михаилом Ивановичем в перерывах между заседаниями. Он член обкома партии, народный депутат районного Совета. О многих сложных проблемах Михаил Иванович судит просто и мудро. Зашел у нас разговор и о том, как помолодел и похорошел Харьков. Только в новом Салтовском микрорайоне расселилось больше трехсот тысяч харьковчан. И там уже начали возводить 16-этажные дома...

— Но случается, получит рабочий квартиру, — вздыхает Михаил Иванович, — и... увольняется. Добраться из нового микрорайона до завода порой труднее, чем отработать смену. Конечно, рабочий человек не пропадет, без дела сидеть не будет, устроится. Но какая для ХТЗ потеря квалифицированных кадров! Хотя и построили линию метрополитена, все равно несовершенен городской транспорт, отстает его развитие...

Или взять другое несоответствие, — продолжал Михаил Иванович, — мы сейчас добиваемся, чтобы Т-150 получил Знак качества. Отличная конструкция. Но случается, подводит мотор. А мотор мы получаем с завода тракторных двигателей, и он рядом, в Харькове! Смежники никак не наладят четкую работу. Говорят, текучесть кадров заела. А почему? Завод построили, но жилья, детских садов, магазинов нет. Я уж не говорю о спорткомплексах или бассейнах... В такие бытовые условия хороших рабочих нынче не заманишь, не те времена. К сожалению, некоторые министерства спешат сдать основное производство и отпартовать: «Завод пущен!» Но эта порочная практика дорого обходится государству, потому что наш партийный лозунг: все для человека!..

Бригада Калашникова, выступив инициатором социалистического соревнования в честь XXVI съезда КПСС, обязалась каждый день изготавливать тонну поковок сверх плана. Он и его товарищи давно работают по единому бригадному наряду. За годы, прошедшие с начала освоения Т-150, бригада внесла десятки рационализаторских предложений, сэкономила тысячи тонн металла. По предложениям кузнецов инженеры разрабатывали и добивались выпуска более экономичных профилей проката.

В предсезонские дни коллектив ХТЗ работает над образцом нового 200-сильного трактора. Опытную партию спешат изготовить ко дню открытия XXVI съезда КПСС. Естественно, что Михаил Иванович вспомнил и о новой машине.

— Мы свое дело сделаем. Волнует другое, — сказал бригадир. — Мне случается бывать в селе. На своей машине езжу иногда и в Курскую область, откуда я родом. И часто приходится видеть, как бежит по дороге наш богатырь, а на крюке тележка, которую может тягать и «Беларусь». Долгие годы тянутся многословные разговоры о нужде села в мощной прицепной технике, которая была бы по плечу нашим богатырям. Наши тракторы работают впосилы, это огромные потери. Потери энергетические, моральные...

В работе конференции принял участие член Политбюро, секретарь ЦК Компартии Украины А. А. Титаренко. Он в своем выступлении поставил ряд ключевых вопросов, которые созвучны заботам рядовых тружеников. Это прежде всего повышение уровня хозяйствования, интенсификация производства, экономное расходование трудовых и материальных ресурсов, комплексный подход к решению экономических и социально-бытовых задач.

...Бригадир Михаил Иванович Калашников был избран делегатом XXVI съезда КПСС. Когда объявили результаты голосования, он мне сказал:

— Быть делегатом съезда партии — большая честь. Ответственное дело. Знаю, что там, в Москве, я непрестанно буду думать о заводе, о своей бригаде. Ведь решения, которые будут приняты на съезде, выполнять нам.

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ПЯТИЛЕТОК

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1980 году.

Трудящиеся Советского Союза, широко развернув социалистическое соревнование, встречают XXVI съезд КПСС новыми трудовыми успехами. В 1980 году достигнут дальнейший рост экономического потенциала страны, возросли масштабы общественного производства, повысилось народное благосостояние.

Национальный доход увеличился на 16 миллиардов рублей и превысил 450 миллиардов рублей (в фактических ценах). Три четверти его использовано на потребление, а с учетом затрат на жилищное и социально-культурное строительство непосредственно на народное благосостояние направлено четыре пятых национального дохода.

Продукция промышленности возросла по сравнению с 1979 годом на 22 миллиарда рублей и достигла 627 миллиардов рублей (в оптовых ценах предприятий на 1 января 1975 года).

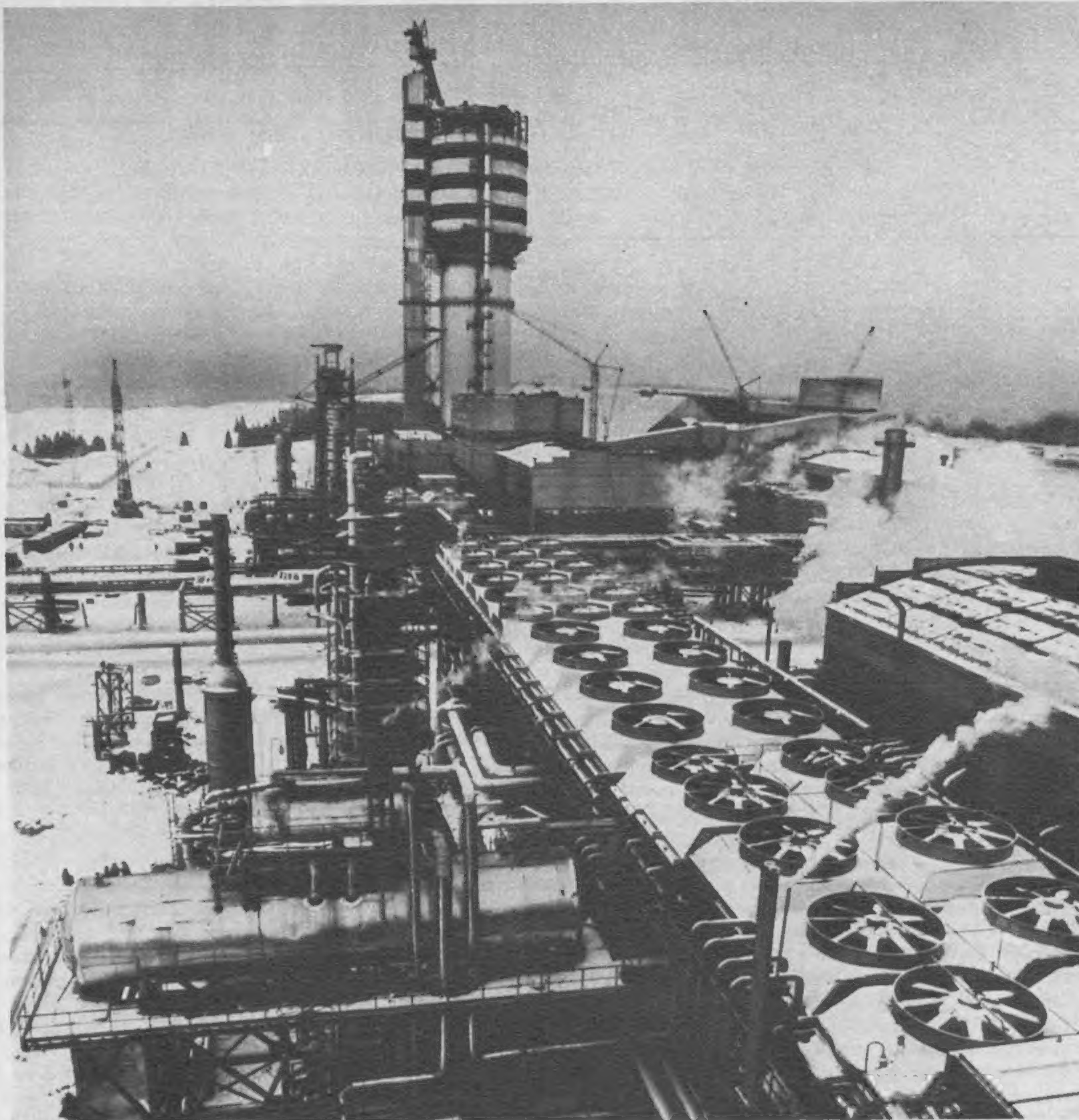
Установленный промышленным объединением и предприятиям годовой план общего объема продукции выполнен. План выполнен промышленностью всех союзных республик.

Продукция сельского хозяйства в 1980 году составила 121 миллиард рублей. В минувшем году валовой сбор зерна составил 189,2 миллиона тонн, что на 10 миллионов тонн больше, чем в 1979 году.

Реальные доходы в расчете на душу населения выросли за год на 3,5 процента.

Государственными и кооперативными предприятиями и организациями, колхозами и населением построено 2 миллиона новых благоустроенных квартир и индивидуальных жилых домов общей площадью 108 миллионов квадратных метров, в том числе в сельской местности — около 30 миллионов квадратных метров. Жилищные условия улучшены 10 миллионам человек.

1980 год был завершающим годом десятой пятилетки. В истекшей пятилетке народное хозяйство развивалось в соответствии с определенным XXV съездом КПСС курсом, направленным на дальнейший подъем благосостояния советского народа на основе динамичного развития общественного производства, повышения его эффективности и качества работы.

Новую продукцию ко дню открытия XXVI съезда КПСС даст Пермский завод минеральных удобрений. Уже нынешней весной в колхозы и совхозы многих районов страны пойдут отсюда «витамины» полей. На снимке: Пермский завод минеральных удобрений.

Фото Е. Загуляева (ТАСС)

27 января Москва проводила в последний путь видного государственного деятеля, члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, Генерального прокурора СССР Романа Андреевича Руденко.

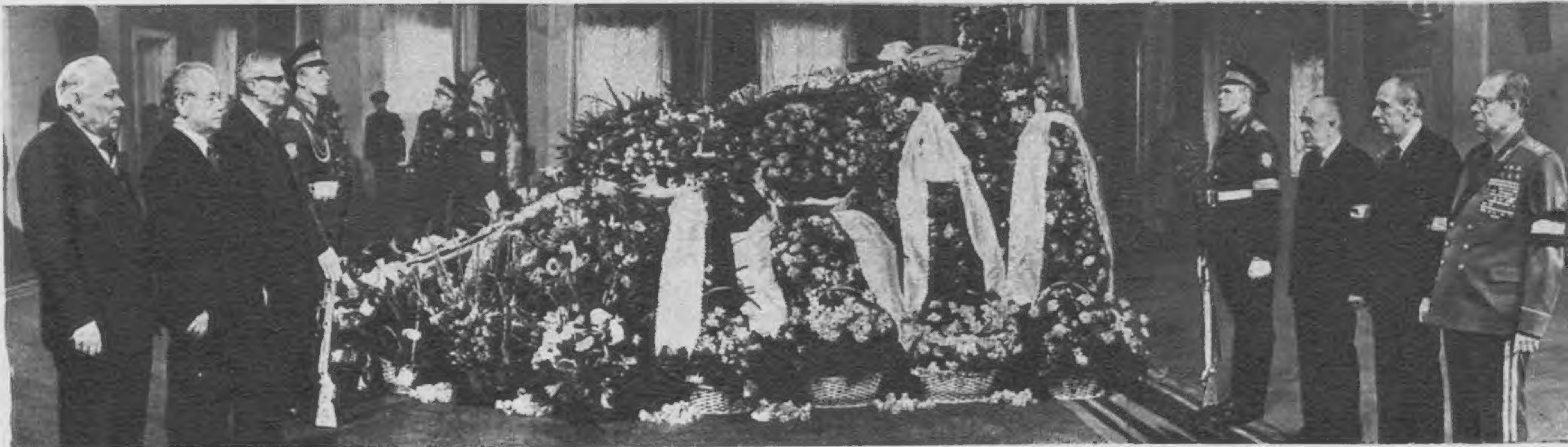
В траурном убранстве Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии. На постаменте, украшенном цветами, установлен гроб с телом покойного. На алом бархате — Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, другие награды, которыми отмечены заслуги верного сына Коммунистической партии и советского народа.

Каждые три минуты сменяется почетный караул.

Траурную вахту несли товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. В. Русаков.

На Новодевичьем кладбище, где был похоронен Р. А. Руденко, состоялся траурный митинг. На нем выступили секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, представители Прокуратуры СССР, МГК КПСС, трудящиеся.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В почетном карауле руководители Коммунистической партии и Советского государства.

Фото В. Созинова (ТАСС)

**Рассказываем
о делегатах
XXVI съезда
партии**

Ю. СУРХАЙХАНОВ

В апреле прошлого года одна из улиц Иванова стала называться Академической. Здесь открылось первое в городе учреждение Академии наук СССР — Институт химии неводных растворов. Директор его — заслуженный деятель науки РСФСР, профессор Г. А. Крестов. Недавно коммунисты области избрали Геннадия Алексеевича делегатом на XXVI съезд партии.

— Если бы у меня спросили, что главное в нашем директоре, — говорил мне кандидат химических наук, ученик Крестова В. Н. Тростин, — я бы ответил: умение постоянно находиться на творческом подъеме, создавать вокруг себя какой-то особый микроклимат, помогающий работе мысли... Смешно, например, было бы говорить о дисциплине в нашем институте. Научные сотрудники, заведующие лабораториями, да все буквально работают и по двенадцать и по пятнадцать часов, особенно когда идет эксперимент. Геннадия Алексеевича Крестова я знаю уже больше десяти лет. Учился у него и в институте и в аспирантуре... И всегда он хоть внешне и спокоен, рассудителен, но увлечен своим делом полностью — качеством, которое студенты, как известно, ценят больше всего. А для ректора это нелегко, ведь у него, кроме его науки, есть еще масса административных дел. Помню, как в химико-технологическом он начинал строительство нового большого корпуса, сразу после того как был назначен ректором. Сам добывал строительные материалы, сам договаривался с подрядными организациями, из Ленинграда привез необходимые металлические фермы. А когда создавали зал вычислительных машин, он сумел убедить министерство в необходимости дать нам большие ЭВМ последней модификации. Сейчас институт без них представить уже невозможно: машины работают с полной нагрузкой, круглые сутки!

...Геннадию Алексеевичу Крестову я позволил в половине восьмого утра. Дома сказали, что он уже в институте, на Академической.

Институт расположился в старом небольшом здании, место для нового строительства только отведено, но научная работа идет уже полным ходом. Кабинет директора более чем скромный — маленькая комната, стол, три стула, шкаф. Вот вся обстановка.

Среднего роста, крепко сбит, прядь темнорусых волос спадает на лоб — Геннадий Алексеевич энергичным движением отбрасывает ее назад по-крестьянски тяжелой, сильной кистью руки, одновременно поправляя очки в тол-

ИВАНОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ

стой роговой оправе. Говорит неторопливо, негромко, но веско. Жесты скупы. Свой рассказ, когда речь пошла о его науке — химии неводных растворов, умело иллюстрировал рисунками, чертежами.

В Иванове прошла вся жизнь Геннадия Алексеевича. Здесь 49 лет назад он родился в семье потомственных ткачей, мать была сменщицей известной на всю страну ткачихи Таисии Шувандиной, депутата Верховного Совета, обслуживала столько же станков, как ее знатная подруга. Отец прошел всю войну солдатом.

Химией Геннадий Алексеевич увлекся в школе. Вечно ходил с обожженными кислотой пальцами, со следами реактивов на одежде. В школе и решил твердо, что станет химиком, что поступит в химико-технологический институт.

— Мы жили обычной студенческой жизнью, — вспоминает Крестов, — часами просиживали в библиотеках, пропадали в лабораториях. Находили время и для спорта. Кстати, спорт остался со мной на всю жизнь: недавно западногерманские студенты, приезжавшие в институт, очень удивились моему необычному броску баскетбольного мяча в корзину: крученому, из-за головы. Хочешь не хочешь, объяснил я, а приспособиться пришлось: акселерация ведь, студенты, с которыми я играю почти каждое утро в нашем спортзале, все за метр восемьдесят! Мяч отбирают. Вот и отработал этот необычный бросок.

Не пропускали литературных новинок, — продолжает рассказывать Геннадий Алексеевич о своей студенческой поре. — У нас в старом здании института была так называемая «первая аудитория». Мы там такие дискуссии закатывали... О любви и нравственности, о международных событиях. Часами спорили о поэзии — о Пушкине и Маяковском, Есенине, Блоке... И, конечно, страшно гордились тем, что мы химики. Даже гимн у нас тогда свой был, распевали его хором.

Иваново — город не такой большой, но известный на всю страну. Это и родина первого Совета рабочих депутатов и крупный производитель текстиля... Жители города всегда в курсе проблем, связанных с этой отраслью. И студент Геннадий Крестов, зная это, уже тогда понимал, как глубоко предстоит внедриться химии в текстильное производство, какое решающее влияние она окажет на его будущее.

Химия безраздельно владела его мыслями, была той призмой, если так можно выразиться, через которую Крестов смотрел на мир, на свою жизнь. Так было и в институтские годы и на целине, куда он несколько раз выезжал во главе студенческого отряда. В Целиноградской области Казахстана ребята помогали распахивать степь, засеивать ее, убирали урожай... «Пока земля здесь сама дает относительно высокие для этих мест урожаи, — понимал Крестов, — но в будущем ей непременно придется помогать. И урожай нужно еще

полностью сохранить. Все это обязана сделать химия».

После годовой стажировки в Англии, после защиты кандидатской диссертации Крестов работает преподавателем, возглавляет кафедру неорганики. Меньше чем за двадцать лет он подготовил пятьдесят кандидатов и докторов наук. В их числе и новый ректор химико-технологического института, который ныне сменил своего профессора; а Геннадия Алексеевича ждало уже новое дело — трудное, увлекательное...

— Дело, которое здесь начинает наш институт, — рассказывает Крестов, — первый шаг на пути создания в городе академического центра. Нечто вроде Саратовского, Горьковского, Донецкого... Ведь наш город давно уже перестал быть только столицей текстиля. Это развивающийся промышленный центр с крупными предприятиями — заводами, фабриками. Научный центр Академии наук будет способствовать не только развитию непосредственно научной теории, но и более тесной связи ее с практикой, с производством.

Основная задача нового академического института — разработка теоретических основ химии неводных растворов. Создание такого института именно в Иванове подсказала сама жизнь: ведь в текстильной промышленности неводные растворы применяются все шире. Этой проблемой занимаются в городе сотни ученых, и не только в химико-технологическом институте: на кафедрах химии сельскохозяйственного, энергетического, текстильного, медицинского институтов, на химическом факультете Ивановского университета... Начало изучению свойств неводных растворов ивановскими учеными положила докторская диссертация Геннадия Алексеевича Крестова, опубликованная почти двадцать лет назад (кстати, юбилей этот ивановские химики собираются отмечать научной конференцией).

Известные человечеству свойства всех растворов открыты эмпирическим путем, то есть случайно. Например, металлический предмет, завернутый в промасленную бумагу или покрытый слоем масла, не ржавеет. Человек заметил это свойство и стал его использовать.

Что касается растворителей, их известно несколько миллионов, а до недавнего времени люди практически использовали лишь один — простую воду. Но, во-первых, вода растворяет далеко не все, а во-вторых, давно уже пришло время позаботиться о сохранении этого, по словам академика Ферсмана, «самого важного минерала на Земле». Не так много осталось рек и озер в первозданной чистоте!

А еще такой пример: если в жидкий аммиак опустить хлопчатобумажную ткань всего на несколько минут, с ней происходят удивительные изменения. Она становится на тридцать процентов прочнее, улучшается ее прокрашиваемость, а скорость самого процесса крашения сокращается в пять-шесть раз.

— Существующие на земле растворители, —

продолжает Геннадий Алексеевич, — в различных смесях дают практически бесконечное число вариантов качественно новых веществ. Однако, располагая мы общей теорией растворов, не надо будет проводить трудоемкие и длительные опыты. Нужное вещество с заданными свойствами инженер-химик на предприятии подберет сам и затем получит в промышленной установке. Кстати, если аммиак так благотворно влияет на хлопок, это не означает, что нет другого, более дешевого, эффективного, более простого в употреблении растворителя. Он будет найден обязательно. Один из разделов программы научных исследований института непосредственно связан с текстильной промышленностью.

Для ивановских камвольного и меланжевого комбинатов уже разработаны рекомендации, которые дадут возможность сократить расходы воды, электроэнергии, исключить сброс загрязненных вод в окружающую среду, а также повысят качество тканей.

Крестов много пишет. Он автор трех монографий и более пятисот статей, многие из которых переведены в Европе и Америке. По его учебным пособиям занимаются студенты многих химических институтов. Сравнительно недавно вышла книга «От кристалла к раствору» — для старшеклассников, студентов и «всех, кто желает расширить свои знания по химии».

— Геннадий Алексеевич, а как вы собираетесь готовить кадры для нового научного центра?

— В Иванове студентов на тысячу жителей больше, чем в Ленинграде. У нас есть и университет и шесть вузов, а скоро появится еще один — строительный. Что же касается подготовки ученых, то мы уже отбираем наиболее способных студентов из химико-технологического института и вводим их в круг задач лабораторий нового академического института, где им предстоит работать. Это практика не новая. Ее с успехом применяли академики Семенов, Лаврентьев, Капица и другие известные химики, физики и математики.

У Крестова два сына, и оба мечтают стать химиками. Старший, Андрей, уже аспирант химического факультета университета, занимается жидкими кристаллами, а десятиклассник Алексей недавно завоевал призовое место на областной химической олимпиаде школьников.

...Позже мне довелось разговаривать с секретарем Ивановского обкома профсоюза Ю. А. Трофимовым. Крестов очень много делает для развития интереса к науке у школьников. Организация химической школы при технологическом институте — его инициатива. Олимпиады тоже обязаны ему своим рождением. Кафедра химико-технологического, которой руководит Геннадий Алексеевич, ведет факультативные занятия со старшеклассниками одиннадцати школ...

— Крестов относится к жизни активно, заинтересованно, он не умеет быть равнодушным, — говорит о нем секретарь горкома партии Н. П. Балабанова. — Вот, например, недавно затормозилось внедрение новых линий для обработки тканей. Геннадия Алексеевича я видела на предприятиях, в обкоме, в горкоме. Он помогал советом, делом, а если надо — спорил, убеждал.

Его предложения всегда конкретны, точны: он и площадь цеха рассчитал, какой она должна быть, и сколько денег должно выделить Министерство легкой промышленности на постройку цеха.

Беспокойный он человек. Ученый ведь, не производственник, а как прекрасно видит перспективы, неиспользованные резервы производства!

Не случайно именно его коммунисты области называли своим делегатом на XXVI съезд партии.

...23 февраля Г. А. Крестов, полномочный представитель науки от Ивановской областной партийной организации, вместе с тысячами других делегатов войдет в зал заседаний Кремлевского Дворца съездов. Его багажом будет одобренный Президиумом Академии наук СССР пятилетний план научных исследований первого в стране Института химии неводных растворов, недавно созданного в Иванове — на родине первого Совета рабочих депутатов.

ОРКЕСТРЫ УЖЕ ОТГРЕМЕЛИ...

Владимир НИКОЛАЕВ

Король умер. Поскольку на исходе его правления всем стало ясно, что король голый, положенного траура не было. Не будем брать на себя право судить об этом событии. Доверимся людям и источникам, которым это происшествие ближе, чем нам. «Слушайте, слушайте!» — как в таких случаях кричат на Западе.

«Мы видели правительство, которое развалилось... Мы имели дело с Дж. Картером, который подорвал веру и друзей и противников Америки в трезвость, последовательность и надежность нашей политики» («Нью рипаблик», Вашингтон).

Прислушаемся к другим откликам, не только из-за океана.

«История США 1980 года — это история самого затянувшегося, утомительного и дорогостоящего акта исчезновения президентства, который когда-либо наблюдался. Символом года — а в сущности, символом всего президентства Картера — должна бы стать американская техника, сторевавшаяся в иранской пустыне... Картер показал прежде всего, каким американцы не хотят видеть своего президента. Драматическое аннулирование его мандата говорит столько же об отношении американцев к его должности, сколько об отношении лично к нему самому» («Обсервер», Лондон).

Или еще: «Про Картера вообще-то все начали забывать... Если бы он оставался верным самому себе и сумел бы воплотить свои благие намерения в конкретную политику, то, видимо, ему не пришлось бы понести такое поражение на выборах. Он сам перечеркнул свою политическую концепцию, действуя непоследовательно, импульсивно, зигзагообразно» («Зюддойче цайтунг», Мюнхен).

Пожалуй, свидетельств с той стороны достаточно. Настолько, что мы можем их не комментировать. Но говоря о печальной судьбе тридцать девятого президента США Картера, мы не можем не вспомнить о нескольких его ближайших предшественниках. Все они оказывались в конце своего президентства банкротами. Кстати, поначалу из всех из них именно Картер, или просто Джимми, как он просил тогда называть его, никак не претендовал на роль очередного такого банкрота. Он из полной безвестности поднялся на волне всеобщего американского разочарования (даже, можно сказать, отчаяния) в вашингтонской правящей элите, погрязшей в политической коррупции (вспомните уотергейтский скандал, приведший к падению президента Никсона).

В чем дело? Люди разные, а результат все тот же. Некоторые говорят, что у Картера не хватило личного обаяния. А может быть, дело не в личности? Может, политика все же не та?

Чем была отмечена деятельность теперь уже бывшего президента США Картера на исходе его злополучного президентства? Антисоветской истерией. К такому финишу он шел упорно и последовательно все четыре года своего правления. И нашел, что искал. Бесславный конец.

Не успел он в политическом смысле отойти в мир иной, как загрели оркестры. Именно загрели, а не траурно заскорбили. За четверть века близкого знакомства с Америкой я до сих пор ни разу не слышал столь оглушительной победной музыки из-за океана. В двадцатых числах января сего года она разносилась по всем американским радиоволнам на весь мир. Америка праздновала. Но что она праздновала? Крушение Картера или приход Рейгана? По-моему, в этом еще никто не отдал себе отчета.

Что меня лично поразило в громе оркестров? Медь военной музыки. Один армейский музыкальный коллектив сменялся другим. Военная музыка... Она хороша, когда состарившиеся служивые оркестранты убаюкают слух гуляющих в парке пенсионеров и влюбленных. Убаюкают, как правило, вальсами. А из-за океана неслись марши, марши...

Хотя, казалось бы, ныне не до них. «Сейчас, — сказал новый президент США Рейган, вступая в свою должность 20 января, — Соединенные Штаты сталкиваются с серьезными экономическими невзгодами». Далее он подробно развил этот тезис, и его речь весьма контрастировала с ликующей медью военных оркестров. Рейган обещает «сокращение налогов», «увеличение уровня производства», «достижение больших темпов экономического роста». Американцы уже знают цену обещаниям новых лидеров, и поэтому не случайно газета «Нью-Йорк таймс» задается вопросом: «Далеко не ясно, каким образом эти цели будут достигнуты одновременно». И еще газета интересуется, за счет каких «жертв» собирается Рейган все это проделывать. Газета резонно вопрошает по поводу всех этих целей: «Как их можно совместить с любым значительным увеличением военных расходов?» Это не праздный вопрос, если учесть многие заявления нового президента США и его ближайших соратников. Французская газета «Котидьен де Пари» считает, что «задача Рейгана будет весьма трудной, поскольку для того, чтобы что-то изменить, недостаточно сказать, что все скоро изменится».

Входя в Белый дом, Рейган заявил в одном интервью: «Я могу нарисовать вам картину, которая как раз стоит у меня перед глазами. Америка садится на коня». Известно, что Рейган является большим любителем верховой езды. Поэтому сия аналогия, можно сказать, вполне уместна. Но до сих пор он ездил верхом только в районе своего ранчо в Калифорнии. Вопрос в том, куда теперь двинется Америка...

Несмотря на многие трудности, Советский Союз и Соединенные Штаты несколько лет вели конструктивные переговоры в области разоружения и сотрудничества. Были достигнуты определенные результаты. Были сделаны первые шаги в нужном направлении. Неужели при новой американской администрации все придется начинать снова, с нулевой отметки?

В телеграмме Л. И. Брежнева на имя Р. Рейгана по случаю его вступления на пост президента говорится, что Советский Союз выступает за позитивное развитие отношений между СССР и США, за конструктивное взаимодействие в решении актуальных международных проблем. В этом равной степени заинтересованы как советский, так и американский народы.

СЛОВО О КЕЛДЫШЕ

Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения, Герой Социалистического Труда, генерал армии В. Ф. ТОЛУБКО

Не однажды приходилось мне встречаться с Мстиславом Всеволодовичем Келдышем. Судьба сводила нас на заседаниях пленумов Центрального Комитета партии, на сессиях Верховного Совета СССР, а чаще на деловых совещаниях.

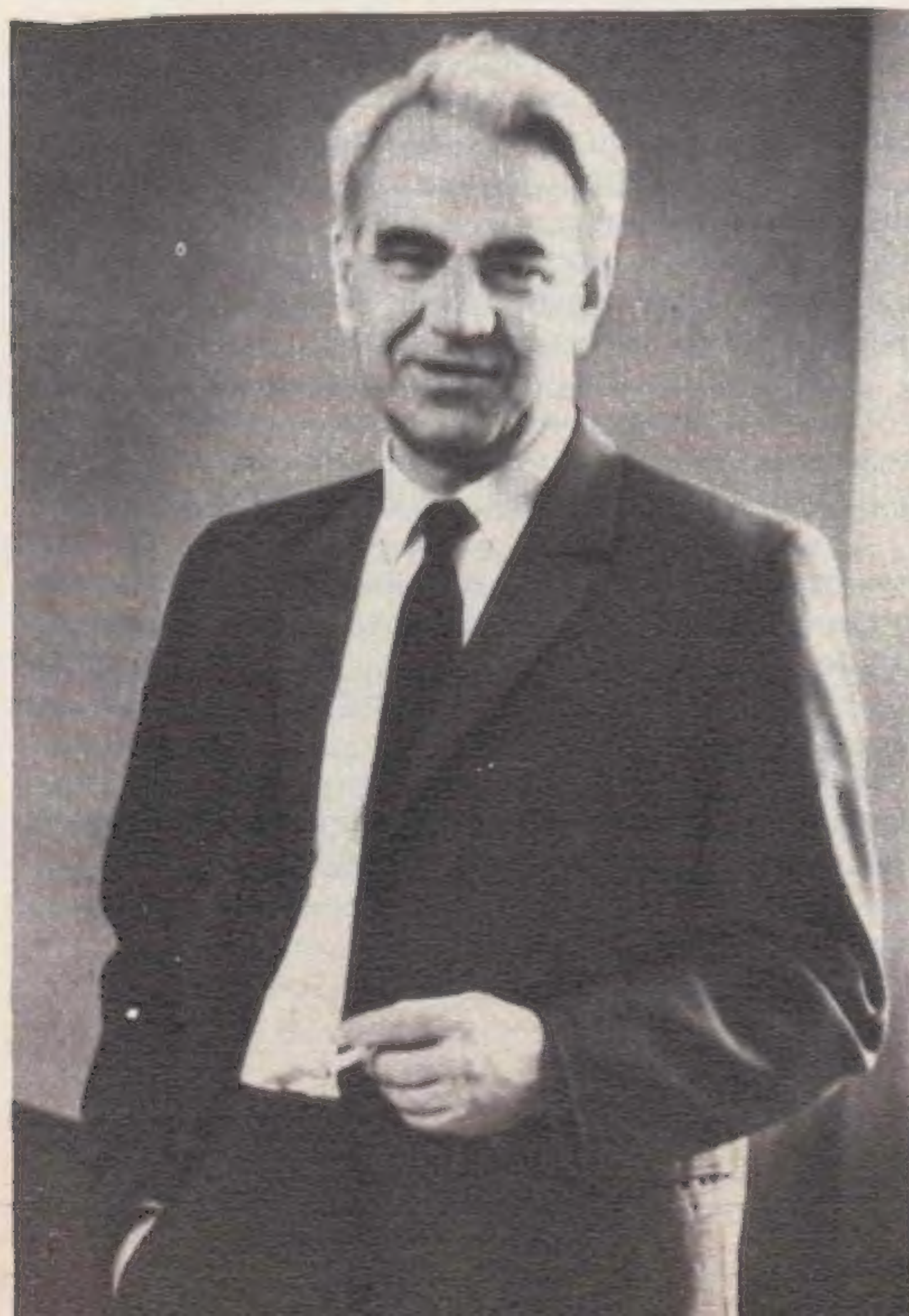
Воспоминания об этих встречах не затронут одну из значительных сторон его деятельности, относящуюся к фундаментальным и прикладным исследованиям в области математики. Значимость работ М. В. Келдыша как ученого-математика общеизвестна. В своих заметках мне хочется коснуться лишь тех черт и качеств его многогранной натуры, которые проявились в его общественной и государственной деятельности как руководителя штаба нашей науки — Академии наук СССР, как депутата Верховного Совета СССР и, наконец, как незаурядного специалиста в области ракетно-космической техники.

ДЕЛОВИТОСТЬ

Деловитость — наиболее заметное качество Мстислава Всеволодовича, проявлявшееся прежде всего в его умении без громких фраз и суеги организовать и с минимальными затратами времени направить работу больших коллективов людей. Его спокойная рассудительность вселяла уверенность в успехе порученной работы у всех, кому предстояло ее выполнить. Хотя случалось так, что до его вмешательства трудности казались неразрешимыми.

Фото разных лет. Публикуются впервые.

Мстислав Всеволодович Келдыш.

На мой взгляд, это качество всегда было связано у Мстислава Всеволодовича с его способностью видеть сердцевину проблемы, отделять главное от второстепенного, расчленивать сложные, запутанные вопросы на составные части, каждая из которых уже не представлялась непреодолимой преградой.

Хотелось бы в этой связи отметить одну существенную особенность в манере Мстислава Всеволодовича проводить служебные совещания, о которой, кстати, следовало бы помнить многим руководителям. Он всегда стремился (и, как правило, достигал своей цели) создать на совещании такую атмосферу общения участников, которая в максимальной мере способствовала бы выявлению всех имеющихся точек зрения на обсуждаемую проблему, включая и те, которые ранее на стадии предварительного знакомства были неприемлемы для него самого.

Мстислав Всеволодович хорошо понимал, что всестороннее «прощупывание» проблемы, тщательное взвешивание положительных и отрицательных сторон предлагаемых вариантов ее решения возможны только при благоприятном отношении ко всем выступающим и свободном изложении ими своей точки зрения. Поэтому, проводя совещания, он не навязывал присутствующим своего мнения. Иногда даже создавалось впечатление о его полном нейтралитете в острых, конфликтных ситуациях, подчас возникающих при решении тех или иных спорных вопросов. Однако на самом деле в его видимом беспристрастии проявлялась большая тактическая мудрость, направленная на достижение той же цели: всесторонне изучить проблему, не придавая дискуссии из-за своего авторитета однобокий характер.

Вместе с тем Мстислав Всеволодович преобладал и порой резко останавливал выступающего, если он вместо изложения суще-

ства дела пытался увести совещание в сторону от обсуждаемого вопроса или вообще обнаруживал его незнание.

Мстислав Всеволодович не выносил расплывчатости и не любил излишнюю пространственность в выступлениях. Лаконизм и четкость в докладах, в сообщениях ему imponировали, и, наоборот, если докладчик злоупотреблял временем, то это даже отражалось на лице Мстислава Всеволодовича.

Умение дорожить временем особенно заметно проявлялось в его служебных поездках. В середине 60-х годов мы с Мстиславом Всеволодовичем очень часто летали в одном самолете. Полет занимал иногда несколько часов, и если основная часть пассажиров проводила это время за деловыми разговорами или играми, то Мстислав Всеволодович, как правило, брал чистую ученическую тетрадь и всю испещрял ее вычислениями (обычно это были прикидочные расчеты траекторий космических кораблей). «Я не могу не тренировать свою память вычислениями. Это для меня очень нужно», — отвечал он, когда кто-либо из нас, сидящих рядом, просил его отдохнуть.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

М. В. Келдыш в силу своего служебного положения нередко возглавлял межведомственные комиссии, в задачу которых входило определение степени участия того или иного министерства в решении крупных народнохозяйственных задач, рациональное распределение между ними выделенных ассигнований или дорогостоящей новейшей техники.

Случалось, что представители отдельных организаций без достаточных на то оснований, руководствуясь в основном престижными соображениями, стремились заполучить себе максимум средств.

Короткое «совещание» в сквере Института атомной энергии с И. В. Курчатовым и С. П. Королевым.

Вот тут проявлялась еще одна замечательная черта Мстислава Всеволодовича — умение за внешне аргументированными, иногда страстными речами представителей заинтересованных сторон разглядеть заурядную ведомственную ответственность. В таких случаях меня восхищала его способность легко и быстро, практически, на уровне специалиста ориентироваться в научно-технической стороне вопроса и здесь же подниматься в его оценке до государственного масштаба, исключая ведомственный подход.

Стоять на страже высших государственных интересов — было основным жизненным правилом Мстислава Всеволодовича.

СКРОМНОСТЬ

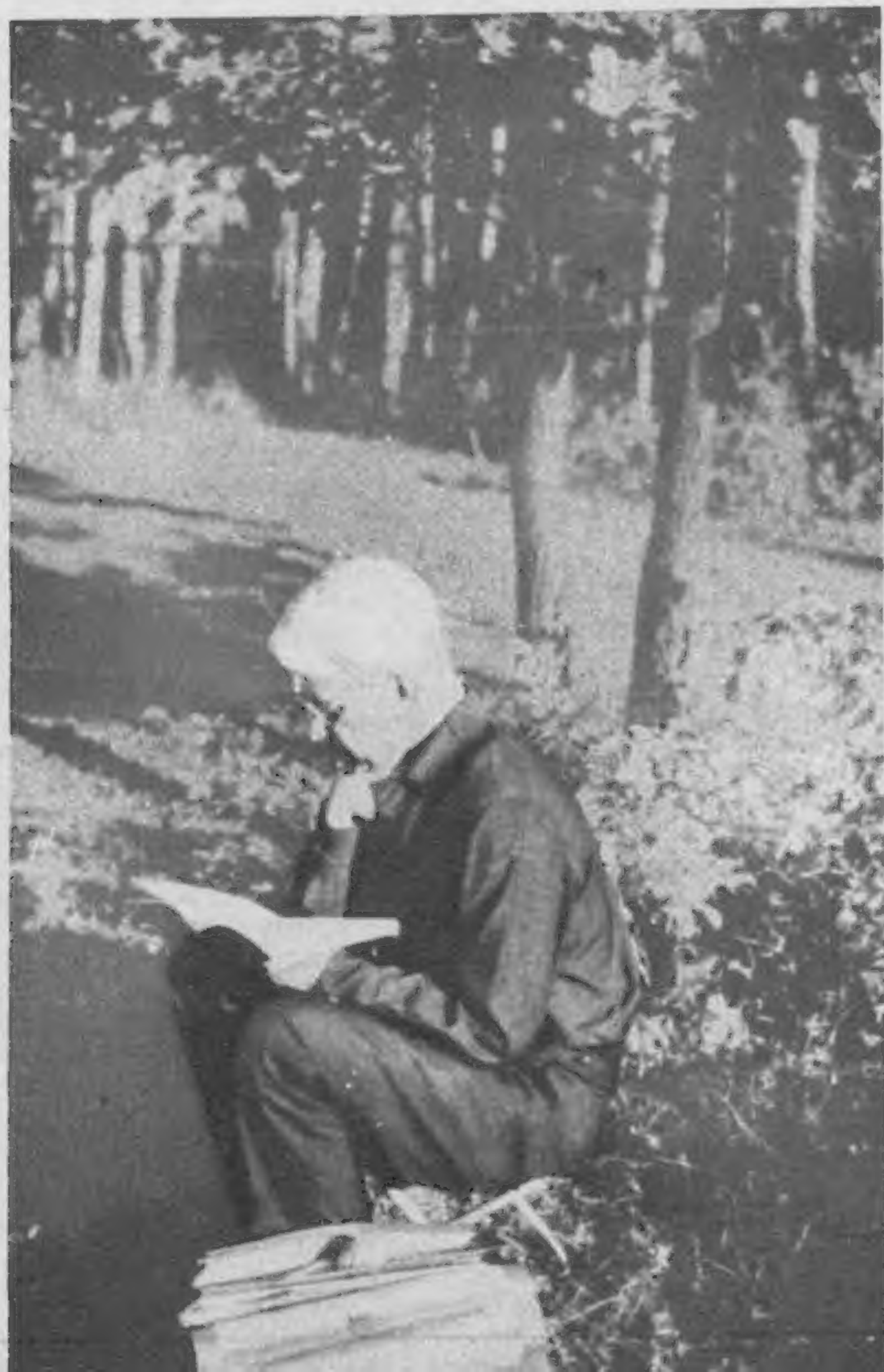
Занимая пост президента Академии наук СССР, являясь одновременно депутатом Верховного Совета СССР, членом Центрального Комитета нашей партии, Мстислав Всеволодович никогда и ничем не стремился подчеркнуть свое высокое положение, превосходство в своих знаниях, всячески избегал выставить себя на первое место, даже находясь на трибуне во время торжества. Одним словом, он всегда являл собой пример удивительной, подлинно ленинской скромности. Эта черта Мстислава Всеволодовича проявлялась не только в его поведении, но и в его манере говорить тихим голосом, одеваться. Будучи трижды Героем Социалистического Труда, кавалером многих правительственных наград, лауреатом Ленинской и Государственных премий, он, как правило, появлялся на людях в скромном костюме, без каких-либо знаков отличия, не желая выделяться среди окружающих. Как проявление особого такта воспринимали эту черту те товарищи, которые, не имея еще многочисленных заслуг, впервые получали награды из рук Мстислава Всеволодовича, занимавшего пост председателя Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники.

Еще одна деталь, характеризующая скромность Мстислава Всеволодовича.

Несмотря на свой непререкаемый авторитет ученого, он трезво оценивал пределы человеческой памяти и реальные возможности отдельного человека, даже обладающего незаурядным объемом знаний, профессионально судить о событиях и фактах, относящихся к многочисленным научно-техническим или общественным дисциплинам. При обсуждении тех или иных вопросов он никогда не боялся показать себя неосведомленным, если какие-либо сведения были для него новыми. Просто, безо всякого смущения он задавал вопросы, вникал в особенности неизвестных для него технических решений, нисколько не беспокоясь за свой престиж.

Таким остался в моей памяти Мстислав Всеволодович Келдыш, руководитель и гражданин, человек, дела и жизнь которого являются достойным примером верного служения Родине.

Так Мстислав Всеволодович ходил по грибы.

И. М. Виноградов и М. В. Келдыш.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОЛОДОСТЬ

И. М. ВИНОГРАДОВ,
академик, дважды Герой
Социалистического Труда,
директор
Математического института АН СССР

В Математический институт Келдыша привлек М. А. Лаврентьев. Он знал его по университету и по ЦАГИ. Лаврентьев пошутил, что у Келдыша есть «сомнительные» родственники (генералы, служившие еще при царе), но что человек он стоящий. Перед приемом в аспирантуру у меня в кабинете были смотрины. Они прошли быстро. Новичок говорил мало слов, но все было кстати, держался скромно.

С Лаврентьевым они были очень дружны. Келдыш окончил докторантуру и остался на полставки у Лаврентьева в отделе. Не помню, как тогда официально называлась его докторантура. Так у нас ведется до сих пор — по согласованию с Президиумом Академии наук прикреплять способных молодых ученых, три-четыре человека, старшим научным сотрудникам на два года. Такую повышенную докторантуру Келдыш закончил до войны.

Я считаю неправильным, когда математика обособлена от приложений. Природа не знает искусственных постановок, а математика знает. Келдыш работал в ЦАГИ и задачи брал из жизни. В 1944 году с помощью Г. М. Кржижановского организовали Отдел механики. При отделе стал работать научный семинар, объединивший всех московских аэродинамиков.

Вскоре после войны пришли ко мне Ю. Б. Харитон и другие физики. Просили порекомендовать математика, который мог бы поставить расчеты по атомной тематике. Я им сказал взять Келдыша, он в любом приложении математики способен разобраться лучше всякого. Келдыш им понравился. Прикладной математикой у нас в институте всегда много занимались, особенно много делали во время войны. Вот Келдыш и организовал к осени 1946 года расчетное бюро, сначала из старых сотрудников, а потом туда пришло много молодежи.

В конце 1946 года происходили выборы в академию, по Отделению технических наук имелось место, а хороших кандидатур у них не было. Я позвонил академику-секретарю в полдвенадцатого ночи: выберите моего Келдыша. Б. А. Введенский обрадовался: «Это очень важно, что он по механике». Келдыша в академики выбрали и послали руководить

институтом. Снова стал он моим заместителем уже в 1949 году и с тех пор вел всю прикладную математику.

На даче в Абрамцеве мы жили рядом. Келдыш хорошо играл в волейбол. Раз мы с Микулиным и Петей Келдышем играли против него и уразовской племянницы (жил там академик Уразов). Келдыша хорошенькие женщины всегда вдохновляли, и нам пришлось трудно.

В те же годы по грибы ездили на Красную Пахру, за Узкое. Там тогда было такое грибное место, просто идешь по дороге, и на поляне, которую никто за грибное место и не посчитал бы, белые грибы. Ездили с нами моя сестра Надежда Матвеевна, жена Келдыша — Станислава Валерьяновна и его дети — Пётя со Светой. Лучшее всех искала грибы Надежда Матвеевна. Келдыш собирал средне. Он много курил и думал о делах, собирать ему просто было некогда.

Келдыш вообще много курил. Врачи ему несколько раз запрещали это. Вот сядет он у меня в кабинете, задумается и закурит. Я подойду тихо и щелкну по папиросе. Щелчком сшибу весь табак, у него в зубах одна бумажная гильза останется: «Ну, Жан Матье, больше не надо. У меня совсем папирос не остается». Он прозвал меня Жан Матье — так, говорит, будет по-французски Иван Матвеевич, но называл так, только когда мы с ним работали вдвоем, а на людях всегда называл Иван Матвеевич, а я его звал — Келдыш.

Умение выражать мысли кратко я подметил у Келдыша еще при поступлении в аспирантуру. Вот как-то надо было подготовить для вице-президента справку на 5—10 страницах. «Келдыш, — говорю, — напишите мне». «А что надо написать?» — спрашивает. «То-то и то-то». На следующий день приносит полторы страницы. «Это что за писулька?» — спрашиваю. «Справка, которую вы просили». «А где вот то-то?» «Вот здесь». Смотрю, выразил в одной фразе.

Келдыша привлекли к работе над первой советской электронной вычислительной машиной. Он вошел в курс всего этого дела. Поехали мы с ним раз на совещание, где присутствовали члены правительства. Там главным специалистом по ЭВМ считали одного физика. Его спрашивают, а он это знает только приблизительно. А Келдыш — математик, все цифры знал досконально, все мог объяснить. Он был очень добросовестный человек. Когда брался за дело, то все делал обстоятельно. И очень быстрый был. Все сделает к сроку, ничего не упустит. Умеет все выразить сжато.

А когда совещание кончилось, я понял, что скоро Келдыша у меня отберут на повышение...

ПОДРЯД И ЕГО СТИМУЛЫ

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Владислав СЕРИКОВ,
Герой Социалистического Труда

ТЕМИРТАУ

Я недавно приехал из Темиртау. Мы там долго разбирались. На Казахстанской Магнитке строится цех белой жести, из нее банки для консервов будут делать. Трест уже освоил сорок миллионов рублей. В этом году надо сделать в два раза больше, намного повысить производительность труда. Поехали мы на площадку... Вы знаете, что этот цех мне напомнил? Черепословицу. Где-то поле одиночника, где-то пустошь.

Так и этот цех. Вот бригада Иванова, она числится на подряде. У нее небольшой договор на так называемый конструктив, это значит, что она должна выполнить какое-то одно конкретное задание на небольшом участке — забетонировать, допустим, где-то фундамент или сделать часть полов. Через месяц-другой ее перебросят на новое место, где обнаружится очередной прорыв. Рядом с конструктивом Иванова — пустошь, идешь метров 30—40 — запущенная, бесхозная, как говорят, территория. Дальше прорисовываются группы рабочих бригады Сидорова, Белова, Пантелеева. «Штурмуют», — объяснили мне, — конструктивы». И действительно, штурмуют, стараются заработать ребята. Им-то выгодно, а государству?

Я видел заваленные грунтом фундаменты, покореженные им анкерные болты. Ведь потом все это придется переделывать. Разве это подряд? А ведь можно все организовать по совести, по-человечески, а значит, по-государственному.

КАЖДОМУ СВОЙ МАНЕВР

С чего начинать, спрашивают молодые бригадиры, впервые подписывающие договор. Конечно, с расстановки сил. Но вопрос непростой. Лучший ответ приходит с годами.

Прежде всего надо знать, что бригадный подряд держится на трех основных принципах: самоуправление, самоорганизация и предприимчивость.

Что такое самоорганизация? В нашей бригаде было несколько специализированных звеньев: плотники, бетонщики, арматурщики, сварщики, монтажники, каменщики. Звенья были гибкими, то пять, то двадцать человек, в зависимости от потребности. Многие рабочие владели несколькими профессиями.

Я собирал звеньевых, — как правило, их в отличие от своих заместителей не менял. Это были проверенные на практике, отличные знатоки своего дела, настоящие хозяева, а не просто исполнители на своем участке работ. Каждому выдавал карту, своего рода тактический план с января по декабрь. Конечная цель — сдача объекта без дефектов. На карте были указаны и запасные работы, это на тот непредвиденный случай, когда, к примеру, каменщикам не привезут раствор или кирпич. Звеньевые сами решали, когда и что выполнять. Они полные хозяева на своем участке и взаимодействуют со смежниками.

См. «Огонек» № 4.

В расстановку людей я не вмешивался, особенно последние три года. Утром люди приходили на работу и продолжали начатое дело будто после перерыва. Я даже не задумывался, кто и куда пошел: звеньевым это лучше известно. Никто к бригадиру не бегал жаловаться. Словом, каждый четко знал свой маневр. Это и есть самоорганизация труда.

Со стороны можно подумать: что же остается тогда делать бригадиру? Если у звеньевого свой маневр и своя тактика, то у бригадира должна быть своя стратегия, свой дальний прицел. Шахматист имеет в своем распоряжении множество ходов, но выбирает оптимальный. Так и мы, бригадиры, при подряде должны подумать и сделать ход, который, может быть, нигде и не записан, ни в инструкции, ни в методичке, но именно он-то и окажется самым верным, самым выгодным для государства и для бригады — и тогда победа за нами.

Строили мы мясокомбинат. Старший про- раб и мой заместитель поехали в Пензу. Когда строили мельницу — в Таллин. Зачем? А затем, чтоб узнать, как строились там эти объекты, какие были трудности, на которых можно споткнуться, и заранее их предотвратить. Ни у кого не поднялась рука упрекнуть нас за столь дальние поездки: каждая такая командировка «обошлась» государству сокращением сроков строительства в полтора-два раза против плановой.

Ведь, кроме инженерной подготовки, есть еще и бригадирская подготовка производства. Бригадир обязан не только знать, что и как должен делать коллектив, но и как он будет жить. Это серьезная вещь. Приехал я в Джембул. Повезли меня на участок. Люди сидят под тентом, не работают. Почему? Жара, а воды нет. Спрашиваю бригадира: «Как же ты привез сюда людей, а о воде не подумал?» «А меня самого, — говорит, — посадили в машину и повезли»... Вот представьте себе, какая беспечность!

Бригадир отвечает за создание нормальных условий труда. Должен знать, что понадобится завтра, через месяц, даже в следующем году. И заранее беспокоиться о том, как будет организовано горячее питание, доставка питьевой воды, как люди будут ездить на работу... Наконец, заблаговременное обустройство бытовок, подведение к ним электроэнергии и дороги. Мы на Севере занимались этим в первую очередь. В условиях долгой полярной ночи и сильных морозов очень важно, чтобы человек мог в нормальных условиях, в тепле переодеться, пообедать.

Приезжая в неизвестную мне бригаду, непременно осматриваю подсобки, складирование материала. По ним сразу видно, каковы хозяева.

Вячеслав Глушенко из Старого Оскола, я уже говорил о нем, порадовал: у него не просто бытовки — целый поселочек из домиков, поставленных в каре. Тут своя столовая, бригадный склад. Тут и пешеходные дорожки и клумбы с цветами. Зимой елку с лампочками ставят. Все это создает хорошее настроение рабочему, пришедшему на смену.

ЧТО ЗНАЧИТ ПРЕДПРИИМЧИВОСТЬ?

В другой мой приезд Глушенко преподнес очередной сюрприз: трактор «Беларусь»...

Прежде чем, однако, о тракторе, — расскажу о том, как еще давно, переходя на подряд, мы стали энергично укреплять свое хозяйство. Придумывали, искали, каждый что-то нес в общую копилку, каждый себя считал соавтором одной большой работы. Думали не только о сроках сдачи объекта, но ломали голову над тем, как снизить затраты. Эксплуатация ба- шенного крана в третью смену значительно дешевле, значит, надо работать в три смены, бетон принимали главным образом ночью. На опалубку взяли материалы не лучших сортов и подравнивали на своей циркулярке. А рационализаторские предложения! Те же мастера из старых автомобильных рессор, облегченные кондукторы, подмости!..

В 1974 году нам потребовалось получить для строительства мясокомбината около полутора тысяч кубометров сборного железобетона. Нам в этих поставках отказали. «Стройконструкция» отказала, не хватало мощностей. Тогда бригада, не колеблясь, приняла решение построить десять пропарочных камер собственными силами, не у себя — на комбинате «Стройконструкция». Двадцать человек затратили на это почти два месяца, но зато мы получили весь железобетон по графику. Между прочим, заводская бригада тоже взяла подряд на весь комплект и его выполнила.

Вот это и есть предприимчивость в хозяйствовании.

В Джембуле на строительстве фосфорного завода работает бригада Кайзера. В свое время я ему помогал укрупниться. Приехав недавно к нему снова, увидел вытяжной станок для протяжки арматуры. «Откуда, — спрашиваю, — где взял?» «А там, где и ты брал! — рассмеялся Кайзер. — Ты не поверишь мне — точно как у тебя получилось, как ты рассказывал да и как в своей зелененькой брошюре описал. Послал я людей на свалку: ищите. И нашли! Стоит в управлении уже много лет заброшенный, никому не нужный станок. Про него все давным-давно забыли. Притащили, привели в порядок — работает!»

Раньше арматуру тянули бульдозером: сложно и долго и не так получается хорошо.

В свое время подобным образом мы нашли полуманевры для резки металла и отремонтировали их, гибочные станки, сварочные аппараты. Нерадивые люди владели ими. Когда стает снег весной — берите самосвал, краны и тащите все, что увидите — пригодится! У нас на Севере столько лежит брошенного: и вибраторы и металл. Думаю, и на строительстве железных дорог да и в Челнинских степях тоже кое-что найдется...

Ну, а Глушенко по оборотистости всех нас превзошел — трактором обзавелся! Ничего себе приобретение! И все честь по чести, законно. Узнал Глушенко, что соседний колхоз списал по изношенности и истечении срока службы этот трактор на металлолом. «Да я тебе сколько угодного металлолома вместо него наберу, — предложил он председателю. — Договорились?» Трактор отремонтировали, кое-что заменили, даже покрасили. Бегают как новенький, вручает бригаду. У Глушенко много объектов.

ДЯДЯ ФЕДЯ

А про эту историю многие из вас, вероятно, слышали. Уж очень она нравится журналистам, непременно ее обыгрывают. Ситуация, конечно, исключительная. И я, не боясь повториться, расскажу.

У нас в управлении работал главным инженером Федор Иванович Соляник. Человек он уважаемый: участник Великой Отечественной войны, бывший разведчик, высказывался с десантами в Югославии, Чехословакии, Румынии, награжден многими орденами. Подошло время — ушел Соляник на пенсию. Сидел дома.

Когда у нас началась серьезная, большая работа, мы поняли: нам нужен консультант, имеющий свободное время, который, кроме того, помогал бы заниматься документацией, перепиской с организациями. Может, Федора Ивановича уговорим? Собралось нас человек семь, взяли торт, бутылку коньяка, все честь-честью. Поговорили о здоровье, о делах, а потом и спрашиваем, не пойдет ли он к нам в бригаду? Соляник не удивился, будто ждал подобного предложения. Помолчал. Подумал. Поинтересовался — кем же? Мы ответили, что монтажником второго разряда, большого предложить не можем. «Что же буду делать?» — спросил. «Все, что хочешь, Федор Иванович, только помогай нам». «Интересно, — согласился он, — пойду».

Мы долго, наверное, целый месяц не могли принять нового монтажника нашего на работу. Ни управление, ни трест не утверждали. Наконец, без помощи обкома партии нам удалось решить этот вопрос.

Первое время весь трест ездил смотреть, чем занимается Федор Иванович. Как мы ни сопротивлялись этим визитам — не помогало. Обрядили дядю Федю (как обращались к нему рабочие) в фуфайку, поставили ему теодолит, он терпеливо стоял, крутил этим теодолитом. Полмесяца продолжались экскурсии, в конце концов все успокоилось — устали. Тогда мы переодели дядю Федю в костюм, и дядя Федя заработал — занялся инженерными делами.

Соляник внедрял прежде всего на монтаже сварочного железобетона сварочные полуавтоматы. Применил, создал комиссию, санкции к поставщикам за некондиционные материалы. Составил акты. Это была долгая история. Кончилось это тем, что бригада получила большую экономию в десятки тысяч рублей.

Ну, конечно, у Федора Ивановича возраст

В. Игошев. Род. 1921. МОЛОДОЙ ОХОТНИК. 1979.

6 республиканская художественная выставка «Советская Россия»

И. Шевандронова. Род. 1928. РУССКИЙ РОМАНС. 1980.

6 республиканская художественная выставка «Советская Россия»

почтенный, здоровье подводило, а иногда и просто просыпал... А потом, посидев в библиотеке над книгами и журналами, приносил нам новую идею. Многие он сделал для бригады! Такой он, Федор Иванович, до мозга костей инженер. Специалистов именно такого типа не хватает большим бригадам на подряде. Может, и не случайно в бригады идут сейчас выпускники вузов. Но все охватить одному человеку просто невозможно. Консультанты нужны! Может быть, наш опыт с привлечением специалиста-пенсционера стоило бы распространить?

СОВЕТ БРИГАДЫ

Про совет бригады знают, вероятно, все. Это и есть орган самоуправления, наша коллективная, так сказать, власть. В его составе, как правило, одиннадцать человек — удобно для голосования. Переизбирается каждые полгода, закончился этап — и полная смена «кабинета» вместе с председателем. Чтоб не привыкали и чтоб другие могли «повластвовать». Мы считали, что все в бригаде должны пройти через эту школу самоуправления! Все, кроме бригадира и его заместителя.

Что же касается права быть избранным в совет, то мы никогда никому не говорили: «Ты недостойн быть в совете бригады», — а попридерживали до поры до времени: «Тебе еще рано».

Бригадир регулярно отчитывается на заседании совета по всем вопросам производственной и общественной жизни. Совет становится его незыблемой опорой. Это я основательно испытал на себе и очень жалею, что из двадцати семи моих бригадирских лет только последние десять был у нас совет. Причем, как правило, возглавляли его коммунисты. Да и вся работа проходила под руководством партгруппы. Она была достаточно крупная: за время работы на подряде выросла с трех до восемнадцати человек. Активно работала и профгруппа, ее возглавлял коммунист Жаринов.

Чем же занимаются члены совета? Контролируют доставку материалов, работу механизмов, ведут табель выхода на работу. Им дано право призвать к порядку любого рабочего и даже самого бригадира, если их поведение или точка зрения идут вразрез с задачей коллектива. Но самая главная функция совета — воспитательная.

КАКОЙ ТЫ ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК!

В апреле 1979 года в Ленинграде проходила Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная социалистическому соревнованию и воспитанию нового человека. Я выступал на этой конференции с докладом о роли материальных и моральных стимулов на примере нашей бригады. Как известно, коллектив, работающий на подряде, за снижение плановой стоимости и сокращение нормативного времени в конце каждого договорного этапа (их у нас было два в году) получает премию. Распределяет премии совет бригады, учитывая коэффициент трудового участия — КТУ. Вот тогда-то и вступают в силу материальные и моральные стимулы. Причем они приобретают двуединный смысл. Только при подряде происходит полное их слияние.

Оценка труда каждого члена бригады, которую дал совет в виде определенной суммы денег на основе КТУ, в то же время и единственная моральная оценка. Это значит, что его работа вымерена не только в метрах или кубометрах. Вынесено суждение и о человеческих его достоинствах. Тут учитывается все: уважает ли он свой коллектив, помогает ли товарищу, принципиален ли, не отступает ли от принятого бригадой решения. То естьощущается нравственность человека — какой ты есть человек? Вот что стало самым важным. КТУ может быть снижен и в случае неуважения к бригадному подряду. И такая формулировка бывала. Вообще у нас не принято было разделять деловые и нравственные качества человека. Хороший со всех точек зрения не может работать лишь бы как. Недаром в нашей бытовке по решению совета бригады висел такой лозунг: «Главное сделать хорошего человека, а из хорошего человека мы сделаем хорошего специалиста».

Заседания совета бригады проходили порой долго и бурно, и его решения всегда ждали с понятным нетерпением. Оно оглашалось на

общем собрании. Лишенные премии частично или полностью и недовольные имели право обжаловать в течение трех дней. Но за многие годы моей работы не было случая, чтобы кто-то воспользовался этим правом. По истечении трех дней решение совета бригады вступало в силу и никто — ни управление, ни министерство — не могли его изменить.

На Ленинградской конференции я обратил внимание ее участников на то, что если рабочие научились вот так справедливо делить свой премиальный фонд, то, видимо, пора и нашим планирующим органам, от управления до Госплана включительно, так же активно, по примеру бригады, научиться с учетом многих нравственных критериев в работе трудовых коллективов распределять и фонды материального поощрения и почет. Бывает же, что в преимущественном положении оказывается коллектив, который, пользуясь несовершенством некоторых оценочных показателей, работает на «вал» — на свое благополучие. Такое планирование я назвал бы безнравственным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Последним при мне председателем совета бригады был у нас Н. Тот самый, который слыл когда-то безнадежным пропойцей. Если б лет пять-шесть назад мы сказали о такой перемене знавшим его людям, подняли бы нас на смех. Тем не менее было все так. Долго он числился среди безнадежных. Три года не получал ни копейки премии. Из-за него бригада теряла показатели, нас лишали мест в соревновании, но все же мы не решались его выгнать, держали. У него была семья, жена часто приходила, просила помочь ему. Наконец, Н. уехал лечиться и через полгода вернулся совершенно другим человеком. Прошел еще год, для испытания немалый срок. Ни одного замечания, КТУ по наивысшей оценке. Я сам предложил его в председатели совета.

Пример Н. очень сильно действовал на другого человека, Мишу К. Он плавал матросом, списали на берег за пьянку. У него была даже такая справка с печатью, он всем показывал ее: «Хронический алкоголик. Трогать нельзя». А почему нельзя? Четверо детей. Как только начинался запой, жена прибегала к нам: «Ребята, спасайте!» Мы брали самосвал и ехали к ним. Так продолжалось долго, пока не вернулся просветленный Н. Миша все что-то толкался возле него, все что-то спрашивал, потом и сам исчез. Чудо произошло: бывший моряк тоже бросил пить. Минули год, два, три... Возврата к старому не произошло. Видимо, решения совета бригады, жесточайшее наказание лишением премии быют не столько по карману, сколько по самолюбию. В те дни, когда объявляли премии, он не пил, сидел мрачный. Жить-то хочется человеком!

ЖЕСТКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Как складываются отношения между советом бригады и бригадиром? Знаю по себе: аспект этот весьма щекотливый. Я уже говорил, что бригадир отчитывается перед советом. Его работу тоже обсуждают, и такая жесткая демократия действует отрезвляюще. Снажу прямо, когда зачитывают мои грехи, мои недостатки, то, конечно же, ощущение в те минуты далеко не из приятных. Если надо бригадира отметить, его отметят, если надо наказать — наказывают, как и всех. Премии у меня были разные — по заслугам. Если не сумел так организовать труд, что приходилось рабочим затрачивать много физических усилий, то КТУ был, конечно, не в мою пользу. Сегодня Серикову КТУ 1,1, в другой раз 1,5 — и никаких дебатов. Значит, так заслужил.

Тут я хочу обратить ваше внимание на один деликатный момент. Я себе никогда не брал выше четвертого разряда, хотя у меня был самый высокий. Да и другим бригадирам не советую. Есть у нас свои, бригадирские, и этого достаточно. Не на этом держится авторитет бригадира.

При голосовании тоже никаких скидок на мое бригадирство не допускалось. Я голосую, допустим, «за», а все остальные «против», значит, я пошел вразрез с мнением коллектива. Похлопают меня по плечу: «Ничего, Пахомыч, бывает», — и разошлись. Но это со временем забудется. Зато помнится другое: как шли непрерывно (очередь, что ли, установили?) наши рабочие ко мне в больницу, когда случилась со мной беда... Такое никогда не забудется...

В то же время в некоторых районах страны я наталкивался на явную зависимость совета, да и всей бригады, от бригадира.

Бывает и такое, наблюдал на одной стройке. Сидит бригадир в рабочее время в прорабской и позирует. Рядом скульптор старается, уже лепит его бюст. Вид у бригадира щеголеватый, будто не на работу пришел, даже штiblеты, в которых впору на танцы ходить... Да и в работе, как я присмотрелся, он уже главным образом не бригадирствует, а представляет от бригады. Как же: наделен почетными званиями, его и туда посылают и сюда, он и с гостями, приезжающими на стройку, в общем, незаменимая личность. Работа же в бригаде идет по инерции (пока), ей помогают, создают условия, вроде иначе и нельзя, а то она утратит лидерство...

Говорите, и у вас есть такие бригадиры? Надо критиковать таких, возвращать их к общепринятым нормам жизни, пока не поздно.

На Севере у нас такого не бывало. Разодрался коллективу вожак — никакие силы ему не помогут. Был у нас такой эпизод. Одному бригадиру пришлось срочно податься в армию, турщины, но в новую бригаду рядовым... Не посмотрели на то, что у него уже была Золотая Звезда... И все то хорошее, что он когда-то сделал, осталось втуне. А ведь все мы живем ради того, чтобы оставить след на земле.

ОДНА ЛАСТОЧКА...

...Пришла записка: «Что вы предлагаете делать, чтобы не было показушных бригад?» Вопрос житейский, самый острый. Я как раз и хотел закончить этим наш разговор. Не стану ссылаться на профкомы и комитеты комсомола, хотя от них очень во многом зависит общественное мнение.

Давайте проанализируем наши возможности, посмотрим, что мы можем сделать сами. За примерами далеко ходить не буду, снова о своей бригаде.

Две даты нам запомнились особо, мне — на всю жизнь. Первая — май 1971 года, когда я выступил по Всесоюзному радио и объявил, что наша бригада, первой перешедшая в промышленном строительстве на подряд, обязуется досрочно по этому методу построить комплекс южной теплоцентрали Мурманска и вызывает на социалистическое соревнование бригаду Николая Злобина.

Вторая дата — ночь с 1974 на 1975 год. Все веселились, встречали Новый год... А мы, расформировав десять слабых мелких бригад нашего СУ № 2, в ту ночь создали, кроме нашего, три новых мощных коллектива для перехода на подряд.

Одна ласточка погоды не делает... Один в поле не воин... Так в народе говорят. Это мы поняли еще в начале своего пути. Успехи у нас были: южную теплоцентраль сдали досрочно, на три месяца раньше; холодильники — на целый год с опережением, а в управлении дела шли все хуже и хуже. Меняли руководителей, а план не выполнялся. Мы как бы оказались белой вороной, в изоляции, словно на необитаемом острове. Вроде только мы хорошие, а остальные будут не хотят работать.

Надо расформировывать мелкие, неспособные на выполнение поставленных задач бригады. С этим предложением мы и пришли к новому начальнику Коновалову, только что назначенному. Среди старых бригадиров добровольцев возглавить укрупненные не нашлось, боялись рисковать. Согласились мой заместитель Виктор Гуцало и мой зыбенькой Володя Герасимов. Третьим партком рекомендовал Нилова. Так с января 1975 года в управлении стало четыре бригады-участка. За последующие годы производительность труда в управлении выросла на 48 процентов. Был сдан 41 объект, освоено строительно-монтажных работ на 47 миллионов рублей. Экономия к сметной стоимости — более миллиона. А главное, в первый же год, 1975-й, высвободили и передали в другие управления 126 человек, через год — еще 50. С тех пор план так и выполняется с меньшей численностью людей: было 459 человек — стало 283. Не бригады надо готовить для подряда, а объекты для бригад и смело доверять рабочим коллективам большое дело: они обязательно оправдают доверие, покажут себя!

Вот путь, по которому надо идти. Так поступили в Старом Осколе в управлении, в котором работает бригада Глушенко, там тоже только четыре бригады, все укрупненные, и все на подряде. Равные условия, равная задача. Так может, так должно быть в каждом управлении, на каждой стройке.

Так должно быть и в Темиртау, в цехе белой жести, о котором я говорил вначале. Посмотрите на этот план цеха, вычерченный на миллиметровке. Видите, на нем квадраты, заштрихованные синим и красным цветом? Ими мы «разрезали» цех, словно пирог, на узлы, или, как говорят на «Атоммаше», на зоны. Слышал, что по такому принципу строились заводы КамАЗа. В каждой зоне плотно друг к другу встанут бригады. Укрупненные бригады, настоящие хозяева своего участка. Работа будет трехсменной. Люди будут знать, что 31 декабря на худой конец не государственной, а рабочей комиссии они вручат «ключ» от узла. И без доделок! Я уверен, что дело пойдет. Другого пути нет.

Люди придут к подряду, только им надо помочь, подтолкнуть их к этому. Не случайно же со строительных площадок подряд шагнул в другие отрасли народного хозяйства — на заводы, фабрики и транспорт. В одиннадцатой пятилетке, как видно из проекта «Основных направлений», этому методу ведения работ придается особое значение.

Беседу В. П. СЕРИКОВА с победителями соревнования на призы «Огонька» подрядных бригад на БАМе, строительстве КамАЗа и «Атоммаша» записала Г. КУЛИКОВСКАЯ.

То, что, по обыкновению, легко заявлял сейчас Щеглов, и то, что было не по душе Лопатину, задевало в эту минуту Васильева не сущностью их несогласных позиций, а тем, что замечал, как сумрачно темнели под ресницами глаза Виктории, и он страстно хотел понять, что происходило в этой красивой светловолосой головке его дочери, так алчно впитывающей терпкий яд слов Эдуарда Аркадьевича, словно бы сквозь смех наслаждавшегося самоуничижительной горечью разочарования.

«Мне ясно, что он хочет понравиться Илье, но его вдохновляет спор с Лопатиным и внимание Виктории,— подумал Васильев.— Иначе

Но и оно не может научить счастью, оно лишь развлекает приятной сказочкой: будь честным, смелым, добродетельным...

— Боже мой, какой мед, какая сладость! — воскликнула Виктория с ненатуральной радостью. — К черту ваше искусство, дядя! Могу ли я быть актрисой, если мне ни перед кем не хочется лицедействовать! Илья Петрович, скажите, пожалуйста... вы как-то молчите, а я хочу, чтобы вы ответили мне! Что думаете вы? — проговорила она иным тоном, обращаясь к Илье, а он с каплями пота на лбу курил, смотрел на нее немигающим тяжелым взором, смотрел в отстраненном молчании, потом проговорил хрипло, с кривой улыбкой:

— Я не типичен, Виктория, в вашем споре.

— А что вы думаете? Что — вы?

— Что я?.. Как только человек заглянул в свою душу, он познал ад. По крайней мере у меня это началось после войны, в шестидесятом году.

— У вас давно. А у меня... — начала, усмехнувшись, и недоговорила Виктория, и пасмурная тень прошла под ее вздрагнувшими, длинными — Мариинными — ресницами.

«Что объединяет их, что общего между ними, что сближает их — Илью и мою дочь? — подумал Васильев и почти с отчаянием почув-

подбородок, приподнял голову, заглянул в глаза, недавно отчужденные, хмурые, и увидел струистую грустную их глубину, такое знакомое выражение, какое бывало во взгляде молодой Марии, напоминающем теплую тень на траве. — Я хотел сказать, что в твоей жизни только началось утро. Что бы ни было, еще утро. Все пройдет, дочь.

— Нет, папа, я не гожусь для святых женщин-мучениц, таких, как мама!

— Как похожа на Марию, умопомрачительно похожа, особенно когда смотрит сбоку, — раздался голос Ильи, резковатый, излишне уверенный, и этим вмешательством, почти неприятным Васильеву, обрезал нить разговора между ними, прервал пронзающую фразу Виктории.

«Она сказала «таких святых, как мама»? Да может ли это быть? Что ж, Мария призналась Виктории, что еще со школы терпела мою дурацкую влюбленность много лет, а сама вынужденно несла крест! Значит, только один для нее был — Илья? Это, наверно, так!»

— Как она похожа на Марию, — повторил Илья громко.

Он стоял по другую сторону заставленного бутылками стола и держал в правой руке бокал с шампанским, в левой — зажженную си-

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЫБ

откуда этот ливень сарказма и иронии? В нем есть какая-то наркотическая сила зыбкости. Как он нехорошо действует на Викторию, и как это нехорошо видеть!..»

— Кого же жалеть, Александр Георгиевич? Скажите, пожалуйста! — спросила вдруг Виктория с брезгливым вызовом. — Лжеца? Грабителя? Дурака? Они еще больше станут лжецами, грабителями и дураками.

— Милая Вика! Что касается дураков, — попытался поиграть ее словами Лопатин, обеспокоенный гневной вспышкой Виктории, — то надо в себе вырабатывать дуракоустойчивость. Или, пожалуй, считаться с ними, Вика, ввиду их численного превосходства. Надо, пожалуй, верить...

— Верить? Чудесно! Вы сказали «верить». А что такое вера — страх или убеждение? — перебил его сейчас же Щеглов, и бесовский костер взвился искрами в глазах его. — Вера? Пережитая истина или эмоциональное отношение к истине? В какую веру вы обращаете Виду?

— Перестаньте, дядя, — строго сказала Виктория, и по ее горлу прошла еле заметная судорога. — Так стало модно очень. Все сразу переводить в шутку. И вы стали так, Александр Георгиевич, хотя вам не идет. Для чего говорить слова, одни слова на все случаи жизни? Кому нужны ваши длинные монологи? — поморщилась она гадливо. — Кого это делает счастливым? Как страшно, что все говорят, призывают, клянутся, учат друг друга, а на самом деле — совсем другое. Просто страшно!..

— Наверное, Вика, вряд ли вы справедливы полностью, — забормотал Лопатин неловко, копаясь пальцами в бороде, пощипывая ее. — Вы напрасно так нас...

— Вичочка, пощади, золотце, юная герцогиня наша! — прискорбно заговорил Эдуард Аркадьевич и воздел руки, словно в молитве призывая на помощь само небо. — Я хотел бы научить тебя быть счастливой, красавица моя! Но — как? Счастье — это лишь то, что мы представляем о нем. Мираж, мечта, жить в сладости весенних снов. Кого можно научить счастью? Я могу научить лишь злой веселости, но это не для тебя. Поверь, как будущая актриса, что только искусство стоит чего-то в жизни.

ствовал, что Виктория в неисчезающей брезгливой ожесточенности не хочет никого слушать, кроме Ильи, и оттого, что она спорила с любимым ею Эдуардом Аркадьевичем и в особенности с Лопатиным, которого обычно слушала ласково, и оттого, что сама искала себе выхода, он вновь испытал острую отцовскую муку, похожую на страх навсегда потерять ее.

— Знаешь, что я вспомнил, Вика? — сказал Васильев, стараясь говорить спокойно. — Я вспомнил, как однажды прошлым летом пошел на мотив часов в восемь утра. Спустился к Москве-реке, устроился на ступеньях, а впереди — мост, зелень на том берегу и набережная в тени и бликах. И главное — прекрасное утро, солнечный, прохладный воздух, радость пробуждения. Но вдруг вместо сиреневого и серебристого цвета на холст лезет синий — чертовщина, я ничего не понимаю, но уже нет прозрачных утренних теней, зыбкости воды. И чувствую, что пишу ночь вместо утра. Солнечный колорит, а у меня — ночь. — Васильев помолчал, внезапно ужасаясь тому, что начал рассказывать, и боясь, что увидит на лице Виктории недовольную гримасу. — Сзади какие-то туристы — американцы на набережной, наблюдают сверху, а я спиной загораживаю мольберт и думаю: что за наваждение? Что за подмена? Вокруг свет, солнце, сверканье воды, а на холсте ночь... До сих пор не могу объяснить странной метаморфозы. Ты видел эту картину, Саша, помнишь?

— Н-да, великолепная лунная ночь, — пробормотал Лопатин.

— Зачем ты рассказал это, папа? — спросила Виктория, и морщинка раздражения прорезала ее переносицу. — Неужели так похоже, что чудесное летнее солнце я выдаю за унылую луну? Нет, па... — Она пересела ближе к нему, на краешек свободного стула, прикоснулась пальцем к его руке. — Нет, па, ты всегда будешь смотреть на меня, как на ребенка. Не обманывая себя. Я уже взрослая. Па, я ведь знаю, что и тебя и меня выбили из колеи, — добавила она шепотом с покаянным дрожанием губ в полуулыбке. — Прости меня и маму. Хотя мы обе не виноваты. Но ты прости...

Она опустила голову, и ему стало тяжело и жалко ее в этой неожиданной всепонимающей покорности.

— Послушай, дочь, — он взял Викторию за

гарету. Его лицо с крупными каплями пота на висках выделялось мертвенной бледностью, какой-то задумчивой, наркотической пристальностью расширенных зрачков, устремленных на Викторию. Был он уже явно нетрезв, но пил шампанское и подливал его себе и гостям неумеренно, так же неумеренно курил одну сигарету за другой, и эта его алчность после подчеркнуто строжайшего режима в еде, в курении, после полного воздержания от вина и даже слабых коктейлей при встречах в Венеции и здесь, в Москве, пугала Васильева разрушительной беспощадностью, словно он убивал установленное стоическое и рациональное в себе, что еще берег и расходовал по частицам вчера. Может быть, Илья предполагал иное свидание с матерью, и его приездом не растопленный в душе холодок Рансы Михайловны, ее не растворенная временем обида пошатнули в нем некую надежду, и теперь, мнилось, он мстил своему наивному и несбывшемуся желанию.

— Овал лица, выражение глаз, голос — как все повторилось в твоей дочери, Владимир, — говорил между тем Илья, чуть покачиваясь с каблучков на носки и безжизненно улыбаясь. — Мой сын Рудольф ничем не похож на меня. То есть русского в нем — нуль. Педантичный, бережливый немец. Надеется торговать с Sowjetunion¹, но русский язык выучил плохо. Зова крови никакого. Россия интересует как выгодный торговый партнер, Америка — как идеал, образец. Рудольф... Рудольф Рамзэн. Вот видишь, Владимир, и у меня сын. Но... в общем, какой смысл? Видимся мы раз в год. В рождество. Он равнодушен ко мне. Кровный след, как видишь, я на земле не оставил.

— Я как-то очень сегодня устала, папа. Мне пора. Я попрощаюсь с вами, Илья Петрович, — сказала Виктория и, поправляя волосы, отклонила голову, взяла сумочку со стула. — Завтра в котором часу самолет?

— Провожать не надо, прощания напоминают похороны, — сухо предупредил Илья и прищурился на Викторию сплошь черными, вспоминающими и неразмягченными глазами. — Вы сможете выполнить одну мою просьбу, Виктория?

— Конечно, если я в силах, Илья Петрович. И, высосав шампанское из бокала, он нена-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—44. 46—52, 1980; №№ 1—4 с. г.

¹ Советским Союзом (нем.).

сытно задохнулся сигаретой, в раздумывающей медлительности вышел на слегка шатких ногах в другую комнату и вернулся через минуту.

— Передайте маленький сувенир вашей матери, которая, к большому сожалению, плохо себя чувствует, как мне известно, и здесь быть не смогла,— сказал Илья с преувеличенной чопорностью и подал Виктории красную полированную коробочку, продолговатый ювелирный футляр.— Подарок куплен не в Италии, а в «Березке» на... как его... Кутузовском проспекте. Хочу надеяться, что выбранные мною серьги понравятся вашей матери. А это вам, Виктория. С робкой надеждой, что скромный презент понравится вам тоже,— добавил Илья, наклоном головы прося позволения до конца быть любезным и не отказывать ему, подавая вторую такую же полированную коробочку Виктории.

Она спросила быстро:

— Что здесь, Илья Петрович?

— Кулон. А вась, не будете меня бранить.

Она, краснея, вопросительно промелькнула глазами по лицам отца и Ильи, раскрыла коробочку и тотчас потянула оттуда тончайшую цепочку кулона, приложила его к груди перед зеркалом, но сказала без особой радости:

О

Р

— Очень женственно. Спасибо. Как тебе, па?

— Я не люблю подарков, Вика,— нашел нужным сказать Васильев и выговорил раздосадованно Илье: — Думаю, что ты достаточно разумный человек для того, чтобы понимать, что дорогие подарки двусмысленны. Зачем эти жесты, Илья?

— Не думал, признаться.

— Ну, Владимир Алексеевич, помилуйте! — с сомнением выговорил и замычал выжатым упрекающим смешком Эдуард Аркадьевич. — Вы в высшей степени щепетильны и мнительны! Напрасно, напрасно! Мы сами создаем себе неудобства...

— И шут с ним! Что «напрасно»? — загрохотал Лопатин, всплыв неожиданно. — На каком основании мы должны друг перед другом раскавычивать цитаты хорошего тона! Хохот собачий! По-моему, Эдуард Аркадьевич, вы представили, что находитесь на приеме в некоем посольстве и у вас оторвалась пуговица в неподобающем и неудобном месте в момент вашего тоста!

— Позволю спросить, при чем посольство и почему в таких официальных обстоятельствах приняла участие пуговица?

— Пуговица в самый патетический момент вашего тоста с визгом оторвалась, проклятая, и упала в тарелку с ананасами.

— Какой ужас! — сказал Щеглов и схватился за голову, сделав испуганно-кислое лицо. — Ваше воображение, Александр Георгиевич, нарисовало потрясающую картину брейгелевского свойства, но... мы с вами в гостях и, следовательно, должны...

— В данный момент никому ни копы не должен, хотя раньше и бывало! — гулко и нестеснительно забасил Лопатин, разъяренный чем-то. — Должен только одной строгой даме, вокруг которой вы давеча долго кокетничали и искокетничались вдрызг. Имя дамы — Правда, как вы изволили правильно догадаться, Эдуард Аркадьевич! Поэтому сейчас я должен отдать ей один из должков — кто у кого в гостях? Мы у господина Рамзэна или господин Рамзэн у нас?

Тогда Щеглов отозвался тоном колкой учтивости:

— Вы переступаете границы, уважаемый Александр Георгиевич, врываетесь, так сказать, с ломом...

И Лопатин отчеканил с отгораживающей свирепой вежливостью:

— Я готов стать нарушителем границы светского тона, Эдуард Аркадьевич, для того, чтобы задать вопрос господину Рамзэну. Кто у кого в гостях? Он у нас или мы у него? Вика, вы простите...

А Илья, весь взмокший от пота, весь белый, как кость, не отвечал на вопрос, выкраивая пепельными губами узкую усмешку, в которой не было ни сопротивления, ни защиты, ни задетого самолюбия. Его лицо было недвижно, но эта усмешка распространяла словно бы беспредельную усталость, тихую горечь всепрощающего сожаления.

— Нет,— неотчетливо выговорил Илья. — В гостях — я. Но я — чужой. Как, впрочем, все мы на земле. Чужие. Что касается до подарков, то они — маленькие житейские радости. Возможно, нам, мужчинам, их не понять. И, право, нет для того причины. Впрочем, я не в силах отместить подозрения...

Его печальная усмешка, его слова, сказанные покойно, источали болезненную покорность судьбе, намекам чужого недоверия и вместе некую оцепеняющую силу грустного внушения, и видно было, как серые глаза Вик-

тории наполнялись мягкой, искрящейся влагой, точно она извинялась перед Ильей за произнесенные здесь грубости. (Неужели за эти дни он приобрел такое влияние на нее?) Потом она оглянулась на Лопатина, взглядом призывая его отказаться от ненужных резкостей и подозрений, и сказала наперекор всему, что могло сейчас стать препятствием:

— Я возьму подарки, папа. Со мной ничего не случится. Спасибо, Илья Петрович. Я передам маме. — Она придвинулась на шаг к нему, встала на цыпочки и очень серьезно поцеловала его в подбородок. — Провожать я вас не приеду. Вы не хотите. И хорошо. Поэтому до свидания. Кстати, жить чужой среди чужих лучше всего. Никто никого не знает. Никому до тебя нет дела. Хорошо. Жить, как киплингская кошка. Помните, она ходила сама по себе!

— Не кошка, а кот,— поправил Лопатин, мрачней. — В этом есть разница, Вика.

— Все равно! Еще раз до свидания!

Илья с отяжеленным дыханием поцеловал ей руку, ноздри его сжались и разжались, как если бы он втянул запах оздоравливающего лекарства в тепле ее кожи, выговорил застревающим в горле шепотом:

— Прощайте, Виктория. Я все сделаю, что обещал.

— Почему «прощайте», Илья Петрович? Почему вы так грустно сказали?

Он промолчал, глядя ей в лицо. Она повторила:

— Почему «прощайте»?

— В моем возрасте никому неведомо, проснешься ли здоровым утром,— насильственно-бодро и вежливо объяснил Илья и, уронив голову в поклоне, промокая влажный лоб платком, напряженно-ровными шагами проводил Викторию в переднюю.

Когда же он вернулся в комнату и с видом вольности в мужском обществе растегнул на все пуговицы пиджак, отпустил узел галстука, когда потер скомканным платком дрожащие пальцы, вроде под этим платком согревая их, показалось, что весь он ледяной, мокрый под костюмом, и пот, покрывавший его лоб, его виски, был щекотливо-холоден, а шампанское, которое он плеснул в бокал и отхлебнул, войдя в комнату, не в состоянии было растопить в нем что-то замороженное, заковавшее его.

— У тебя обаятельная дочь, Владимир,—

проговорил Илья надтреснутым голосом.— Да, обаятельна и умна. Но по молодости не знает, что мир идет от плохого к худшему. Сейчас человеку плохо везде. Везде и всем. Ни у кого нет богов. И нет веры в себя. И в других... Все мы путешествуем в пустоте, не зная, куда и зачем.— Он замолчал и, усиливаясь твердо держаться на ногах, обошел стол, с замедленной тщательностью долил бокалы, так подчеркивая неумное желание продолжать пить со всеми, и стал чокаться поочередно.— В последние годы я убиваю время чтением. Помню фразу одного русского писателя: «Будем пить на сломную голову!» Что касается до моего режима, Владимир,— прибавил он и недобро засмеялся, чокаясь с Васильевым особенно протяжно и значительно,— то придется расплачиваться по крупному счету. И наличными. Alles¹.

— Тогда остановись, Илья, ты это можешь,— сказал Васильев.

— Зачем? Не вижу смысла. Сегодня надо пить. Завтра — адью, аллес.

Да, этот переутомленный жизнью, серьезно больной человек не имел ничего общего с самим собой в навеки ушедшем прошлом, и все-таки связь эта была. Она была и в том, как он сказал о внешнем сходстве Виктории и Марии, и в том, как печально поцеловал руку его дочери, и в том, как, прощаясь, долго и вспоминая глядел ей в лицо, наверное, находя повторенные чудом Марии черты, той Маши из неповторимой и прекрасной юности, когда он, Илья, был другим. Было похоже, что в Виктории, ее глазах, гибком голосе, ее улыбке он видел прежнюю молодую Марию и, быть может, в попытке вернуть лучшие свои годы, что-то оправдать, искупить, помочь, с чем-то проститься, готов был на не оправданное в его положении безумие, переворачивающее все в их взаимоотношениях.

— Я должен тебе сказать, Илья...— раздельно произнес Васильев и, сразу заискрившись гневом, договорил с трудом уравновешенно: — Очень жаль, что получилось так. Очень жаль, но я попросил бы тебя оставить в покое Викторию... Думаю, что ты хорошо понимаешь, о чем я говорю. Мне не хотелось бы пако- стить нашу «зарю туманной юности»... и все то, что было... Да, именно так. Поэтому разреши откланяться и пожелать тебе счастливого пути, Илья!

Васильев встал, сверх меры спокойный, отчужденный этим смертным спокойствием, которое внутренне подавляло его, и прибавил необлегченно:

— Пожалуй, встречаться нам с тобой не имело никакого смысла. Мы кое-что испортили напрасно. А впрочем, так должно было быть...

— Подожди! — не разжимая зубов, крикнул шепотом Илья, и его лицо приобрело заостренное, жесткое выражение.— Подожди! — повторил он хриплым горловым выдохом.— Может быть, мы с тобой уже никогда не увидимся. Не торопись...

— О, владельцы истины! — вмешался Эдуард Аркадьевич и воздел подвижные руки в умиротворяющем недоумении.— О, два рыцаря истины! Научите, как жить! Как? И каким образом? Заграница — бяка, а мы — нака? Но, дорогие мои, вспомните о голубке мира бесподобного Пикассо!.. Где ей, драгоценной, вить гнездо? Есть ли для нее география? Виктория — та же чистая голубка...

— Опять прет пустозвонство! — оборвал, яростно засопев, Лопатин и с видом человека, потерявшего терпение, выставил огромный палец в сторону Эдуарда Аркадьевича, загремел оглушительно, не давая ему говорить: — В данных обстоятельствах ваше участие и ваша ирония так же необходимы, как задницы галоши в апрельский день!

— То есть как? Что за грубые выражения вы допускаете, многотимый Александр Георгиевич? — тонко воскликнул Щеглов, обаятый искренним возмущением.— Викторию я родственно люблю! Как вы можете?..

— Тем более — галоши не нужны!

— Вы позволяете себе неприличности водопроводчика! — закричал Эдуард Аркадьевич и

выказал короткий злой оскал, вмиг уничтоживший его светскую, игривую легкость, всю его расположенность к безнаказанным удовольствиям спора, но сейчас же он испуганно опомнился, будто злобным оскалом нечаянно позволил увидеть собственную физическую неполноценность, и молниеносно привел лицо в порядок — с прискорбной иронией прыснул постанывающим, визгливым смешком, поглядывая направо и налево, затем изящным и плавным жестом балетной кисти, омоложенной стерильной белизной манжеты и крупной запонкой, подхватил бокал со стола, произнес прешутливым тоном:

— Самый лаконичный тост, милые друзья: «Kein Problem»². Не в этом ли зарыта изюминка счастья?

Никто не отозвался ему; Лопатин хмыкнул в бороду с хмурым неодобрением, а Васильев смотрел на Эдуарда Аркадьевича, приятно размягченного, дружелюбного, приглашающего к миру, но еще видел недавнюю вольную улыбку, изменившую минуту назад его облик, и думал: «Где же его правда?». А Илья на прямых ногах стоял посреди комнаты, не выпуская бокала из подрагивающей руки, затягиваясь сигаретой, и взгляд его упирался в узоры ковра на полу, губы неповоротливо проговаривали отрывистые, угловатые фразы:

— Пойми, Владимир, я не неволю Викторию. Не принуждаю. Я не предаю тебя, Владимир. Она сама... Ошибочно было бы думать... мне уже ничего... не надо...

В голосе Ильи была плоская, лишенная звуковой плоти стылость, по-прежнему безжизненно припаян был его взгляд к переплетенным узорам гостиничного ковра, и стекали извилистые струйки пота по его наклоненному лицу с пепельными обводами в запавших подглазьях. И хотя все слова различимо произносились им, но походило на то, что Илья молчал, не произносил ни звука, отчего стало жутко: он молчал даже тогда, когда отчетливо говорил, — он был как будто наедине с самим собой.

— Я не обвиняю тебя в предательстве, — сказал Васильев.

Илья не взглянул на него, только, мертвея глазами, присосался к бокалу с шампанским, оторвался не спеша, и не успев перевести дыхание, со всхлипом задохнулся дымом сигареты. Эта замеченная его манера поражала — после каждого глотка затягиваться сигаретой, должно быть, намеренно смешивая алкоголь с дымом, и Васильеву внезапно подумалось, что, вероятно, когда-то, до болезни, Илья пил оглушающе скверно.

— Я не обвиняю тебя в предательстве, — повторил Васильев.— Речь о другом...

— Речь о другом, — согласно и безразлично выговорил Илья и с вялой презрительной восторженностью оглядел себя снизу — зимние ботинки с металлическими пряжками, серые брюки, выглаженные до безупречности, полосатый галстук, — оглядел, усмехнулся, чуть дернув землистой щекой, возвел не пропускающие вовнутрь ночные глаза на Щеглова, увлеченно счищающего кожуру с апельсина, и устало спросил: — Сколько вы прожили на свете, Эдуард Аркадьевич, простите ради бога?

— Мало, Илья Петрович. По сравнению с Адамом невероятно мало, — ответил Щеглов и положил дольку апельсина в улыбающийся рот.— Адам прожил, коли не ошибаюсь, девятьсот шестьдесят лет, по библии... до грехопадения. Я — весь в грехах, ибо родился в конце прошлого века.

Илья длинной затяжкой вдохнул дым сигареты, запил его глотком шампанского, безучастно глядя на Щеглова, на его испускающие сатанинские молнии стекла очков.

— Вы боитесь смерти?

Эдуард Аркадьевич аппетитно дожевывал дольку апельсина и, точно бы застигнутый врасплох, живо промокнул салфеткой до гладкой чистоты выбритый, еще крепкий старческий подбородок.

— Какая разница, Илья Петрович, — раньше ли, позже ли. Раньше — обидно, разумеется. Позже — значит, на какую-то сотню вот таких вот вкуснейших апельсинов съешь больше. И, разумеется, больше нелепых пьес поставишь.

А все же — лучше позже. Собственно, чем дальше, тем ближе. Чем ближе, тем дальше... Смерть — обратная сторона бытия и наша тень, и пора привыкнуть, что мы носим ее в себе...

— Ложь и обман, — сухо проговорил Илья.— Вы прожили долгую жизнь, но вы панически боитесь смерти, как и все мы. Боитесь панически. Не так ли, Эдуард Аркадьевич?

— А если так? Что ж из того? Имеем ли мы право осуждать жизнелюбцев? — проговорил невинно Эдуард Аркадьевич и выверенным прикосновением ладони пригладил волосы, уложенные на лысине.— Можно ли до предела познать вкус жизни? Много ли Фаустов среди нас?

— Все мы рабы, трусы, пленники страха, — заговорил Илья, снова упираясь взглядом в узоры ковра под ногами.— Все свободы — придуманная видимость, мираж. Страх и свобода исключают друг друга. Есть одна великая свобода... когда человек становится над собой и над всеми богам. Абсолютная свобода. Но такого почти не бывает. За исключением...

— За каким исключением? — спросил Васильев, подгоняемый ударами сердца при этих чеканных и незаконченных словах Ильи.

— Героев и сумасшедших, — проговорил Илья коснеющим языком, с затруднением следуя за какой-то навязчивой мыслью, порой ускользающей из сознания.— Человеку плохо везде. Sehr schlecht³. В эти дни я походил по Москве, как по музею — по магазинам, по улицам... Рая нет. Унылый мировой стандарт. Почему в Москве так рабски подражают Западу? Кто-то у вас, как безумный, влюблен в чужой стиль... в бездушный... гибельный, пошлый стиль — и становится тошно. От архитектуры... Гаражи для людей... И смешно. И сойти с ума можно. Нет ни рая, ни родного угла... Послушай, Володя, есть ли начало времени и конец пространства? Ты думал об этом? О времени? Кажется, ты мне об этом говорил. Наверняка все наше прошлое — детство, наша молодость — было вне времени. Не приходило в голову? А все другое... началось потом? Мне разрешили приехать... Я оказал некоторые услуги своей Родине после войны, но какие все пустяки. Возможно, мы пылинки в потоке мировой судьбы. Вселенной... Страшная штука жизнь... Я заболел, хотел забыться и убивал время чтением. И великую печаль познал я... как царь Соломон. Пылинки, поток и... бессилие. Страшно не умереть. Страшно умирать. Можно оставить след, но можно и наследить, хуже всего — пустое место. Страшно это — пу-устое место! Не думаете ли вы, что все человечество — подопытные кролики на земле и кто-то проводит с нами чудовищный эксперимент? Похожий на медленное приведение приговора в исполнение. Нет, не бог. Это сила выше бога. Послушай, Володя, мой старый друг. Все смертно, абсолютно все. И те, кого мы любим, и те, кто кого-нибудь любит. Не мы делаем выбор, а господин эксперимент. Лохматое, звездное, далекое... И всякому приходит час прощания. И прощания, если не проклятия. Выбор — самоопределение. Или — или. Кто внушает нам «или»? Страшно. Это — пустое место. Не черная, не белая дыра во Вселенной, а бездонная пустота... Проведен эксперимент, познано, на что способны люди, — и пустота. Лаборатория покинута. Удался опыт или не удался — не мы судим. На это разума не дано. Выбор, выбор... Жизнь или смерть — выбор. Кто внушает? Вселенная? Или несколько всесильных людей, которые хотят править миром?..

— Кажись, твой приятель — вдрабадан, — сказал в мрачной задумчивости Лопатин, слушая Илью с чуткой серьезностью, как слушают бред душевнобольного, удивляясь одержимой его убежденности, по-видимому, соглашаясь и не соглашаясь с выводами его разгоряченного ума.— Но он говорит невероятные вещи, и у меня волосы шевелятся...

— Н-да, сколько людей, столько и истин, согласитесь, — возразил Щеглов, не без грустного наслаждения купаясь в развешивающей кислоте чужой мысли.— Просто он говорит нетривиальные вещи, Александр Георгиевич.

— Нам пора уходить, — сказал Васильев, чув-

¹ Всё (нем.).

² Никаких проблем (нем.).

³ Очень плохо (нем.).

ствую вползающий в грудь жутковатый холод от размышления Ильи, которое все также чудилось ему закрытым звуком голоса, его молчанием, хотя он явственно воспринимал смысл его слов и это новое непронизимое им раньше обращение: «Послушай, Володя, мой старый друг». А Илья неподвижно смотрел под ноги на эти нелепо асимметричные узоры ковра, и светлые ниточки пота стекали по бритым щекам, губы шевелились, в его опущенной руке осыпала пепел на отглаженные брюки докуренная до фильтра сигарета, и что-то болезненное, одинокое, необратимое было в облике Ильи, то, чего не хотел видеть и знать Васильев, что окончательно, бесследно уничтожало их общую юность, которую он не мог представить без непоколебимой веры в счастливую судьбу и веселой, самонадеянной силы Ильи,—и тогда Васильев проговорил громче: — Нам надо идти, Илья. Пожалуй, тебе стоит отдохнуть перед полетом. Я позвоню утром, если ты не возражаешь.

В тот момент, когда они начали отодвигать стулья, подыматься из-за стола, выходить в переднюю, где висели их пальто, Илья не двинулся с места, ни словом, ни жестом не остановил никого, только поднял голову и проводил всех неочнувшимися глазами, затем лицо его дрогнуло, перекопилось, как от ужаса, увиденного вблизи, но тут же он напряженно выпрямился, через усилие прочно поставил порожний бокал на стол и, почти не шатаясь, вышел в переднюю, чтобы проводить гостей.

И была неприятная минута, когда молчаливо одевались.

В эту минуту он ждал сбоку зеркала, спаянно стиснув челюсти, вроде теперь нельзя было разжать их для произнесения нескольких слов напоследок, морщины в углах полуприкрытых век мелкими лучиками суживались, казалось, от съедающего его, давленного внутри страдания или надвигающейся тоски (останется здесь один в огромном номере со своим безысходным, казнящим молчанием, которое уже не заглушить словами)—и Васильев, еще не надевая шапку, протянул руку, сказал хмурясь:

— До завтра. Я позвоню.

— Не звони, Володя, тебе позвонят,— выговорил Илья, еле раздвигая непослушные губы, и морщины в углах глаз задрожали заметнее.— Мы с тобой не поцеловались, когда я приехал,— добавил он, виновато и жалко усмехаясь, и шагнул к Васильеву, не совсем уверенный, очевидно, что они могут проститься не так, как встретились.— Хочу тебе сказать на прощание... Может быть, в последний раз...

— Ты уверен, что мы не увидимся?

— Хочу сказать, что ты не можешь мне простить сорок третий,— опять еле разлепил губы Илья, и голос его опал, увяз в хриплом шепоте: — Но тогда было тоже «или—или»... Тот самый выбор... Господин эксперимент... Или Лазарев, или я. Одну пулю я пожалел только для себя... Ты это хотел знать. А теперь прощай, Володя. Мы больше не увидимся.

— Прощай, Илья. Все возможно на этом свете.

— Не все, Володя, не все.

Васильев не любил мужских поцелуев, и они неловко качнулись друг к другу, однако не поцеловались, а коротко, неудобно прижались щеками, и это прикосновение мертвецки-ледяного, влажного от пота лица Ильи потом долго и мучительно помнил Васильев. Он ощущал эту холодную влагу и когда в машине Лопатина подвозили Щеглова к театру, и когда ехали до мастерской, и когда, расставаясь, Лопатин густо покашлял, вздыхая, потерев бороду, пробормотал в сожающем раздумье: «Экземпляр-ар очень не простой, понимаешь ли ты, леший его возьми»,—и затем в окружившей его привычной, родной тесноте мастерской, новым ковчегом поплывшей в вечерней тишине вместе со стеллажами, мольбертом и пейзажами, утром расставленными по двум стенам и забыто неубранными, глядевшими нежной золотистостью предзакатного покоя на вершинах берез, ранним солнцем розового зимнего утра, прощальной оголенностью поздней осени...

Продолжение следует.

ЛЕНИНСКИЕ

ТЕЛЕФОНОГРАММЫ

Тревожная обстановка сложилась тогда в Москве. Левые эсеры, которые ранее входили в состав Советского правительства и демонстративно вышли из него после заключения Брестского договора, начали открытый мятеж против Советской власти. Сигналом к нему послужило убийство левыми эсерами немецкого посла Мирбаха. Мятежники рассчитывали, что в связи с этим актом Германия нарушит заключенный договор и начнет военные действия против Советской республики. После этого левые эсеры арестовали Ф. Э. Дзержинского, члена коллегии ВЧК М. И. Лациса, председателя Московского Совета П. Г. Смидовича и некоторых других видных советских работников. Захватив затем телеграф, они разослали по стране ложные сообщения и отважились даже на обстрел Кремля из нескольких артиллерийских орудий.

В этих условиях требовалось большое мужество, настойчивость и воля, чтобы как можно быстрее разгромить заговорщиков. Именно эти качества были присущи В. И. Ленину.

Спустя 62 года после этих событий в Центральном музее Революции СССР при обработке материалов старых поступлений выявлена папка, в которой сохранились 27 документов Президиума Московского Совета, относящихся к событиям левозерского мятежа и его ликвидации¹. Среди них — четыре телефонограммы, переданные В. И. Лениным и два правительственных сообщения, в написании которых Владимир Ильич принимал участие.

Выявленные в музее документы ранее публиковались в Собрании сочинений В. И. Ленина и в других изданиях. Однако они и сейчас представляют большой интерес не только тем, что содержат новые факты и сведения и вводят нас в сферу государственной деятельности Владимира Ильича, но и тем, что все документы имеют пометки, которые показывают, как выполнялись распоряжения и указания В. И. Ленина. Эти документы интересны и ценны еще и потому, что в Институте марксизма-ленинизма они хранятся в виде машинописных копий.

В одной из телефонограмм В. И. Ленина в Моссовет от 6 июля предлагалось пропустить к месту назначения наркомов, задержанных при проверке автомобилей, и особое внимание обратить на розыск автомобиля № 23—83. В другой телефонограмме Ильича в Моссовет, датированной также 6 июля, предлагалось, кроме автомобилей наркомов, пропускать машины боевых отрядов, но задержать машины левых эсеров, членов ВЧК. Дело в том, что левые эсеры захватили несколько грузовых и легковых автомобилей и пытались использовать их при мятеже и бегстве из Москвы. Некоторые левые эсеры занимали руководящие посты в аппарате ВЧК. Они принимали активное участие в мятеже, и их надо было в первую очередь захватить с имеющимися у них машинами.

Третья телефонограмма была передана в 1 час 30 минут ночи с 6 на 7 июля. В ней сообщалось о начавшемся бегстве левых эсеров из Москвы и предлагалось принять все меры и задержанию мятежников и броневики. По сохранившимся пометкам видно, что телефонограмма была передана лично В. И. Лениным.

В четвертой телефонограмме, датированной 7 июля, Владимир Ильич просил немедленно направить вооруженные отряды для задержания левых эсеров, пытавшихся скрыться. Особое внимание В. И. Ленин обращал на Курский и другие вокзалы города. По документу можно установить, что он тоже был продиктован лично Владимиром Ильичем. Для более оперативного выполнения этого распоряжения текст телефонограммы на следующий день был опубликован в экстренном выпуске «Правды».

Достаточно просмотреть биографическую хронику В. И. Ленина, чтобы убедиться, на-

сколько напряженной была обстановка и какие эффективные меры были приняты Владимиром Ильичем 6, 7 и 8 июля 1918 года для подавления мятежа левых эсеров. В эти дни В. И. Ленин работал почти без отдыха. Его кабинет в Кремле стал подлинным штабом по разгрому левых эсеров. Сюда Владимир Ильич вызывал своих ближайших товарищей по партии, приглашал народных комиссаров, отсюда он давал устные и письменные распоряжения, торопил военных специалистов, требуя принять самые срочные меры для ликвидации левозерской авантюры.

Выявленные материалы значительно расширяют имевшиеся ранее сведения о разгроме антисоветского восстания левых эсеров. Вот удостоверение № 91, подписанное Я. М. Свердловым 6 июля 1918 года, в котором сообщается, что автомобиль Президиума Московского Совета рабочих депутатов задержанию не подлежит. Этот документ необычен — Я. М. Свердлов написал его на бланке Председателя Совета Народных Комиссаров, а заверил печатью Председателя ВЦИКа. Как только стало известно об убийстве левыми эсерами Мирбаха, Я. М. Свердлов прибыл в Кремль и находился рядом с Владимиром Ильичем в самые трудные часы, пока вызывались воинские подразделения и рабочие отряды для разгрома заговорщиков. Нельзя не упомянуть и о телефонограмме Я. М. Свердлова, направленной в Моссовет 6 июля: все ранее выданные удостоверения для проезда на автомобилях отменяются. Действительными следует считать лишь те, которые подписаны Председателем Совнаркома В. И. Лениным, Председателем ВЦИК Я. М. Свердловым или Наркомвоенмором. На пропусках должна стоять печать Управления делами Совнаркома или Председателя ВЦИКа.

Большой интерес для историков имеет еще одно распоряжение Я. М. Свердлова, также переданное телефонограммой в Московский Совет. «Центральный Исполнительный Комитет», говорится в этом документе, — предлагает Президиуму Московского Совета рабочих депутатов немедленно созвать пленарное заседание Московского Совета. О невозможности в скором часу созвать немедленно уведомить Председателя ЦИК Свердлова». Указание это было незамедлительно выполнено. Чрезвычайное заседание Президиума Моссовета состоялось в ночь с 6 на 7 июля. Что же решалось на экстренном заседании? На этот вопрос мы можем теперь ответить с полной достоверностью. В ночь с 6 на 7 июля на пленуме было рассмотрено пятнадцать вопросов. Это выборы чрезвычайного Президиума Исполкома Моссовета, вызванные восстанием левых эсеров; о делегатах этой партии, арестованных в Большом театре, где работал съезд Советов; о связях с Военным комиссариатом; об удостоверениях на право ношения оружия; об организации медицинской помощи в связи с восстанием и военными действиями; о назначении во все воинские части в районах политических комиссаров; о назначении комиссаров на телефонную станцию; о немедленном созидании в районах вооруженных коммунистических отрядов; об аресте в районах комитетов партии левых эсеров; о проведении 7 июля массовых митингов по разъяснению трудящимся смысла происходящих событий и другие. Принятые решения говорят, как оперативно осуществлялись распоряжения Владимира Ильича, переданные в Московский Совет 6 и 7 июля.

Трудящиеся Москвы и других городов, где в июльские дни 1918 года восстали левые эсеры, сумели быстро разобраться в характере событий и немедленно встали в строй защитников Советской власти.

Быстрая ликвидация мятежа осуществлялась под личным руководством В. И. Ленина.

А. ГАН,
старший научный сотрудник
Центрального музея Революции СССР,
кандидат исторических наук

ПЕРВЫЙ КИНОРЕЖИССЕР РОССИИ

Юрий ТЮРИН

Вот и кинематограф подошел к своим почтенным юбилеям. А мы все по привычке называем его молодым искусством. Все поддается магии, очарованию преданий, слышанных нами от старшего поколения кинозрителей: как ходили они в атаку с экраным Чапаевым, как штурмовали с Эйзенштейновской массовой Зимний, как повторяли вслед за Кторовым — Паратовым иноземцу-капитану: «Эх, арифметика вместо души-то!»

Конечно, если сравнивать возраст кинематографа с возрастом, положим, прикладных искусств, обнаружится огромнейшая историческая дистанция длиной почти в 10 тысяч лет. Недавно в Аль-Маади, пригороде Каира, найдены были поделки древних египтян, сотворенные еще тогда, когда человечество не знало письменности. Некоторые имена классиков мировой литературы люди вспоминают не одно столетие. Но теперь наступило время благодарно вспомнить имена классиков киноискусства.

Некогда дерзко заявившая о себе десятая муза создала к последней четверти нашего века собственную историю, собственные музеи, собственных кумиров. А сравнительно недавно было отпраздновано столетие со дня рождения великого американского кинохудожника Давида Уорка Гриффита. Вот, подумал я тогда, приспел черед отмечать юбилей и классиков мирового кино. Какая уж тут молодость киноэкрана!.. Затем мы добрым словом почтили столетие русского и грузинского кинорежиссера Ивана Перестиани, автора первых героических «Красных дьяволят».

Достаточно людей связывало свою работу на заре столетия с кинематографом. Но в истории кино, в памяти зрительской остаются лишь те, кто в такой работе видел не службу, а служение, кто кинематографическую профессию обратил в искусство. Кто достиг выдающихся художественных результатов. Впереди даты Пудовкина, Довженко, Кулешова, Эйзенштейна; из иностранцев — Штрогейма, Джона Форда, Ренуара, Чаплина.

Вот о таких-то самоотверженных творцах мы и говорим: классик.

Яков Александрович Протазанов, несомненно, классик русского советского кино. Имя его произносится сейчас с заслуженной гордостью за огромный национальный талант, реализовав-

ший себя более чем в ста фильмах. Именно этой внушительной цифрой, фантастической в условиях современного кинопроизводства, исчисляется фильмография режиссера.

Далеко не все картины Протазанова уцелели. Зато те, что мы знаем, обладают золотой ценой. Показывают нам художника самобытного, честного. Забирают наше чувство натуральностью жизни, естественностью проявлений человеческих характеров. Это широкий, гостеприимный мир, пронизанный чистым, бодрящим воздухом, как те заволжские дали, что воспеты в «Бесприданнице» — самом известном и любимом народом фильме Якова Протазанова.

Картина эта — одна из последних в творчестве режиссера. Он поставил ее перед войной. Фильм вышел зимой 1937 года, а ведь по сию пору смотрится он с неослабевающим интересом. Так побеждает время подлинная классика; на то она и подлинная. В «Бесприданнице» чувствуешь поэзию национального, смешанную с глубоким страданием. В картине даже намек нет на авторское остранение, он здесь же, вместе со своими живыми персонажами, он, Протазанов, гневается, сокрушается, язвит. Гуманистический пафос пронизывает пространство фильма.

В «Бесприданнице» запоминается каждая сцена, без исключения, чуть ли не каждая реплика. В довоенном нашем кино были такие феноменальные картины: «Чапаев», «Депутат Балтики». Любой кадр этих фильмов находил отклик в зрительском сердце. Одно время Протазанова относили к разряду «арханстов». Это было не только непочтительно по отношению к опытнейшему мастеру отечественного киноискусства, но и принципиально неверно. Помню, во ВГИКе нас даже обучали по курсу истории кино, что есть, мол, в нашем кинематографе новаторы, а есть традиционалисты, и делался соответствующий вывод: традиционализм — это плохо, это малохудожественно. К счастью, опыт избавил нас от такого схематизма в киноведении. Приступая к экранизации широко известной пьесы Островского, Протазанов шел по новаторскому пути. И смелость режиссера в данном случае крайне полезна для сегодняшних бесконечных и, видимо, неразрешимых споров об оптимальных законах экранизации. Протазанов думал прежде всего о фильме и исходил из возможностей конкретного искусства, из природы кинематографической выразительности.

Волга на театральных подмостках была фоном действия. У Протазанова это жизнь, драгоценная часть родины. Тут, на Волге, и раски-

нулся город, где живут герои фильма. Пролог картины: великая река сбросила зимние оковы, мчит полая вода, стадо на водопое, тянут баржу бурлаки, шагнувшие на экран с репинского холста. А напротив домов, на заливанном берегу, такая вольная воля, такая ширь и свобода, что захватывает душа. Не на виду ли такой красоты и жить...

Все действие пьесы Островского разворачивается за сутки. Фильм же развернут не только в пространстве, но и во времени. Протазанов прочитывает драматурга не ученически, а творчески. Он следует не догмату, но духу. Ищет кинообразность. К примеру, эпизод первой встречи Ларисы и Паратова — это ведь не как у Островского. А мы насколько не протестуем. Наоборот, сцена эта для нас хороша. Вспомним: Ларису окликнула из кареты мать, но между Ларисой и каретой течет из-под снега ручеек, и девушка в своих атласных туфельках едва не соскальзывает в воду. И тут-то «шинкует» Паратов, барин-позер, — сбрасывает к ногам Ларисы дорогую николаевскую шинель с бобровым воротником: «Прошу!» И Лариса переступает через ручеек. И сердце бедной девушки уже ранено, не забыть ей теперь этого элегантного барина.

Нет искажения перв источника, есть равнозначная образность.

Роль бесприданницы принесла устойчивую, заслуженную популярность юной актрисе Нине Алисовой, женственной, хрупкой, обаятельно музыкальной. А снималась-то она впервые! Режиссер шел на риск, приглашая дебютантку. Но надо было знать Протазанова: он частенько доверял судьбу своих фильмов молодым исполнителям.

Это тоже черта или, точнее, свойство его таланта: он умел распознать творческий потенциал артиста. В картинах Протазанова начинались крупные кинематографические судьбы Н. Баталова, А. Кторова, Ю. Солнцевой, М. Жарова, В. Марецкой, А. Войцки, И. Коваль-Самборского... Вот, скажем, Ильинский. По ранним театральным работам его прочно считают мейерхольдовцем. Но в кино крестным отцом Ильинского был Яков Александрович Протазанов. Он занял молодого актера в «Аэлите», «Закройщике из Торжка», «Процессе о трех миллионах», «Празднике святого Йоргена». Кинорежиссер сделал Ильинского любимцем зрителей. Это раз; а еще он ставил перед ним свои художественные задачи, воспитывал своим пониманием искусства. «Пожалуй, я не встречал на своем пути ни одного режиссера, который обладал бы таким ясным оптимизмом, бодростью и, я бы сказал, утренней свежестью в своем творчестве, легком, веселом и радостном».

Протазанов никогда не был теоретиком киноискусства, зато он был настоящим мастером в широком, традиционном понимании этого высокого, ответственного слова. Он был прирожденным режиссером, то есть он умел волшебным и музыкальным подбором для каждого своего фильма коллектив единомышленников, сделать их друзьями в работе. Он не создал

своей мастерской, не обучал актеров основам профессии, но можно говорить о протазановской школе в нашем кинематографе. Он сотрудничал с актерами разных театров, разных почерков, но неуклонно исходил из традиций русского психологического театра. Вернее, из природы углубленного психологизма, свойственной эстетике Художественного театра и — не в меньшей степени — Малого. Вот почему он успешно работал с такими непохожими актерами, как Тарханов и Михаил Чехов, Качалов и Мейерхольд, Москвин и Завадский, Блюменталь-Тамарина и Леонидов. Недаром Протазанов внешне напоминал дирижера. Он никогда не расставался с элегантно заостренной палочкой; ловко ею манипулируя, контактный, безукоризненно одетый, он как бы настраивал актеров на определенный ритм, дирижировал их игрой.

Умение создавать актерский коллектив на съемках, следование в этом отношении традиции Художественного театра, смелость доверить судьбы фильма исполнителю — живому человеку, а не типажу, есть первая и главная заслуга Протазанова перед нашим кинематографом. И здесь его роль в общей истории советского кино.

Творчество Протазанова четко распадается на два периода — дореволюционный и после-революционный. Хотя это разделение особого противоречия для его дарования не вызвало. Протазанов, питомец старой культуры, легко вошел в мир нового, советского кино.

Вот отрывок из автобиографии Протазанова:

«Я родился в 1881 году в Москве в купеческой семье... Мои родственники были связаны с театральной антрепризой, а меня это с детства связало с театральной средой. Антеры внушили мне не только любовь к театру, но и трепетное уважение к нему. Я считал необходимым посещать все новые спектакли, не забывая о том, соответствуют ли они моему возрасту и умственному развитию... Однако увлечение книгой и театром было чисто платоническим, и никогда у меня не возникала мысль о том, чтобы связать профессионально свой жизненный путь с литературой и театром. Несомненно, однако, что юношеское увлечение театром и театральной литературой очень помогло мне в дальнейшем».

Путь Протазанова в искусство был во многом случайным, ибо за юношу решили, кем ему стать. Протазанов окончил коммерческое училище и поступил на службу в торговое предприятие. Он, по собственному выражению, чувствовал себя рабом. И вот случай: небольшое наследство. Протазанов бросает торговлю.

И в кино он попал случайно — знал французский язык, бывал за границей, его пригласили на студию переводчиком при кинооператоре.

Шел четвертый год жизни русского художественного кинематографа — 1911. Режиссер Протазанов дебютирует «драмой из русского народного быта» — небольшим фильмом «Песня каторжанина». То было переложение для экрана популярнейшей песни «Бывали дни веселые». Картина вышла в прокат в 65 копиях — по тем временам цифра внушительная. Даже в наши дни (при несравненно более развитой сети кинопроката) некоторые фильмы печатаются меньшим тиражом.

«Тут в моей судьбе произошло потрясающее событие, — вспоминал режиссер, — с 80 рублей жалованья меня сразу перевели на 400 рублей».

Так русское дореволюционное кино получило профессионального кинорежиссера. Он полюбил молодое искусство. Для этого нужно было мужество: ведь кинематографу предстояло отвоевать себе место в семье традиционных муз, полмира считали его балаганом. Во Франции и Германии создавалась даже международная организация писателей для борьбы с кинематографом. Русские от участия в этой акции отказались.

Протазанов работал очень быстро и увлеченно. За восемь лет снял восемьдесят фильмов. Не все они равноценны. Большая доля их погибла. Но значение этого поразительного труда весомо. Почему?..

Протазанов был в числе тех немногих, кто научил младенца-кинематограф ходить, а затем и разговаривать. Он его растил. «Старые актеры перестали утверждать, что кинематограф дальше балагана не уйдет, а среди молодых появились энтузиасты и фантасты, убежденные в том, что именно кинематографу суждено повернуть земной шар». Так позднее говорил Протазанов. В его фильмах взойшли первые русские кинозвезды: трагический Иван Мозжухин, В. Максимов, В. Орлова. Это были не «совместители», а профессиональные киноактеры.

Еще одна главная заслуга Протазанова состоит в том, что он решающим образом определил связь кино с литературой — как современной, так и классической. Он привел на экран прозу Льва Толстого. Сначала режиссер сделал фильм «Уход великого старца»; попытался воссоздать последние годы жизни писателя. Он смело использовал хронику, в том

числе съемки, сделанные на станции Астапово, куда бежал Толстой и где он скончался. Печально, что фильм не увидел проката. По ходатайству С. Толстой и В. Чертова картина не была выпущена.

Затем следуют толстовские экранизации: «Семейное счастье», «Война и мир» и, наконец, «Отец Сергей», лучший русский дореволюционный фильм. Правда, он вышел на экран весной 18-го, но все историки кино относят его к числу дореволюционных. Фильм захватывал четкостью сценарной линии, композиционной стройностью. А главное, впечатляюще сыграл Мозжухин отца Сергея. Прекрасен был Мозжухин и в экранизации «Пиковой дамы» — еще одна удача Протазанова.

Русское дореволюционное кино нельзя перечеркивать, а ведь долгое время от него просто отмахивались. Видели только пошлость, коммерческое начало; вместе с водой выплескивали младенца. Недавний фильм Л. Рондели и Б. Карпова «Синема в России» (консультант — доктор искусствоведения В. Баскаков) показал и доказал, каким самоценным, интересным являлся авангард русского старого кино. Еще Пудовкин замечал: «...Мне приходилось довольно часто сталкиваться с утверждением, что советский кинематограф родился «на пустом месте». Это утверждение, по-моему, не только неточно, но и в корне неправильно».

Протазанов несколько лет провел в эмиграции; работал в Германии, Франции; сотрудничал с молодым тогда, еще неизвестным французом Рене Клером. И все эти годы вспоминал правду Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обойдется!»

В 1924 году Протазанов работает уже на московской киностудии. Снимает столь же увлеченно и быстро, как и прежде. Фильмы его имеют зрительский успех. Он экранизирует «Аэлиту» — фантастическую вещь А. Толстого. Откликается на смерть Ленина фильмом «Его призыв». Об этой картине Пудовкин сказал: «Тяга и любовь к жизненной правде, к реальности появились у Протазанова не внезапно и не случайно. Они глубоко связаны со вкусами в области искусства, сложившимися у него еще до революции».

Протазанов создает советскую сатирическую комедию: «Процесс о трех миллионах», «Дон Диего и Пелагея», «Праздник святого Йоргена», «Марионетки». Делает бытовую комедию «Закройщик из Торжка». В этой картине хорошо провидный быт, и сейчас фильм может рассматриваться как своеобразный этнографический источник — настолько в нем все неподдельно, естественно.

Мой любимый фильм режиссера «Человек из ресторана» (1927) — прекрасная экранизация одноименной повести русского писателя Ивана Шмелева. В картине снимались видные актеры: Степан Кузнецов, Климов; сверкала звезда немого экрана красавица Малиновская. Главное же, была на уровне гоголевской традиции показана драма маленького человека, щедедушного, запуганного официанта Скороходова в виртуозном, искреннейшем исполнении легендарного Михаила Чехова. Атмосфера кутежей и разврата «верхов» накануне Февральской революции равнодушно растворяла в себе хлопоты и горе пожилого безответного человека, песчинки на пути сильных мира сего...

Протазанов много работал до самого последнего своего часа. Он умер в 1945 году нестарым человеком, замыслив экранизировать «Волки и овцы» Островского.

Возможно, Протазанову бывало одиноко последние лет десять. Но его любили актеры, любили зрители. Мы, мальчишки, охотно смотрели его последние картины: «Салават Юлаев» и «Насреддин в Бухаре»... Были ли у него друзья среди режиссеров? Он не одерживал столь громких побед, как Довженко или Эйзенштейн. Да и время ставило тогда конкретные, оперативные задачи.

Его спасала работа. Этот аристократ по внешности трудился, как крестьянин, от зари до зари. И сейчас можно благодарно сказать ему: спасибо, эти фильмы были нам нужны.

Протазанов принадлежит не только истории кино. Он принадлежит современности.

«Бесприданница», 1937. Н. Алисова — Лариса.

«Праздник св. Йоргена», 1930. А. Кторов — Коркис, М. Климов — наместник храма.

«Аэлита», 1924. Ю. Солнцева — Аэлита, А. Перогонев — Ихосика.

«Отец Сергей», 1918. В. Орлова — купеческая дочь, И. Мозжухин — отец Сергей

СТО ЛЕПЕСТКОВ

«Значительно улучшить бытовое обслуживание населения. Увеличить объем реализации бытовых услуг примерно в 1,4—1,5 раза. Повысить качество выполнения заказов и культуру обслуживания».

Из проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии.

**Ю. КОЗЛОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Писать о службе быта не просто. Хотя бы потому, что нет на свете человека, у которого бы не было к этой службе претензий. Как, впрочем, и нет человека, который бы ее услугами не пользовался. Но пользоваться можно по-разному. По необходимости: скажем, сдать в прачечную белье, приколотить к ботинку отвалившийся каблук, отремонтировать сломавшийся телевизор. Или для души: когда увиденная вещь, предлагаемая услуга, товар так захватывают воображение, что не хочешь, а покупаешь.

...Шагаем по Душанбе. Южный город, по календарю зима, а на улице плюс семнадцать. Служба быта имеет здесь вековые, если не сказать — тысячелетние, традиции. Встают в памяти красочные восточные базары, где мастера, умельцы прямо на глазах у заказчика выполняли какую угодно работу. Сейчас другие времена. Ларьков, киосков, павильонов, где продают, чинят, делают на заказ, стало гораздо больше. Но гляжу на выставленные в витринах образцы: нет, не хочется покупать белый нейлоновый свитер с красным индейцем на груди! И зеленые глянцевые штиблеты с желтыми пряжками воспринимаются как пришельцы из прошлого. О таких штиблетах мог бы мечтать Остап Бендер. Предлагаемые в изобилии ремешки для часов из кожзаменителя вряд ли украсят руку. И фотографироваться, чтобы иметь потом такую же невыразительную, бледную, как выставленные на стенде, фотографию, тоже не хочется...

А ведь все это служба быта. Такие ее «подарки», к сожалению, можно встретить не только в Душанбе...

В центре города на площади Айни высится самый большой в республике Дом быта «Садбарг», в переводе на русский — «сто лепестков», что должно символизировать многочисленные виды бытовых услуг, оказываемых здесь жителям Душанбе. Нина Прокофьева Дмитриева, директор «Садбарга», рассказывает, что Дом быта вступил в строй в 1975 году, сейчас здесь работают пятьсот человек, которые оказывают населению семьдесят видов услуг.

«Садбарг» хорошо вписался в архитектуру города. Особенно красив он на закате, когда солнце золотит его стеклянные стены. Внутри «Садбарг» выглядит скромнее, но все равно, похвалив по шести его этажам, убеждаешься: это — мощное предприятие, обладающее той самой материально-технической базой, отсутствием которой еще не так давно объяснялись многие недостатки сервиса. Однако же материальная база — «за кадром», на этажах, куда посторонним вход воспрещен. «В кадре» — приемщица, заказчик, предлагаемые образцы продукции и виды услуг. Стеклянные двери «Садбарга» распахиваются и в ту и в другую сторону. Много людей заходит. Одни сразу покидают этот дом, едва бросив взгляд

на витрины, где выставлена обувь, одежда, головные уборы. Другие уходят после объяснения с приемщицей. И лишь третья часть делает заказ.

Семьдесят видов услуг! А человек приходит, чтобы ему оказали одну-единственную, и часто, увы, уходит ни с чем... Листаю книгу предложений и жалоб. Жалоб тут хватает. В основном на долгие сроки исполнения заказов, на некачественное исполнение, на плохую работу химчистки. Но служба быта — это еще и одежда по индивидуальным заказам... Вот еще одна картинка, увидеть которую, уверен, можно не только в Душанбе. На наших глазах покупатель отказался брать пиджак. Молоденькая продавщица равнодушно повесила его на вешалку.

— Покрой не понравился? Или рукава коротки? Так ведь отпустить можно, подогнать, — говорю я.

Продавщица молчит.

— Материал плохой?

— Да нет, приличный.

— В чем же дело?

— Как сшито, не нравится. Стыдно, говорит, в таком пиджаке на улицу выйти...

— Скажите, ну а вы мужу своему предложили бы ходить в таком пиджаке?

— Что вы!

Раньше я полагал, что эти девушки неприступны, так как весь день на ногах, попробуй-ка ответить каждому! Теперь, думаю, эта усталость у них особенная — моральная, что ли? Они сами далеко не всегда уверены, что заказ исполнен должным образом. Отсюда и грубость: «Мне-то что! Не нравится — не берите!»

Служба быта — особенное производство: здесь стыкуются техника, промышленность, рабская добросовестность и сознательность, и все это во имя удовлетворения запросов людей. Есть и еще одна особенность. Допустим, завод, выпуская плохую обувь, хоть и приносит миллионные убытки, но оставляет покупателю право покупать или не покупать эту обувь. Служба быта, испортив даже одну пару ботинок, обижает конкретного человека, который доверил ей свой заказ. Вред от плохой работы здесь становится не только экономической категорией...

Об этом перед началом поездки по Таджикистану мы говорили с министром бытового обслуживания населения республики Адолат Тимуровной Касымовой.

— И министр, — улыбнулась она, — и рядовой труженик сферы обслуживания, не говоря уж о клиентах — все знают, какой должна быть служба быта. Каждый правильно назовет ее сегодняшние недостатки. Сейчас служба быта превратилась в крупную отрасль экономики. В нашей республике, например, здесь занято более двадцати шести тысяч человек. Насчитывается около восьмидесяти всевозможных объединений, в которые входят примерно пять тысяч ателье, мастерских и приемных пунктов. Населению оказывается более пятидесяти видов различных услуг. А вот организация и уровень управления отрасли отстают от задач дня. Это, естественно, тормозит ее дальнейшее развитие. Начну с материально-технической базы. Сейчас на наших предприятиях почти пятнадцать тысяч единиц современного высокопроизводительного технологического оборудования. Хорошо, конечно. Но ведь оно зачастую не специализированное, не отвечающее нуждам службы быта. Нам нужно оборудование пусть и не очень мощное, но подвижное, способное к производству не серийных, а индивидуальных изделий. Мы поддерживаем отношения с сотнями заводов

различных министерств и ведомств. Но вот беда, отношения эти почти не регламентируются, и в результате мы оказываемся в двойном проигрыше. Во-первых, остаемся без специализированного оборудования, во-вторых, крупные промышленные предприятия, выпускающие товары для народа, не хотят учитывать наши замечания и рекомендации. Мы говорим: в такой-то модели, допустим, пылесоса, такая-то недоработка. Устали ремонтировать ваши аппараты. Они же, как правило, считают лишь с технологическими требованиями собственного производства. На все смотрят со своей колокольни. Далеко не в равном положении оказываются те, кто производит телевизоры, и те, кто их ремонтирует. Скажем, цветные телевизоры создаются на основе последних достижений науки и техники. А вот качество их ремонта значительно отстает. Не хватает запчастей, в своих же цехах мы эти запчасти изготавливать не можем. Нет у нас необходимых для этого средств. В результате иногда получается так: купит человек цветной телевизор и мучается с ним, ругая нашу службу... Теперь о людях. Ежегодно наши предприятия пополняются новыми квалифицированными кадрами. Радует, что в основном это молодежь, подготовленная профессионально-техническими училищами. За последние пять лет к нам пришли работать почти семь тысяч новичков, а более десяти тысяч опытных работников повысили свою квалификацию на специальных курсах. Свыше трехсот специалистов и лучших производственников знакомы с передовыми методами обслуживания населения в других городах страны. Чтобы как можно шире пропагандировать передовой опыт, каждый год мы проводим районные, городские, областные и республиканские конкурсы лучших парикмахеров, фотографов, а также смотрят изделий бытовых предприятий. Сфера услуг, что и говорить, дело специфическое. Оформление заказа, выполнение той или иной услуги — это прежде всего общение с человеком. Нагрубит клиенту приемщица, недоработает мастер — и у человека складывается плохое впечатление обо всей службе быта. Сознательность, честность, хорошее выполнение заказов, проявление творческой инициативы на каждом участке — без всего этого работники службы быта не будут пользоваться уважением у населения. Встречается еще, к сожалению, и нарушение прейскурантных цен, тарифов, «двойная бухгалтерия», когда квитанция заполняется на одну сумму, а платит клиент гораздо больше. И что обидно! Зачастую сами клиенты выступают инициаторами подобных сделок. Внедрение автоматизированной системы управления поможет покончить с «двойной бухгалтерией». Учет будут вести электронные машины... Да, до совершенства нам еще далеко. Ищем пока пути к нему. В республике формируются производственные управления службы быта. Все услуги в районах будут выполняться централизованно, в рамках — единого — предприятия. Комплексная проектно-технологическая группа нашего министерства работает над общей схемой бытового обслуживания населения республики. Думаем, что эти меры скажутся самым положительным образом.

Из Душанбе мы поехали в Орджоникидзевский район. Именно там первое в республике производственное объединение бытового обслуживания. Суть в следующем: в районе создана сеть комплексных приемных пунктов (КПП) — всего их четырнадцать. Они принимают от населения заказы на все виды услуг. Потом заявки передаются в диспетчерскую, которая, в свою очередь, распределяет их по цехам. Это должно обеспечить, во-первых, быстрое и добросовестное выполнение заказов: диспетчер знает, какой цех загружен, а какой нет и где эту работу сделают лучше; во-вторых, удобнее населению: раньше ездили в город — в ателье, в обувную

«Когда телевизор работает — чай пить веселее!» Мастера Курган-Тюбинского ателье Х. Исоев (слева) и Р. Усманов дома у садовника М. Бердиева ● Душанбинский Дом быта «Садбарг».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Курган-Тюбе. Производственное объединение службы быта. Вышивальный цех ● Гончар Урды Киямов за работой ● Служба быта едет в горы ● Чайханщик Асрор Хамроев рад гостям.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПРИЕМНЫЙ ПУНКТ

мастерскую, — теряли время. Теперь это же самое пальто, костюм, ботинки можно заказать в родном кишлаке. Упростился и ремонт. В районе на гарантии около трехсот цветных телевизоров. Специальная машина с механиками и оборудованием ездит в определенные дни по вызовам. Заявки принимаются через диспетчерскую.

Лучший приемный пункт района находится в колхозе имени Карима Исмаилова, в кишлаке Тулькабаде. Здесь мы познакомились с заведующей пунктом Раджабгуль Якубовой. Ей двадцать пять лет. В прошлом закройщица в швейном цехе, потом приемщица, Раджабгуль прекрасно знает специфику своей работы. Во многом, думается, благодаря ее стараниям этот комплексный приемный пункт считается лучшим в районе. Везде чистота, порядок. С какой обходительностью, вниманием встречает Раджабгуль посетителей! И чувствуется, это ей не в тягость. Она на самом деле такая — веселая, остроумная, отзывчивая. Ее здесь все хорошо знают — когда была приемщицей, исходила вдоль и поперек весь кишлак. Принимала заказы, разносила по домам готовые изделия. Может, и сейчас люди охотно идут сюда потому, что доверяют Раджабгуль.

— Иногда придет человек за заказом, — говорит Раджабгуль, — а мне стыдно! Так плохо костюм сшили... Стараюсь как-нибудь его успокоить, а он: «Ладно, Раджабгуль, не переживай, не ты ведь шила...» А мне плакать хочется! Хлопкороб костюм заказывал, надеялся, деньги платил, и на тебе... Вроде и я виновата, ведь заказ-то сама принимала. А когда хорошо сошьют, у меня праздник на душе.

Производственные объединения, спору нет, направление перспективное. Однако успех здесь во многом зависит от того, какой они располагают материально-технической базой. Централизованно собирать заказы — одно дело. Другое дело — хорошо их выполнять. Как здесь не вспомнить все то, о чем говорила Касымова.

Хочется обратить внимание и вот на что... В Таджикистане, как и в других республиках Средней Азии, на селе проживает значительно больше людей, чем в городах. Прирост населения здесь велик. Но не секрет, что молодежь на селе, и особенно девушки, не спешит расставаться с родным очагом, включаться в сферу материального производства. Летом в колхозах и совхозах на вес золота каждая пара рук. А зимой же многим просто нечем заняться. Вот бы и привлечь их на временную работу в предприятия службы быта! Создать сеть сезонных мастерских. С одной стороны — цеха, оснащенные современной техникой. С другой — умельцы, возрождающие традиционные народные промыслы.

Именно таким путем идут в Курган-Тюбе. Здесь удалось расширить круг услуг с учетом и национальных особенностей. Например, открыли ковровый цех. Появились две гончарные мастерские. В одной ремонтируют и чинят, в другой принимают заказ на новые изделия. Есть даже такая сугубо национальная услуга, как очистка риса.

Смотрели мы на красивые ковры, сработанные мастерами, а думалось: эти бы самые ковры, да из хорошего сырья! Спору нет, конечно, надо использовать и местное сырье, что под рукой. Но всегда ли оно подходящего качества? Не обедняем ли мы здесь сами себя? Ведь экономим за счет качества. Курган-Тюбинская ковровая мастерская работает фактически на отходах Кайракумского коврового комбината, а знаменитые таджикские стеганые халаты в Курган-Тюбе, например, шьют из чесальных отходов предприятий легкой промышленности республики. То же самое можно сказать о коже, из которой здесь шьют обувь почти двадцати моделей. Так что все пока держится на искусстве мастеров.

О них, мастерах, о тех, кто привносит в свое дело элементы самого настоящего искус-

ства, продолжает тысячелетние традиции народных промыслов, хочется поговорить особо. Мы встречали их на многих предприятиях.

...Душанбинский Дом быта «Садбарг». Золотошвейка Рахима Гуломова. Вот уже почти двадцать пять лет вышивает она золотыми нитками тюбетейки, жилеты, камзолы, шлепанцы... Рахима знает на память почти сто разных узоров. Рисунки ее вышивки меняются вместе с временами года. Зимой ее цветы как бы спят, весной зацветают, летом превращаются в сочные плоды. Рахима — человек с творческой фантазией. Неоднократно ее работы представлялись на выставках. В цехе у нее десять учениц. Дома у Рахимы пятеро детей, и все умеют вышивать!

...Вышивальный цех в Курган-Тюбе. Хафиза Бухарева работает на строчевышивной тамбурной машинке. Сама придумывает, как украсить ковер, покрывало, занавеску. Сама ищет подходящие сочетания цветов. Порой в дело идут и «неходовые» материалы. Но в руках Хафизы они становятся вполне ходовыми. Из них, а еще из бязи, из шелка она создает удивительно красивые вещи. Ее работы с удовольствием покупают в Курган-Тюбе.

...Гончарная мастерская на окраине Курган-Тюбе. Здесь работает гончар Урды Киямов. Двенадцатилетним мальчиком впервые увидел он на самаркандском базаре, как кудесник-гончар превращает на своем круге мягкую влажную глину в пиалу, кувшин, тарелку... Увидел — и понял: вот оно, его призвание! Изделия Киямова завоевали призы на республиканских выставках. Сейчас для краеведческого музея он мастерит горшки, кувшины, тарелки старинной формы, по старинной технологии, со старинными узорами. Заказами Урды Киямов обеспечен, как говорится, выше головы. Почти каждое утро начинается с поездки за глиной — это сорок километров от его мастерской. Изделия Киямова — всевозможную посуду, хумы (огромные кувшины, где хорошо хранить в жару воду и мясо), тандуры (специальные печи для изготовления лепешек) — можно встретить в каждом курган-тюбинском доме.

Есть в Таджикистане еще одна форма обслуживания населения. Республика, как известно, горная. Летом начинается сезон отгонного животноводства. И каждое лето вслед за отарами овец, стадами коров, табунами лошадей в горы поднимаются специально оборудованные машины службы быта. Рейс длится примерно неделю, дороги в горах — не асфальт. Чтобы выдержать такую поездку, надо быть выносливым человеком. И еще: любить свое дело. Джуманазар Тагаев и Раджабали Нигматов — шоферы. Но с каждым из них поднимается в горы целая бригада: сапожник, парикмахер, закройщик...

— Представить себе нельзя, как люди нам рады, — говорят шоферы. — А если еще привозим с собой хорошо исполненные заказы...

С какой бы стороны ни возвращался в Душанбе, обязательно проедешь мимо Дома быта «Садбарг». Глядя, как пылают вечерним светом его огромные окна, подумал я вот о чем. Если бы служба быта обладала такой материально-технической базой, о которой говорил министр Касымова, если бы все заведующие приемных пунктов так относились к делу, как Раджабгуль Якубова, если бы все мастера трудились с такой же отдачей, как золотошвейка Рахима Гуломова или гончар Урды Киямов, и если бы все сотрудники службы быта преодолевали трудности с таким же упорством, как преодолевают горные дороги шоферы Джуманазар Тагаев и Раджабали Нигматов, — вот тогда бы все «сто лепестков», вся сфера обслуживания цвела и приносила людям радость...

В Душанбе мы узнали, что республика получила несколько новых, прекрасно оборудованных машин-фургонов для работы в горах. Сейчас эти машины на пути в Душанбе. И еще узнали, что труженики отрасли провели собрания, где обсудили проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». На собраниях говорилось, что в одиннадцатой пятилетке объем бытовых услуг в республике возрастет в сравнении с 1980 годом на сорок три с половиной процента, капиталовложения в строительство предприятий службы быта составят более двадцати шести миллионов рублей.

В проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии было предложено внести такие строки: «Оснащать предприятия службы быта новейшим оборудованием, диагностическими приборами и специализированным автотранспортом».

Душанбе.

Елена
АНДРЕЕВА

ПРИЧАСТНОСТЬ

ДЕТИ ВОЙНЫ

В военном детстве нашем было все:
«Пал смертью храбрых» в скорбных

похоронных,

с отцом свиданье — если повезет,
тревожный бег военных эшелонов,
хлеб с отрубями, и овсяный суп,
на рыбьем жире мерзлая картошка,
и боль, когда ни стоны с детских губ,
и молчаливый ужас при бомбежке,
и вера взрослых в то, что победим,
как всех на поле брани побеждали...
А мы не знали этот свет иным
и понимали слово «мир» едва ли.
Победа! Мир! Они пришли весной.
Нас подхватили радостные руки
и понесли над бурною толпой
в грядущий мир, в ликующие звуки.
И были мы причастны в этот день
к победе тем, что выстояли тоже,
тем, что и к нам тянулась смерти тень,
тем, что уже смогли и, значит, сможем...

ДВА АЛЕШИ

Мальчишка на холме стоял —
голубоглазый, с челкой русой.
А перед ним, у серых скал
стоял солдат в шинели русской.
Солдат немало повидал.
Он прожил сотни трудных жизней,
пока не встал на пьедестал
вдали от дома и Отчизны.
В бою он падал сотни раз
под батарейный гул истошный,
и потому он строг сейчас —
гранитный пловдивский Алеша.
Ну, а мальчишка просто был
мальчишка, озорной, дотошный.
В Москве родился, здесь он жил,
вихрастый маленький Алеша.
Как все мальчишки, боевой,
с задорным носом конопатым,
он был той ниточкой живой,
что шла от Родины к солдату.

Другие аисты на крышах
жилье устроили себе.
А эти двое, как на вышке,
гнездо сложили на столбе.
Столб с фонарем
среди дороги.
И мимо мчатся поезда.
Но птицы верно год за годом
растить птенцов летят сюда.
Фонарь давно сменить бы надо.
И стал шумнее переезд.
Но птичьей верности в награду
жизнь не коснулась этих мест.
И век, стремительный и строгий,
как будто замер у гнезда,
чтоб птицы вечною дорогой
свою любовь несли сюда.

Вы мне сказали, что огня стихия
натуре вашей строгой не сродни.
Но вот прочла взволнованно стихи я,
и к вам пришли взволнованные дни.
Часы бегут размеренно и чинно,
но зреют в них раскаты скорых гроз.
И все, что нынче сказано невинно,
возможно, завтра скажете всерьез.
Чем одарю вас, я пока не знаю,
не знаю, чем одарите меня.
Как чуда жду, когда судьба иная
в меня вольется, рая и пьяня.
И если вы окажетесь обманом
и если ваш порыв игре под стать,
за миг надежд, нечаянных и странных,
я не устану вас благословлять.

Контрольный мастер Ю. Чабан и его ученик Б. Бердыев. Изделия художника С. Сахибова пользуются спросом. В горах выпал снег. Приемный пункт службы быта в кишлаке Тулькабаде.

Ш Л А В Н И

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Ничего ему не мерещилось. Все так и было. Давний бой. Один из тех, что учили их болотной войне. После этого боя до его батальона добрался корреспондент, при трескучей площадке полночи писал карандашом, ломающимся в худой и юркой руке. Хаатило на статью за подписью Романенко. По всем строчкам, как семена в грядки, разбросали умные советы: «В плавнях за версту слышно, поэтому все делай тихо», «Не бойся окружения, круговая оборона тут — норма», «Врага не видно, но ведь и тебя не видно!», «Вроде один воюешь, а вышел на «сушку» — рот!»», «Поднимай камыш за собой, не оставляй хвоста, попадешься», «Разведка до дна, прощупал дно — пошел»...

Хоть книгу издавай на будущее, да авось не доведется воевать здесь больше, не нужна она, твоя книга, где все слова облиты кровью. А командира разведки Рябинина не убили, не ранили, а вчера увезли в госпиталь — малярия. От комара.

Мама Галя, дала бы ты мне кружку молока с печи. Сгорела бы меня. Слышишь, мать?

Романенко вновь закапывался в одеяла, а мать была уже рядом, клонилась к топчану: «Слышу, слышу...» И, горюя, спрашивала, что же он выбрал себе такое место для войны, а он бормотал горящими губами, что война нигде не бывает доброй, другим не легче. И молил, и ждал глотка молока, и явственно ощущал прикосновение самой дорогой на свете, материнской руки. И по-мальчишески ежился от щекотки, потому что от ее пальцев щекотало под мышкой, но потом перестало. И, боясь, что мама Галя не услышит его объяснений, почему он оказался здесь, и уйдет, он заторопился все растолковать...

Распутица все крепче хватала за ноги. И враг, как бес, выскальзывал из объятий раньше, чем они замыкались. И откатился до рубежа, куда заранее сгонял тысячи людей рыть и строить. От Кавказского хребта до размытых азовских берегов, от гор до болот протянулась линия, которую фашисты называли «Голубой». Не удивляйся, мать, их бьют, а они в красотах изощряются. И не в том дело, что речушки и реки выются по этой линии, а вода в них голубая. У немца, как горная дивизия, так какой-нибудь «Эдельвейс». Побили их на Тереке, вот и «Долина смерти». Прячут свои прорехи за разукрашенной вывеской или гримируются слезой. Дешевки! Одним словом, мещане.

А «Голубая линия» скорее похожа на дерево покрупнее дуба. Корни — каменные, в горах, ствол — железный, а крона — пышная, в ней наши плавни. И малярия. У меня ее нет, мама, слышишь? «Слышу, слышу...» Я знаю, как с приступами бороться. Голова пылает, самого выкручивает наизнанку, а я вспоминаю что-нибудь самое знакомое, чтобы не сбиться. Скриплю зубами до крошева во рту и вспоминаю...

Летом пушки грохотали до хрипоты в небе, и мы в плавнях слушали неблизкий гул с надеждой: вот прорвут эту самую «Голубую», фронт потечет в прорыв. И мы наконец вы-

ползем из своих болот, обросших камышом и мхами. Хотелось на твердую землю, как на волю. Душа просилась воевать, она-то мхом не обросла. Кто это сказал, а мне запомнилось? А, это замполит мой... а имя вылетело из головы! Я же люблю его. Мы ругаемся часто, но мне другого не надо. Он кубанку носит и о бурке мечтает для форса. Мальчишка! Я-то уже старый, у меня сын растет, пишут из дома, начал брюки надевать, из моих перешитые, за спиной — деревянная винтовка на шпегатине.

Ты так и не видела своего внука Федьку. И жили недалеко, от Днестра до Днепра ночь пути в поезде, да служба, в сорок первом, летом, собрались наконец к тебе, подарков припасли, а тут... И наши семьи увезли на восток, далеко, а ты осталась в приднепровском селе, где стояла на улице цыганка в зеленой юбке.

Мы три года не виделись. Я уж старый, скоро все тридцать, а замполиту меньше. Но о душе толково сказал. Вот вылазки. Для чего они? Мох сдирают с души.

Ох, мать! Не знаю, как у других, но до чего же стосковалась по обычной земле душа! А здесь? И обычную землю немец перековал. Отрокочут орудия, танки и пехота двинутся в бой, ведут его день, два, три, слышишь, как гремит? «Слышу, слышу...» А потом, мама?! Как-нибудь извилина в передовой углубилась на километр-два... Эта их «Голубая линия» до сорока километров толщиной, да! И на каждом вершке — бородавки огневых точек. Вся земля в бородавках. Не брежу. И господа бога не зови, не поможет. Чем быстрее бежал от нас немец, тем больше становилось у него танков, орудий, пулеметов.

Мы гнали его вдоль всего хребта и в конце концов загнали на узкий треугольник земли, как в сачок между горами и морем. Хваленые армии, еще недавно растянутые длиннее чем на тысячу километров, теперь стиснулись, фронт стал впятеро короче и толще. А значит, и мощнее, хоть потрепали мы врага изрядно. Не вообще мощнее, конечно, а как я, военный, могу сказать — на единицу простора. Понятно?

Мать кивала: поняла. И кивая и отлетая, стала расплываться в сиреневых кругах, вертящихся перед глазами. Мама Галя! Куда же ты? Куда она? Сейчас ее рука была... Романенко обхватил колени, чтобы унять трясучку, но когда удалось и он приоткрыл глаза, ожидая увидеть мать, перед ним как-то косо сидел слепой старик, высушенный до прозрачности, одетый в нижнее белье, на рубахе вместо пуговиц завязки из тесемок и шнурков. А мама Галя? Для чего мне слепой старик... зачем он, откуда? Белье на нем серое. Седые курчавины лезут на воздух из-под рубахи. Уставив желтые бельма, спрашивает бледными губами:

— Ты кто? Тут нерусских много. У меня в дружках узбек и азербайджан. Подходят, покурить дают.

— Сейчас закурим, дед.

Свернули табачка из пластмассовой мыльницы, и комбат сквозь кашель ответил старику:

— Говорят, цыган я!

— Эка! Кто ж говорит?

— Мама Галя. Мама Галя! Это правда, что цыганка оставила тебе меня, больного? Дня через три сама отстала от табора, прибежала, да меня уж в город, в больницу увезли. Лет через пять топаю я по нашему селу из школы... стоит цыганка в зеленой юбке, раскинутой до земли шатром, и так смотрит, что я свернул за ближний дом, задал деру в поле и стал там жить. Как суслик. Грыз зерна из колосьев. Цыганка перепугала. А я тебя люблю, мама Галя. Не знаю, дед, кто я.

— А имя у тебя какое?

— Марат.

— Ну, цыганское! — сказал старик, хотя в селе уверяли, что записали Галиного приемыша Маратом в честь французского революционера. — Цыган!

— А вы-то, отец, зачем ко мне?

— Когда Гастагаевскую освободят? Скажи по знакомству.

И Марат уронил руку к насквозь сырым доскам пола, у которых тут же затух окурок в пальцах, и припомнилось...

На кривой табуретке, подпертой с одной стороны суковатой веткой, сидел этот старик посреди своего двора в той самой станице, что раскинулась у самых плавней. Полтора месяца назад батальон выводили в эту станицу отдохнуть, очиститься от гнилой грязи. Народу было там, как на ярмарке. Медсанбаты, почтари, хозяйственники всех родов и еще какие-то части на отдыхе, соседи по плавням. Шептались: совсем или не совсем их вывели из этой бездны? Пусть хоть куда угодно перебрасывают, в любой ад, только не обратно.

Он-то молчал на этот счет, знал: вернут. Будь он командиром постарше, сам вернул бы всех. Новым — осваивать здешнюю войну, а эти уже знали, почем фунт лиха, привыкли. К полутеплой каше, будто ничего другого и не ели. А про комаров говорили: зуммерят, как о телефонном сигнале...

Сейчас в плавнях и позиции совсем другие, с первыми не сравнить. Как бобры, солдаты сгребли по крохам землю и на «сушках», сросшихся в «связки», воздвигли настоящие крепости из брусков липкой земли. Камыш залег меж ними арматурой. Повеяли дамы с бойницами. Кое-где по дамбе тянулась и колючая проволока. Были и разрывы, в которые иногда, как рыбы, проникали разведчики, чаще наши — туда, в залитые водой, заросшие камышом чужие тылы, немец, тоже построивший себе дамы, сидел тише, не рыпался.

Против его батальона немец повыжег перед своей дамбой камыш от паники. Ждал и боялся нашего наступления. Наступать не терпелось, но как?

Еще шептались: а может, совсем уведут людей из плавней, сколько можно воевать по горло в воде? Короче, к чертям эту войну! Недотепы. И мы и противник держим друг друга подальше от берега, потому что берег — это возможность прорыва. Не уведут! Однако также ясно было Марату Романенко, что солдаты живут в плавнях, чтобы драться, а не комаров кормить.

Там, за плавнями, лежали Таманский полуостров и еще несколько кубанских станиц, в том числе и Гастагаевская, откуда слепой старик ждал невестку с внуками. Сына он проводил на войну, бабушку схоронил во время оккупации и теперь сидел на старой табуретке посреди двора и ждал своих. Если кто в живых остался... Ближе всех была невестка, так уж вышло, что накануне освобождения его станицы она с детьми ушла в Гастагаевскую проводить родных, да там и застряла поневоле. Старик сидел перед калиткой, сделанной из спинки от железной кровати. Подгнивший забор весь рухнул, как сдуло, а калитка чудом еще держалась на двух ржавых трубах, вбитых в землю вместо столбов, и ждала, когда ее откroют. Может, сам сын придет?

На старика не действовали угрозы, что надо перебраться туда, где люди, которые не остаются в беде.

— А как же меня сын найдет? — отвечал он. — Нет уж, тут я...

Кормили старика солдаты. Иногда он откидывал голову, отрывался от калитки и смотрел на солнце, как зрячий смотреть не может. И шептал, что и солнце стало другим, едва свои при-

Продолжение. См. «Огонек» № 4.

шли. Солнце было такое же, как всегда, но он не соглашался:

— Я-то знаю!

Ну, вот и ты испарился, дед, не дождавшись моего ответа. Отпустила меня ваша малярия, ведьма болотная. Не успел я тебе сказать, что скоро и Гастагаевская наша будет. Не зимовать же здесь. А уже сентябрь на носу. Вот-вот где-то решительно начнется, где — не знаю, но вот-вот...

Корючило его часа три, и в палатке уже стемнело, значит, наступил промежуток между солнцем и луной. Какая тишина завалила бы плавни, если б не комары и лягушки! Комары облепили палатку и точат. Пусть себе. В палатку не заберутся.

Хорошую палатку поставили солдаты своему капитану. Нашли в станице толстых досок на пол, а к входу прилепили длинный коридор из плащ-палаток с марлевыми завесами по ходу. Лужи сквозь щели в полу еще просачиваются, а комары в палатку — нет. Какой-то малярник цапнул его на воле...

Иногда казалось, что палатка плывет, так и не выплывая никуда, будто она плыла не среди камышей, а вместе с ними, и не было ей выхода ни в море, ни к берегу.

Сейчас без зова явится ординарец Марасул и включит лампочку, алую... как звезда в небе. О если был Красней помидора. Она наливалась этим помидорным соком от аккумулятора, когда капитан собирал командиров на совещание, ужинал или вставал после приступа и брился. Марасул ухитрялся, не нарушая маскировки, где-то подогреть для этого чуть-чуть воды в чайнике. Хороший парень и длинный, как верста. Романенко любил солдат рослых. После приступов все казались ему хорошими...

Кто-то легонько тормошил его за плечо. Раз-

лепив глаза, он долго ничего не понимал, кроме одного: задремалось.

— Товарищ капитан!

В красном сумраке разглядел наконец своего ординарца.

— Где ж ты был?

— Так вы не велели заходить. Сапоги хотите снять? Помогу.

— Не надо, высохнут — не наденешь.

До приступа он успел сорвать с себя гимнастерку, но, забираясь под одеяло, остался в галифе и сапогах, правда, швырнул под них плащ-палатку.

— Бриться.

— Вот, — Марасул приподнял к лампочке чайник и глотнул из горлышка, отфыркиваясь. — Кипяток! Ух!

— Что же ты кипяток глотаешь? За едой перестанешь чувствовать всякий вкус!

— Э! Где вкус, товарищ капитан, какой вкус? Что ни кушаешь, как газета! После войны я вам сварю плов — эт-то вкус!

— Сам сваришь? Бабье дело.

— Нет. У нас так, товарищ капитан: умеешь готовить — мужчина, не умеешь — баба. Если не нужен, еще на часик уйду?

— Куда.

— Стихи послушать.

— Спятил? Какие тут стихи?

— Не знаю.

— Зачем они тебе?

— Интерес.

— Полный разврат, — поморщился капитан. — Пришли мне Асю!

— Есть прислать Асю!

И Марасул вырвался из палатки, пока в настроении комбата не наступило перемен. Под отлетевший полог плавни закинули охапку лягушачьих голосов: вечер уже бурлил ими.

I

— Я боюсь тебя, — признался Зотов, потому что нельзя же было снова сидеть молча.

— Смеешься? — спросила Ася. — Фрицев не боится, а меня боится.

Объяснять, что это непохожие, совсем разные страхи, было бессмысленно, настолько они разные и непохожие.

— Прямо как до войны, — сказала Ася с той же привычной для нее хмурью в голосе, хотя подошло бы и улыбнуться.

Война, конечно, невеселое дело, но и в самые сложные минуты люди находили хоть миг для шуток. Однако не Ася. Он уже слышал, что, натываясь на весельчака, забавлявшего кучку солдат, Ася тут же отходила. А некуда было отойти — отключалась на месте, и солдаты, бывало, на всю катушку запускали при ней что угодно. «Какие разные мы с ней!» — понуро думал Зотов, все время улыбаясь, будто бы за себя и за нее. Спросил неловко: почему это ей показалось, что ведет он себя прямо как до войны?

— Хорошие ребята всегда боялись девушек, — ответила она, зевая нарочито.

— А плохие? — спросил Зотов, не зная, как это у него вырвалось. — Они как?

— Я от подруг слышала, — сказала Ася. — А сама про это ничего не знаю.

— Я тоже.

Ася глянула на него, как до сих пор ни разу не смотрела.

— Сколько ж тебе лет, лейтенант?

— Какая разница?

— Не глухой же, спросила, сколько тебе по метрике. Если не военная тайна, ответь.

— Сколько всем, столько и мне.

— Девятнадцать? Уже исполнилось?

— Еще был!

— Ого!— Ася покачала головой.— А сколько ты на войне?

— Больше года.

— Ого!— повторила Ася, и, пугаясь ее вопросов, затаивших в себе что-то недоброе, он сам спросил:

— А тебе сколько лет?

— Любопытство не порок, а большое свинство,— скудно ответила она, он же продолжал улыбаться:

— Я со страхом спрашиваю: вдруг скажешь— пятнадцать! С виду ты как девочка.

Похоже, она ничего не слышала, уж очень долго молчала, и даже страх внушало, сколько же ощутимо тяжелой каменности вместились в такое маленькое лицо.

— Я старше тебя,— наконец ответила она.

— На сколько?

— На сто лет.

— А моложе?— улыбнулся он.— На два года.

— Разведаль?

— Сам знаю.

— Кто же открывает тебе чужие секреты?— вдруг начала злиться Ася так, что злость уже выплескивалась наружу.

— Смотрю на тебя и догадываюсь,— признался он, ища в себе хоть чуточку лихости, но так и сидя с тоскливой смешинкой в глазах, ставших оранжевыми под луной, которая и сегодня уже загадочно всплывала воздушным шаром.

— Нет, кто тебе подсказывает?!

— Наверно, любовь, Ася...

— Ты дурак?— еще больше разозлилась она.— Толкну сейчас в воду— и помалкивай, чем такое молоть.

— Выплыву.

— Слушай, не хочешь, чтоб толкнула, так опять в молчанку поиграй, лейтенант!

— Есть! Я все стану делать, что ты захочешь.

— Ты что, правда, дурак?

— Может быть.

— О, гляди! И не спорит!— будто бы кому-то постороннему, сказала Ася.— Значит, чуть-чуть умишки еще имеется. Береги то, что осталось.

— Есть!— повторил он по-военному, козырнув и чуть не свалившись с ящика.

— Не старайся, лейтенант. Я стреляная. Ничего у тебя не выйдет, не получишь.

— Да что ты городишь?— обиделся он.— Мне ничего от тебя не надо.

— Ты контужен был?

— Только ранен.

— Значит, от рожденья чокнутый. Любость! Сто раз убить могут! Какая тут любовь?

— Убивают раз, но с нами ничего не случится.

— Тебе так хочется, чудик? Война не выбирает, кого...

— Я ничего не боюсь.

— То меня боится, а то ничего!

— Потому-то я тебя...

Сам дивясь своей неслыханной смелости, Зотов снова улыбался, а она опустила голову, и долго молчала, и опять вперилась в него оранжевыми глазами, как двумя лунами, и в одной луне, коротко блеснув, вдруг затлела слеза, напугавшая Зотова, но еще больше напугал совсем сдавленный голос Аси, который попрощал еле слышно:

— Ну, тогда хоть поцелуй меня, лейтенант!

А лицо ее, маленькое, скорбное, с большими, даже большущими глазами, отчего они так часто казались вытаращенными, приподнялось к нему. До сих пор оно ютилось где-то ниже его костлявого плеча. Теперь огладило его щекой и поднялось, насколько смогло. Он стремглав наклонился, их зубы нелепо стукнулись. Он еще долго не дышал, думая, что все это: тишина над передним краем, расплывшимся по гнилой воде среди камышей, их встреча,— все это и в самом деле как до войны, но Ася вырвалась из-под его руки, отшатнулась, и он едва удержался, сунув руки в зачавкавшую грязь и ловя ящик, чтобы она не упала.

— Ты забыл, что война?— тихонько спросила Ася.

— Как можно забыть такое?!— соврал он.

— А я забыла...

— Ты простужена. Дай я надену на тебя свою куртку,— сказал он, соскребая об углы ящика грязь со своих ладоней.

— Ничуточки не простужена.

— А голос?

— Курю... А знаешь, до войны я пела! Самодеятельность. И песни веселые. Услышал бы.

— Споешь мне?

Ася закачала головой, монотонно кивая.

— Я тебе сейчас такую песню спою, Зотов!

Внезапная улыбка вкривь и вкось задержала Асины губы, рассеченные мелкими трещинками. Они были почти незаметны, эти трещинки в сухой корочке, но запомнились от короткого прикосновения к ее губам. А когда, наконец, они растянулись в непривычной улыбке, в самом уголке, на нижней губе, появилась капелька крови, которую она слизнула, торжественно объявив:

— Застрелишь меня на месте, если не врал!

— За что? Я не понимаю, как жил, пока не встретил тебя.

Ася незвонко засмеялась. Сквозь ломкие хрипы ее смеющегося голоса донеслись несдержанные всплески чьих-то шагов.

— О! Уже идут.

— Кто?

— Они! Я аж двух позвала посмотреть на чучело, которое задумало отнять меня у комбата!

— Это я— чучело?— наконец спросил он, помолчав.

Шаги, чавкая и плеща, раздавались все ближе, и камыш тоже, кажется, приближался, шорох его подкатывал.

— Беги!— моляще просипела Ася, задержав его за руку.

— Хоть услышал, как ты смеешься,— сказал Зотов и отвернулся, а шум как отсекло, и Ася, подождя, обронила:

— Не они вроде.

И тут же гулкий бас послышался:

— А я ищу, кто это шепчется, а вон кто! Хотите стихи послушать? Хожу, объявляю. Колпаков будет концерт давать.

— Колпаков?— удивился, как ужаснулся Зотов, будто бы при этом враз осип хуже Аси.

Подняв глаза на рослую фигуру в кубанке, Ася спросила:

— Чего это, товарищ политрук, вы сами ходите-объявляете?

Еще весной политработников переаттестовали, замполит Агеев получил старшего лейтенанта, но давняя привычка жила себе, и многих до сих пор называли политруками. К Агееву это и подходило больше. Ася гадала, скажет он комбату или нет, кого и где увидел. Они поругивались из-за нее, Ася не раз догадывалась об их стычках по вздохам Агеева, но с Романенко не больно-то нругаешься, во-первых, а во-вторых, что за птица санинструктор, когда в этих болотах горячий борщ для солдат каждый день— проблема.

Между тем Агеев договаривал почти с восторгом:

— Скажите, когда последний раз вы слушали стихи? И не вспомните, небось! Вот и хожу.

— Про любовь?— спросила Ася.

— Нет, военный стих, но лирический,— пробасил Агеев.

Конечно, думала Ася, он расскажет комбату. Несмотря ни на что, они ведь друзья и мужики. Ну и пусть себе говорит.

— Чей же стих Колпак прочитает?— поинтересовалась она.

— Ничей. Свой.

Даже Ася поразилась и стала подниматься с ящика:

— Ох ты! Пойду послушаю поэта на болоте!

— А вы, Зотов? Или вы к стихам равнодушны?

— Как лягушка.

— Это зря.— Политрук переступил на месте, помня, что при долгих стоянках плавни засасывают исподтишка, и вода тяжело вскипела у его ног.— А может, я вас не видел, а? Я пошел.

— Стойте!— И Ася шагнула с кочки в слякоть, а из нее в воду, и все стало ей вдруг понятно: это он, политрук, задержал двоих приглашенных ею полюбоваться на лейтенанта Зотова, и захотелось уйти с ним, как под защитой.

Политрук еще раз окликнул Зотова:

— Айда! Ну?

— Нет, нет, нет!— зачастил лейтенант, тряся головой, и, немножко посидев в одиночестве, оглянулся.

Темнота забирала уходящих. Один— великан, спина, как стена, туго обхваченная ремнями, словно для того, чтобы не разрастаться больше, другая— с мизинчик. И эта малость Аси в просторе бесконечного камыша, над ко-

торым во все концы разлеглось небо, запыленное звездами, эта саднящая душу малость Аси снова прервала дыхание.

Ночами ему часто снилась мама. Она стояла на улице, ждала его одна, да она и жила одна, отец тоже был на войне, по номеру полевой почты не догадаешься, где, по намекам— на севере: «А у нас уже снег», «А у нас еще снег». Улица с мамой была совсем непохожа во сне на их городскую, темнела от травы, такой густой, словно все травы, по которым он успел пройти на войне, переселились туда и закрыли городской камень. Теперь он будет думать только о маме, которая никогда и никого не позовет посмеяться над ним...

Ах, да это чепуха! Подумаешь— посмеяться! Не в этом дело. Как она сказала? «Чучело!» Так не скажешь человеку, к которому хоть капельку...

Шаги уже утонули в темноте.

Хлопнув по щеке, Зотов сгреб комаров, и ладонь стала липкой. К утру много крови засохнет на руках, оденет их в коричневые перчатки. Хлопнув по второй щеке, он вытянул из тины сапоги и прыжками двинулся туда, где уже сошлись люди.

Среди лужайки, несущей, как плот, большую палатку, солдаты сидели на досках, раскиданных по влажной траве, на смятых в комья шинелях, а кто и стоя слушал, как, опустив голову, бубнил Колпаков:

Хорить над плавнями луна,
Ночные птицы ищут хнезды...

Город Белгород (Колпаков родился и жил рядом) недалеко от Украины, и, конечно, украинизмы живут в тех местах, как дома. С нежностью Колпаков выговаривал «г», а мягкие знаки ставил, где надо и не надо, по собственной душевной щедрости.

На вид он был щупленький, как Ася. Но на самом-то деле крепкий. И кулаки, увесистые, как кувалды, невпопад с обличьем, сразу вызвали уважение к себе. Руки его редко отдыхали, а все шевелились, словно обдумывали работу.

Колпаков работал и на войне. Надо копать, носить, прибывать— нет лучше Колпакова, загляденье, как он носит, копает, прибывает. Надо резать колючую проволоку врага— от минотечников за полночь идет Колпаков, помогает делать это другим. Потом, бывало, спросят дружки по расчету:

— Как, Герасим, проволока?

— Репьев на ней многовато. Зато на звезды полюбовался.

— Когда?

— Так на спине ж лежал-то. До утра. Мать моя, сколько ж это в небе звезд! И откуда?

— Загадка вселенной.

— Право слово!

Даже если вся работа сделана, и тогда Колпаков не ложился на боковую, а ладил курцам табакерки из снарядных гильз, для чего одну-две всегда таскал в своем вещмешке. Его хвалили, каясь, сколько времени у него отняли, а он радовался:

— Я люблю художественную поделку.

Когда Зотов услышал от своего солдата эти слова, он проговорил с ним о том о сем больше часа, сказал наконец, что все же спать пора, и Колпаков согласился:

— Пора-то пора, да сна нету.

Давно уж Герасим не получал из дома писем, не знал, жива ли его семья. Под Белгородом, недавно вырванным у оккупантов, была такая танковая бойня, что в малых и больших окрестных речках оглушило, пожалуй, всех сомов, а в рощах— птиц. Куда уж людям... Теперь он писал домой все чаще и требовал у почтальона ответа, которого все не было.

Хлазекуть на тебя со дна
Упавшие в озеры звезды...

Он тихонько читал, но все сидели еще тише. А смолкнет— что скажут? Стихи— это с тех самых звездных высот, но выносятся на суд людей. Хоть и высоки звезды, а люди выше. Им подавай... Да какие это стихи? Самодеятельность, как сказала Ася... Если отшелушить их от своеобразного колпаковского говора, звучали стихи так:

Горит над плавнями луна,
Ночные птицы ищут гнезда,
Глазеют на тебя со дна
Упавшие в озера звезды.
Повис камыш над головой,
И, неизвестно где кончаясь,
То замирая, то качаясь,
Стоит он вдоль передовой.
И плеск воды издали
Летит и глохнет над трясинной,
И ты похож на рыбака
В дождевике, покрытом тиной.
Тебе не спрятаться в окопе,
Окопа нет, бредешь по топях,
И ни могил и ни следа,
Одна вода, одна вода...
Сейчас согреться у костра бы,
С сапог тяжелых счистив грязь,
Чтоб под ладонями, как крабы,
Краснели угли, шевелясь.
Но тут бы закурить хотя бы...

То ли стихи оборвались неожиданно и все терпеливо ждали продолжения, то ли по другой какой причине долго тянулась тишина, казавшаяся безразличной, пока несколько голов на болотной лужайке не осмелилось заговорить:

— Хочешь свернуть, Герасим? Сухой табачок, понравится.

— Да что у Герасима Кириллыча кисета нет что ли?

— У него кисет железный.

— Хоть порох береги.

— А чего жалуется? Тут бы закурить бы!

— Чтоб тебе до кишок дошло, тухля.

— А-а-а...

— Так, — растерянно подвел итог Агеев, выходя на лужайку к Колпакову, и возле него тот и вовсе измельчал, как у башни. Однако не Колпаков, а великорослый Агеев смущенно откашлялся и только потом продолжал: — Это интересное стихотворение. Как из книги стихи, а ни в какой книге нет. Да... Написал наш Колпаков, прямо не верится! Не было у нас батальонного поэта, мы не знали, а теперь узнали. А?!

Ася вдруг крикнула:

— Спасибо, Колпаков!

Все оглянулись, ошавев от ее внезапного оживления не меньше, чем от колпаковских стихов.

— Похлопаем ему! — не унималась она.

Но хлопнула она одна, а остальные засмеялись. И едва стихло веселье оттого, что отвыкли от такой простой вещи, как хлопнуть в ладоши, молодой голос потребовал у Колпакова:

— Еще, хоть штуку!

— А больше нету, — чуть слышно отозвался Колпаков.

— Ну, тогда повторяй, — донеслось несговорчиво, — по второму кругу: «Тут бы закурить бы!»

— Хватить.

— Бери его в окружение, ребята, не выпускай!

— Но, но, но! — прозвучал бас Агеева. — Он перед вами душу выложил, а вы его за это — в окружение!

Свеженький солдат, совсем юноша, вскочил и крикнул:

— Чем вы были до того, как сочинять стихи?

— Спроси лучше, чем не был. Пастухом... кузнецом... печником... даже сапожником... Остановка на плотнике.

— После войны не думаешь сменить профессию, Колпак?

— Зачем?

— За стихи больше дают! Огребешь!

— Не для того их пишут, — отозвался Колпаков и, сутулясь, затопал с лужайки куда-то совсем прочь, где стояла другая палатка, спрятавшись за камышом. Тощая спина его скоро растворилась во тьме.

Агеев подошел к Асе:

— Чего размахалась? Не все сказала?

— У поэта имя должно быть... как колокол! А в батальоне его зовут Колпак!

— Так это пустяки. Псевдоним возьмет. Как колокол!

— Панкова! — деликатно позвал из тьмы Марасул.

— Ах!

— Не аукайся, а беги! Живо, пожалуйста. Капитан зовет!

Продолжение следует.

Светлана КУЗНЕЦОВА

Горек чай из бадана?
В забайкальской глуши,
В стороне богоданной
На судьбу не греши.
Дерзко,
Дерзко
Из детства
Наплывают слова,
Дорогое наследство,
Дорогие права.
Под пуховым платком
По Сибири пешком,
И снежок за снежком,
И смешок за смешком...
Улыбается мама,
И нежна и лукава.

Сад, арыки и собаки,
Ласки чуждой стороны.
Неба огненные знаки
Лучше в Азии видны.

Думы дальним караваном
Проплывают, не спеша.
Духотой и дурманом
Одурманена душа.

Растянуться б на паласе,
Приложить ладонь ко лбу,
В многоцветном хан-атласе
Прочитать свою судьбу.

Умираньем на рассвете
Насладиться, как игрой,
И до самой ближней смерти
Прозываться Гюльчехрой.

Где-то там, в лесах заболоченных,
Замороженных, замороченных,
Начинается тоскование,
Тоскование, токование.

На земле весна торжествует,
О томленье земном толкует,
Тормошит, топчет, хлопчет,
И топорщится, и хохочет.

Молодые и староватые,
Нынче все на жар тароватые.
Все, до самой последней жабы,
На надежды сладкие слабы.

Только лишь во мне эта жадность
Вызывает сегодня жалость,
Жалко ползающих и бегающих,
Ничего о конце не ведающих.

Жалко полной жизнью живущих,
Друг у друга удачу рвущих.
Плачу ночь напролет от жалости
К этой, жало таящей, талости.

Тихий зимний сон идет по тропам,
По моим заснеженным следам.
Хочешь, наклонись, погладь,
потрогай,
Хочешь, насовсем тебе отдам.

Подарю, как верную собаку,
В час, когда нам верность
ни к чему,
Моему он покорится знаку,
Приживется у тебя в дому.

У него покорная повадка...
У меня почти что не видна
На губах горячих лихорадка,
Память отоснившегося сна.

Кто право дал тебе на правоту,
Которую я слушаю, не споря?
Приду домой и упаду от горя
На старую зеленую тахту.

Кто право дал тебе на белизну,
Перед которой душа чернеет,
Перед которой сердце леденеет?
Приду домой и отойду ко сну.

Кто право дал судить в моей судьбе?
Кто право дал вершить в моей державе?
Но те слова тебя не удержали.
Приду домой и отойду к себе...

У тебя звезда опасная во лбу,
Потому что веришь в травы
и судьбу,
Потому что веришь в темные пути.
Почему мне было мимо
не пройти?
Почему на том, на призрачном холме

Промелькнуло что-то темное
в уме,
Промелькнуло, опалило, обожгло
И на сердце мое темное легло?
Ум и сердце, древней Старицы поля,

Для любви моей запретная земля.
До сих пор горит коварная звезда
Над дорогой, что вела меня сюда.

Как будто чуть приоткрылась
дверца,
Как будто что-то в груди
шевелинулось.
Золото через руку коснулось
сердца.
Золото через руку сердца
коснулось.
Наивное золото в форме
сердечка...

Когда это было?
Давным-давно.
Помню — жарко натоплена печка,
Помню — льдом обросло окно.
А день за порогом такой
невинный,

Каких уже после и не знавала.
Наивное золото,
Подарок наивный
Подруги сердечной,
Той, что пропала.

Дружок мой, предавший меня,
Мне эта беда по колено,
Покуда, свой холод храня,
Со мною река моя Лена.

Я слово твое на ладонь
Беру, мне отваги хватает,
Должно оно жесть, как огонь,
Ладонь ледяная не тает.

И песенка Леля звенит
Напрасно над этими льдами,
Напрасно в минувшем винит,
Напрасно летит над годами.

Опять, как снега, я легка.
Мне быть невозможно иною.
Нет сердцу алее цветка
Герани, посаженной мною.

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МОЦАРТА

«ПО МОЕМУ ГЛУБОКОМУ УБЕЖДЕНИЮ, МОЦАРТ ЕСТЬ ВЫСШАЯ, КУЛЬМИНАЦИОННАЯ ТОЧКА, ДО КОТОРОЙ КРАСОТА ДОСЯГАЛА В СФЕРЕ МУЗЫКИ. НИКТО НЕ ЗАСТАВЛЯЛ МЕНЯ ПЛАКАТЬ, ТРЕПЕТАТЬ ОТ ВОСТОРГА, ОТ СОЗНАНИЯ БЛИЗОСТИ СВОЕЙ К ЧЕМУ-ТО, ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ ИДЕАЛ, КАК ОН. В МОЦАРТЕ Я ЛЮБИЛ ВСЕ, ИБО МЫ ЛЮБИМ ВСЕ В ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРОГО МЫ ЛЮБИМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО».

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

1.

2.

ВЕЧНО

1. Вольфганг Моцарт.

2. Дом Моцарта.

3. А. В. Нежданова в роли Царицы Ночи.

4. «Похищение из серала» в Таллинском оперном театре. Мати Пальм в роли Осмина.

5. «Волшебная флейта» в Киевском оперном театре.

6. Ленинградский театр оперы и балета. «Дон Жуан».

7. ГАБТ. Балет «Эти чарующие звуки».

8. Опера «Так поступают все женщины» на сцене Большого театра.

4.

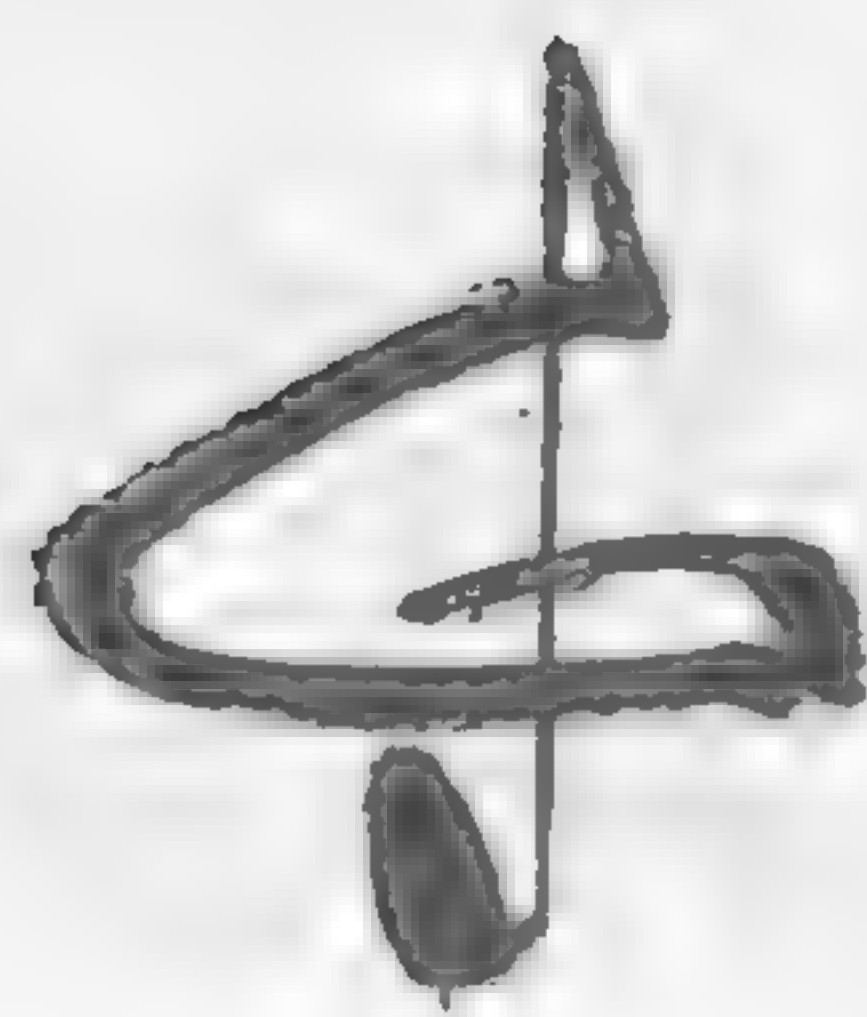
6.

5.

Фото Г. СОЛОВЬЕВА

3.

Ж И В О Й

7.

8.

ИСКУССТВ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Когда думаешь о Баку, память подсказывает картины вечернего города, вспыхивающего в густой южной темноте миллионами электрических огней. Они уходят далеко в море, туда, где добывают нефть, ложатся бликами на воду, освещая теплое дыхание Каспия. Охватывают предместья — районы промыслов, и, кажется, чем дальше от центра, тем мощнее световой поток, идущий с дальних окраин, — с вышек, дающих нефть.

Это волшебное сияние воды, земли и воздуха в первый же бакинский вечер перекрыло все радужные впечатления дня и создало ощущение праздника, счастливого сказочного видения.

Вспомнилось название одной из пьес народного писателя Азербайджана Имрана Касумова — «Заря над Каспием» и реплики героев: «Светлыми становятся бакинские ночи», «Заря встает над Каспием!..» Драматург рассказал в ней о том, как непросто зажигаются эти огни и как много значат они в судьбах нефтяников. Этими сверкающими в ночи звездами поверяется все — труд, любовь, талант, понимание долга: по традиции они горят только над успешно действующими вышками.

Восхищение ослепительной красотой вечернего города соединилось с чувством благодарности к тем, кто ее сотворил, — к прототипам и прообразам героев многих сочинений Имрана Касумова. И, глядя на портрет, публикуемый на цветной вкладке этого номера «Огонька», понимаешь, как важно было живописцу передать гражданский пафос писателя.

Первая встреча Камилы Наджаф-заде с Имраном Ашумовичем произошла четверть века назад, на съемках ленты, создававшейся по роману И. Касумова и Г. Саидбейли «На дальних берегах». В жизни молодого тогда художника кино этот фильм был одним из первых и запомнился по многим причинам: и потому, что свел в совместной работе с интересными, незаурядными людьми, и потому, что был освещен личностью легендарного героя, советского офицера, сражавшегося с гитлеровцами в рядах итальянского Сопротивления, — кинолента посвящалась подвигам Мехти Гусейн-заде, славного сына азербайджанского народа.

Он был дорог Камиле не только дерзкой храбростью и отвагой. В душе бесстрашного партизана жил художник, мечтавший написать картину о солдате, выстоявшем в беспощадной битве с фашистами и вернувшемся с победой на родную землю. Сюжет и живопись снились Мехти ночами. Казалось, стоит только начать... Но когда появилась наконец возможность — в дни выздоровления после тяжелых ранений, — картина не получилась. Видно, должно было пройти время, но его-то Мехти — Михайло, как его называли в отряде, — не хватило: он погиб, сражаясь за победу в горах Италии.

Авторы уберегли образ от лакировки, как говорится, от голубых и розовых красок. Он получился живым, полнокровным и оттого особенно близким сердцу художника.

К военной теме в собственном творчестве Наджаф-заде пришел двадцать лет спустя, написав полотно, посвященное сорок первому году.

Показывая мне эту работу в залах выставки, приуроченной к 60-летию юбилею комсомола республики, живописец рассказывал:

— Мне навсегда запомнилось то время. Хорошо помню, как провозжали на фронт, но особенно — как ждали. Сколько судеб искалечила война, сколько девушек так и не увидели вновь своих суженых! Они надеялись и верили, но чудо случалось редко...

Картина «1941 год». Сейчас солдат впрыгнет в грузовик, где его ждут односельчане, призванные так же, как и он. Но напоследок — глоток родной воды. Парень пьет жадно, весело, уверенный в скорой победе. А в глазах героини грусть и тревога. Вернется ли?.. Кто знает, может быть, в последний раз пьет воду из родного источника.

Вокруг полыхают жаркие краски лета, темно синюют обступившие деревню горы, такие же, как тысячу лет назад. Утреннее солнце

раскрывает пеструю цветность юга. В природе все идет своим чередом. Оттого еще трагичней кажется настроение девушки, ее тяжелое предчувствие трудных лет одиночества.

Те же герои затем снова появились в творчестве Наджаф-заде, только теперь это были наши современники. Солдат, после службы в Советской Армии вернувшийся в село, и его девушка — молодые люди, стоящие на пороге счастья. Начатая в предыдущем холсте тема получила иное развитие. «Радость весны» — так назвал художник свое полотно. Все в нем — застенчивая нежность юной героини, открытая улыбка солдата, ласковое весеннее солнце — дышит предчувствием покоя и мира.

Камиле много ездит по республике, подыскивая, как говорят кинематографисты, натуру для съемок. С тех пор, как в 1955 году закончил художественный факультет ВГИКа, он работает на «Азербайджанфильме»; при его участии поставлено более тридцати кинолент.

Где бы ему ни пришлось бывать, постоянно пишет этюды. Однажды попал в высокогорный район на ейлагу — в пору стрижки овец. Поразили ловкость, с какой работали стригали, и сиротливые в своей наготе, остриженные животные, с грустными, будто обиженными глазами.

Почти над самой головой плыли облака, пряно пахли луга, и сразу захотелось перенести это все на холст. Так появилась картина «На ейлаге» — одна из последних работ художника.

Сам он говорит, что в живописи главная его тема — родной край.

— Хотя я горожанин, но привлекают меня сельские сюжеты. Часто бываю в деревне и думаю, что теперь уже неплохо знаю ее людей. Люблю писать весну, ситуации, связанные с этим, как мне кажется, лучшим временем года — порой расцвета, обновления. Наверное, потому молоды все основные персонажи моих тематических полотен.

А для портрета заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Камиле Наджаф-заде выбирает людей, которых давно знает и искренне, сердечно почитает.

За двадцать пять лет, что прошли с момента создания ленты о Мехти, художник встречался с Касумовым в совместной работе еще над несколькими фильмами, такими, как «Настоящий друг», «Наша улица».

— Меня поражает в Имране Касумове оригинальность и широта мысли: она всегда идет дальше сегодняшней, сиюминутной беседы. — Художник задумывается, словно вновь переживая события собственной жизни, и добавляет: — Восхищает его душевная щедрость, доброта.

Я давно решил написать портрет этого человека, — продолжает Наджаф-заде, — показать его и как общественного деятеля: Касумов — депутат Верховного Совета Азербайджана, председатель Союза писателей республики. И одновременно — его человечность, доступность. Работал долго. Много хотелось передать...

На полотне писатель изображен в рабочем кабинете. На столе стакан крепкого ароматного чая, которым славится Баку. Он только что поднял глаза от книги. Взгляд просветлен и как бы устремлен в будущее. Перед нами человек незаурядный, одухотворенный, чистосердечный.

Портрет был закончен в начале прошлого года. А в ноябре мне довелось увидеться с Имраном Ашумовичем. Ему нездоровилось, но он держался бодро, не сетовал, был проникновен...

— Вы слышали о нашем художнике Саттаре? — вдруг спросил Касумов.

...Бахлул-заде, или просто Саттар. Так он подписывал свои работы, и так все его называли. Я знала его полотна. Он изображал родную землю, свой Азербайджан, обновленный и прекрасный, в гармонии, добре и мире. Писал его как мечту, возвышенную, поэтичную, отрицающую суетную случайность.

— Так вот, — продолжал писатель, — Саттар дарил свои произведения всем, кто к нему приходил. Жил старый мастер скудно, но когда ему советовали продавать полотна, отвечал: «Отдавая картины людям, я создаю себе огромный вернисаж».

В этом была мудрость художника, понявшего, что искусство живет только тогда, когда народ знает и любит его творения, — заключил Имран Касумов.

Из окон его дома сиял огнями вечерний Баку, и далеко в море уходил свет рукотворной зари, зажженной нефтяниками Каспия, которым писатель посвятил многие свои книги...

К. Наджаф-заде. Род. 1929. ПОРТРЕТ НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ АЗЕРБАИДЖАНА ИМРАНА КАСУМОВА. 1979—1980.

К. Наджаф-заде. 1941 ГОД. 1975.

БУМАГА — ДЕЛО

«ОГОНЕК» НА КОТЛАССКОМ
ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОМ КОМБИНАТЕ

ТОНКОЕ

К. БАРЫКИН

Когда поутру, еще в проходной, котласцы увидели приветственный кумач, каждый ощущал себя участником немалого события, даже в масштабах всей отрасли немалого — десятиmillionную тонну целлюлозы сварили! Многие причастны к этому событию, но в первую очередь называют Владимира Анатольевича Порошева, Владимира Кузьмича Киреева, Анатолия Михайловича Быкова и Владимира Николаевича Петухова — они в тот день стояли у варочных агрегатов, они принимали десятиmillionную тонну. Их первыми и поздравили...

А начинались эти миллионы с такой крохи, что не все и верили в подобный рубеж. Ветераны помнят, как передавали тогда из рук в руки первый килограмм и каждый старался отщипнуть от него кусочек — на память. Так и не дошла бы самая первая целлюлоза до здешнего музея, не оказался предусмотрительного человека, который все же сумел сохранить ее частичку... Много добротной бумаги сделано за эти годы из котласской целлюлозы.

— Что сделано, уже сделано, — говорит мне генеральный директор комбината Александр Александрович Дыбцын. — Надо и вперед заглянуть, в новую пятилетку. В восьмидесят первом мы должны дать на семнадцать тысяч тонн целлюлозы больше, чем в году минувшем. Выпуск бумаги предполагается увеличить более чем на одиннадцать тысяч тонн. Больше, чем прежде, надо сделать картона, бумажных мешков, другой продукции.

А. А. Дыбцын всегда охотнее говорит о том, что предстоит, чем о пройденном. И замечает: «Тем более, что работать мы могли бы лучше». С прямой перечисляет причины сбоев, неиспользованные резервы. И задает неожиданный вопрос:

— Вы на какой бумаге любите писать: на тонкой или той, что потолще?

— На хорошей, — ухажу от прямого ответа.

— То-то и оно... Но ведь хорошая — не значит толстая. Не первый год ведем эксперименты, называли их «эффект тонкой бумаги». Что это такое? Есть такое понятие — плотность бумаги. Мы в основном давали бумагу, квадратный метр которой весил более восьмидесяти граммов. Прежние типографские машины не могли печатать на менее плотной бума-

ге. Но техника шла вперед, появились машины-быстроходы, им подходит бумага и потоньше. И вот котласцы выработали и послали полиграфистам семидесятиграммовку — пусть попробуют. И уже готовят еще более тонкую.

Представляете, какая экономия целлюлозы! За один год она составила бы по комбинату тысячи тонн.

Много, настойчиво работают тут над освоением новой бумаги и ждут, когда ее выпуск станут планировать не в тоннах, а в квадратных метрах. Ведь книги печатают не на килограммах, на листах! Конечно, «толстую» бумагу делать значительно проще, и, взявшись за «тонкую», котласцы посчитали не только свою, «местную» экономию, но и государственную. И надо скорее пойти им навстречу, пересмотреть показатели готовой продукции, помочь машинами и оборудованием, помочь решить социальные проблемы, среди которых и жилье и дорога к садовому городку.

Да и непосредственно в производственных делах нужна поддержка, прежде всего в отношениях с поставщиками и смежниками. Котласцы предложили свое понимание этих отношений — суть его очерчена формулой: от претензий — к взаимной помощи. Сами охотно, сердечно отзываются на запросы, пожелания потребителей и к себе ждут такого же отношения. Но так получается не всегда. Предусмотренная планом древесина не полностью поступает на комбинат, он испытывает большую нужду в сырье. «Комилеспром» должен (подчеркну это слово — должен!) ежедневно давать минимум 55 вагонов необходимого сырья, а пока присылает половину того. Бывали, правда, дни, когда вдруг приходило столько вагонов, что составы не уместались на подъездных путях — как говорится, ни проехать, ни пройти. Тогда начинался аврал, все шло на разгрузку...

Звоню в Ухту, к поставщикам, разговариваю с начальником отдела сбыта Николаем Васильевичем Шабалиным.

— Котласцы недополучают древесину? — спокойно переспрашивает меня начальник отдела. — Я и сам об этом знаю. Почему так? «Комилеснабсбыт» дает нам указание: куда и кому в первую очередь грузить. Мы выполняем это указание. Тут есть полная ясность.

Да, ясность есть, есть план, есть фонды, есть ранее принятые обязательства. Вот только древесины нет. Грузенные ею составы проходят мимо станции Низовка, не поворачивая на подъездные пути комбината. И сейчас создается положение, которое излишне деликатно называют «малым сырьевым обеспечением».

«Огонек» просит Госнаб СССР вернуться к рассмотрению вопро-

сов, связанных с поставками древесины Котласскому целлюлозно-бумажному комбинату. Может, настала пора шире посмотреть и на всю проблему? Ныне из общего количества планируемой разным отраслям народного хозяйства древесины на долю бумажников приходится немногим более 12 процентов. Практика показывает — этого недостаточно. Много древесины идет на рудничную стойку, на тару, на железнодорожные шпалы...

Не настало ли время пересмотреть планы, с тем чтобы больше сырья выделять бумажникам? Иначе через год-другой они будут вынуждены вести самозаготовки — вырубать ближайшие сады и рощи. Понимаю, до этого не дойдет, но не следовало доводить и до разговоров об этом. А то, что такие разговоры идут, знают не только в Коряжме, но и в Москве...

Создается впечатление, что бумажники получают лишь остатки. Конечно, это не так, но тот факт, что сырья мало, не вызывает сомнений. Не следует ли пересмотреть приоритеты, уделив больше внимания тем, кто делает бумагу? Видимо, сейчас, после создания Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, в планировании появится большая четкость, но ведь фонды то пока остаются прежними.

И получилось, что, много месяцев подряд успешно выполняя план, котласцы сблизись в ноябре с ритма, и этот сбой в поставке сырья затянулся и перешагнул рубеж, перейдя в наступивший год. Создалось весьма сложное положение.

Однако не одной древесиной жив комбинат. Ее, древесину, надо еще переработать. «Мы ведем модернизацию шестой бумагоделательной машины, — говорил главный инженер комбината Павел Николаевич Балакшин. — Пустим ее — получим двадцатипятипроцентное увеличение мощности по сравнению с проектной. Стоящее дело, у нас на комбинате буквально загорелись такой перспективой. Но не все тут ладно. Чтобы успешно завершить модернизацию машины, нужны детали — их должен дать нам днепропетровский завод имени Артема. Уже прошли плановые сроки, а мы пока по преимуществу получаем обещания...»

Я позвонил в Днепропетровск, на завод имени Артема. Говорил я из репортерской комнаты редакции по аппарату быстрой связи, и пока мы беседовали с директором Сергеем Григорьевичем Смирновым, установленный рядом телетайп выстукивал что-то, строку за строкой. Я еще не знал, что это телетайпограмма от главного инженера Котласского комбината, который подтверждал: пока в Коряжму нужные детали не пришли.

— За заказом котласцев мы следим, — говорил между тем товарищ Смирнов. — Основные узлы для шестой бумагоделательной машины отгружены, осталось немного. Кое-что находится в стадии отгрузки, остальное зависит не от нас, а от смежников из Запорожья...

— Когда детали уйдут в Коряжму? — спросил я. На том конце провода наступила пауза, правда, непродолжительная.

— Думаю, в субботу отгрузим, — заверил директор.

Забегая вперед, скажу, что в ту субботу это не было сделано, и только недавно в редакцию пришла телетайпограмма: в ней указан номер квитанции, подтверждающей, что часть деталей отправлена. Но так уж устроена машина, что для ее пуска нужна не часть деталей, а полный их комплект...

Вот и шла модернизация бумагоделательной машины дольше, чем хотелось бы. Как-то я читал об одном совещании, которое в давние годы проводил известный организатор промышленности, нарком В. А. Малышев. Срывались кооперированные поставки. Все находили тому объяснения. Тогда слово взял нарком: «Что такое кооперация? Это суворовский принцип: «Сам погибай, а товарища выручай». Может, иногда следует заглядывать в историю? Не для того, чтобы погибать, а с тем, чтобы выручать!..»

...Бумажный лист стремглав вылетает из машины. Полыхнет по цеху беленой своей чистотой и тут же исчезает — на рулоне. Его катушка наматывается стремительно, растет в размерах. Идет котласская бумага! И снова читаю я в комбинатской многотиражке «Котласский бумажник» деловую хронику предсезонных недель. Хроника информационная, но несет и большой эмоциональный заряд — не раз замечал, что газету тут начинают читать с этих коротких сообщений. А они рассказывают о том, что коллектив производства печатных бумаг выработал 2500 тонн бумаги сверх плана; что пример хорошей работы, как и прежде, подают машинисты Г. Гирш и П. Козюк; что у отбельщиков производства вискозной целлюлозы экономия достигла 46 тысяч рублей, но это не предел, и автор заметки подсказывает пути достижения лучших результатов.

Идет котласская бумага, ждут ее типографии. И надеются, что в 1981 году бумаги поступит больше, что будет она лучше по качеству, может быть, и тоньше, потому что уже сказано: печатают книги и журналы не на килограммах. Да и вчерашнее утверждение «где тоньше, там и рвется» — оно и есть вчерашнее.

Тоньше — значит, экономнее, выше качеством. Словом, современнее.

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

Каждый год в редакции нашего журнала собираются представители бригад — победительниц социалистического соревнования на призы «Огонька». В этом году на встречу приехало 45 человек — посланцы «Атоммаша», КамАЗа и Оренбурггазпрома, строители БАМа, Волго-донскэнергостроя и Камгэсэнергостроя...

Главная тема разговора — трудовые подарки прославленных коллективов XXVI съезду партии.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Делегация Набережных Челнов была, пожалуй, одной из самых представительных. Это и неудивительно. Город Набережные Челны — сплошная строительная площадка. Главный объект — вторая очередь КамАЗа.

Именно об этом говорила редактор газеты «Камские зори» П. М. Столярова.

— Строители нашего объединения развернули социалистическое соревнование за достойную встречу XXVI съезда партии. Естественно, чтобы справиться с большими объемами работ, нужны прогрессивные методы организации труда. Один из них — непрерывный бригадный подряд. В будущем шестьдесят процентов всех работ будут вестись по такому методу.

Бригадир механизаторов У. Наурбиев рассказал об этом подробнее. Суть метода в том, что бригады шоферов и механизаторов за определенными объектами закреплены постоянно. Зарплату получают по общему наряду. Чтобы не было простоев, бригада имеет один основной и два-три дополнительных объекта. Если по тем или иным причинам прерывается работа на основном объекте, механизаторы переходят на другой. Так что простоев нет. И результаты совсем неплохие: управление механизации выполнило план на 72 дня раньше. На календаре комплексной бригады уже двенадцатая пятилетка.

— Мы тоже не в обиде, — закончил бригадир, — в месяц получаем почти по четыреста рублей.

А вот другой бригадир, Р. Шафигуллин, работающий на строительстве жилья и так называемых объектов соцкультбыта, признал, что качество домов, школ, детских садов и магазинов, как говорится, оставляет желать лучшего. Но виноваты в этом не столько монтажники, сколько работники домостроительного комбината.

А потом выступила заместитель

секретаря парткома литейного завода КамАЗа Н. Шушарина.

— За пятилетку КамАЗ выпустил более 200 тысяч автомобилей. На одиннадцатую пятилетку задачи стоят еще более грандиозные. Чтобы их успешно выполнить, необходим стабильный, крепкий коллектив. А у нас, к сожалению, текучесть кадров еще велика. Боремся с нею. У нас создан социологический центр, а на всех предприятиях группы стабилизации кадров. Чтобы не было людей, не удовлетворенных своей профессией, открыли учебный комбинат — там школьники обучаются интересующим их профессиям. Сейчас 65 процентов новичков приходят на завод, получив рабочий разряд. Очень полезна деятельность групп стабилизации кадров. Специальные анкеты позволяют распознать склонности людей, пригодность их к той или иной работе. Словом, делается все, чтобы человек определился как личность на производстве, чтобы КамАЗ стал ему родным.

Разговор обо всем этом продолжался на главном конвейере ЗИЛа, где камазовцы встретились с московскими автостроителями. Евгений Сокольский, бригадир комсомольско-молодежной бригады, расспрашивал Сергея Архипова, секретаря комитета комсомола автосборочного корпуса ЗИЛа, о том, как у них организуется социалистическое соревнование. Старший инженер Т. Красильникова интересовалась заводским музеем: настало время и на КамАЗе создавать свой музей. В общем, гости КамАЗа чувствовали себя на ЗИЛе почти как дома.

— Для нас большая радость побывать здесь, — сказала потом Н. Шушарина, — ЗИЛ и КамАЗ — братья. Мы делаем одно, важное для страны дело — выпускаем автомобили. Поэтому необходимо наладить эстафету опыта. Вместе, плечом к плечу веселее двигаться вперед. Каждый из нас, кто побывал на ЗИЛе, обязательно расскажет об этой встрече в своей бригаде, в своем цехе.

КТО СОЕДИНИТ КЛЮЧ!

— А на БАМе проблемы совсем другие, — говорит бригадир Н. Химченко. — Еще совсем недавно нашей бригады не было. Были отдельные люди, приехавшие на БАМ со всех уголков страны. Народ разный: и повара, и парикмахеры, и слесари. Не хватало только тех, кто нужен, — столяров и плотников, тех, кто дома строит. Что и говорить, не все оказались готовы к работе да еще в таких трудных климатических условиях:

зимой под пятьдесят бывает! По таким морозам говорят: слова на ветру замерзают. Но мы знали одно: не будет коллектива — не будет работы. Много сомнений одолевало меня тогда, и не без оснований, ведь были среди нас и такие, кто приехал на БАМ за длинным рублем, не представляя, в сущности, своей будущей работы. А экзамен предстоял суровый, сибирский. Не все его выдержали, через несколько месяцев в бригаде из тридцати пяти человек осталось восемь.

Эти восемь, влюбленные в БАМ и свою работу, составили костяк нынешней бригады, которую мы собирали, что называется, по крупицам. И каждый новичок, пришедший к нам, оказывался лицом к лицу хоть и с небольшим, но сплоченным коллективом, у которого уже были свои, сформировавшиеся здесь, на БАМе, традиции.

В Москве нам довелось встретиться с заместителем начальника Метростроя, Героем Социалистического Труда Татьяной Викторовой Федоровой, ветераном московского метро. Она подробно рассказала о том, как начиналось строительство первых станций, о трудностях, преодолевать которые помогала вся страна. Рабочие коллективы — сплав характеров, судеб — рождались в невероятно тяжелом труде. Здесь у бамовцев с метростроевцами много общего.

А потом, на строящейся станции «Севастопольская», бамовцы встретились с сегодняшними строителями метро. Им было о чем поговорить, чем поделиться. Гости метростроевцев рассказали, как они справляются с морозами, как отдыхают; отмечали, что не хватает клубов, кинотеатров; вспоминали, как переносили жилые дома, которые мешали работам в районе трассы БАМа...

И все же, несмотря на эти трудности, бригада Н. Химченко добилась многого: десятую пятилетку завершила к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, а совсем недавно закончила монтаж тридцать девятого по счету дома.

Редактор газеты «БАМ» И. Шестаков выступал как журналист и как один из организаторов соревнования под девизом: «Кто соединит ключ от БАМа». Суть его в том, что несколько лет назад на станции Тайшет был распилен пополам символический ключ от трассы. Эти половинки отданы бригадам укладчиков пути, которые с востока и с запада идут навстречу друг другу. Где-то в Иркутской области они должны встретиться. Но где? И кто придет к неведомой таежной станции первым?

— Сделано на БАМе немало, но еще больше впереди, — сказал

Заместитель начальника Метростроя Герой Социалистического Труда Т. В. Федорова беседует с бамовцами.

И. Шестак.—Главный вопрос—это хозяйственные строения на БАМе. Дорога строится, она должна и окупаться. Пока такой отдачи нет, исключая линию Бам—Тын-да—Беркакит.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Заместитель секретаря парткома Оренбурггазпрома И. Титов начал выступление с рассказа о своем предприятии:

— Мы добытчики газа. Правда, наше дело — не только добыть газ из подземных кладовых, но и переработать, разделить природный газ по фракциям. О том, как мы работаем, говорят хотя бы такие цифры: за годы десятой пятилетки добычу газа мы увеличили в пять раз, конденсата — в шесть с половиной, а серы — в восемь раз. А пятилетний план завершили в сентябре. В одиннадцатой пятилетке освоим новые виды продукции — речь идет об этановых фракциях — и построим завод одорантов — ценного сырья для парфюмерной промышленности. Завод будет производить десятки тонн одорантов. Чтобы расшифровать эту цифру, скажу лишь, что одной тонны такого сырья хватит для всей парфюмерной промышленности любой западноевропейской страны! Кстати, если уж зашла речь о странах Западной Европы, надо сказать, что оренбургская продукция там хорошо известна: не даром наш газопровод к западной границе получил название «печка Европы».

А потом выступили другие гости из Оренбурга, они рассказали о том, каким ценным продуктом считается гелий, часто его называют «солнечным газом». В Оренбурге уже построена первая очередь завода по производству гелия, в ближайшие годы войдут в строй еще три очереди. Это будет самый крупный в мире завод из подобных ему. А в будущей пятилетке шаг Оренбурггазпрома станет еще шире: объединение приступит к разработке месторождений в Астраханской области, а это, по прогнозам предварительной разведки, второй газовый Оренбург. В эти же годы предстоит освоить еще три серосодержащих месторождения, расположенных в Казахстане и Оренбургской области.

— Основная мысль проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии, который сейчас обсуждает вся страна, — забота о человеке. Все — во имя человека, все — для блага человека! Забота о человеке — это прежде всего его воспитание, — сказал в заключение И. Титов. — Наше предприятие может гордиться своими людьми: в нашем коллективе — два Героя Социалистического Труда, шесть лауреатов премии Ленинского комсомола, пять тысяч ударников коммунистического труда.

ПОЛНЫМ ХОДОМ

Председатель объединенного стройкома треста Волгодонск-энергострой И. Капендюхин сказал:

— В декабре 1979 года мы закончили строительство первой очереди «Атоммаша», и сейчас завод готовится к выпуску атомного реактора. Теперь мы должны сдать вторую очередь. Без этих производственных площадей, а их ни много ни мало 230 тысяч квадратных метров, завод не смо-

жет приступить к серийному выпуску атомных реакторов. Полным ходом идут работы на строительстве Ростовской атомной электрической станции. Темпы очень высокие: первый блок атомного реактора надо поставить под напряжение за четыре года — это в два раза быстрее, чем принято в мировой практике.

Взяла слово бригадир штукатуров-маляров Л. Чухнина:

— Не было случая, чтобы мы не выполнили план. Сейчас готовим к сдаче шестой корпус — корпус электродов. Его первая очередь была сооружена в июле. Здесь, в Москве, вместе с другим нашим бригадиром, Николаем Каминским, мы побывали на домо-строительном комбинате номер один и в бригаде Героя Социалистического Труда А. М. Суровцева. Вот где настоящая работа! За качеством следят чуть ли не так же, как на «Атоммаше» за качеством реактора. Потому и дома сдают с гарантийным паспортом. В Волгодонске я обязательно расскажу об этом своим товарищам, а начальникам посоветую побывать на ДСК-1 и перенять полезный опыт.

Заместитель секретаря парторганизации первого корпуса производственного объединения «Атоммаш» В. Жуков отметил, что всего несколько лет назад было решено построить и освоить «Атоммаш». А к XXVI съезду партии за ворота должен выйти первый корпус волгодонского атомного реактора. Уже произведена одна из ответственных операций — антикоррозийная напайка.

— Завод наш уникальный, — с гордостью сказал В. Жуков, — в цехах есть оборудование, какого нет нигде в мире, — некоторые прессы, подъемные краны, сварочные агрегаты существуют в единственном числе. Работать на них непросто. Слесари и сварщики пятого-шестого разряда для нас — норма. Казалось бы, чего еще надо, если у человека шестой разряд? Но даже им приходится переучиваться.

Бригадир комплексной бригады слесарей-сборщиков производственного объединения «Атоммаш» Н. Ковалев подтвердил:

— Виталий Федорович прав: учиться и переучиваться приходится буквально на ходу. Наша бригада занимается изготовлением промежуточного цикла между реактором и турбиной. Собрали первый блок емкости, один блок парогенератора, первый корпус парогенератора.

Работали мы по очень четкому сетевому графику. Отклоняться от него нельзя ни на день. Тем более, что торопиться нам просто запрещено: буквально каждую операцию принимает ОТК. Судите сами: по технологии сорок процентов времени отводится только контролю.

В этих условиях большую роль играет трудовая и технологическая дисциплина. И дисциплина у нас строжайшая. Как ни странно, строгости не порождают текучести кадров. У нас интересная работа, молодой, растущий город, забота и внимание, которые мы чувствуем на каждом шагу. А это все вместе и есть главное в нашей жизни. Богатства страны множатся трудом каждого из нас. Поэтому мы не жалеем усилий, стараемся работать лучше, стремимся ознаменовать приближающийся съезд партии новыми успехами.

Финляндия

«СОЗИДАТЬ, А НЕ РАЗРУШАТЬ!»

На Всемирный форум молодежи и студентов за мир, разрядку и разоружение собрались более пятисот представителей различных международных, региональных и национальных молодежных организаций со всех пяти континентов нашей планеты. И глубоко символичным представляется тот факт, что встретились они в большом зале дворца «Финляндия» в Хельсинки, в том самом прекрасном бело-голубом зале, где был подписан ставший теперь историческим Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Каждый приехал на форум, чтобы рассказать о том, что больше всего волнует его и молодежь страны, в которой он живет. Впрочем, пусть об этом говорят сами участники форума.

Фолькнер Юнге (Западный Берлин):

«...Нас крайне беспокоит обострение международной обстановки, в чем повинны империалистические круги США и НАТО...»

Фиона Мактаггарт (Великобритания):

«...В последнее время молодые рабочие, студенты и школьники все активнее включаются в движение за ядерное разоружение. Мы требуем, чтобы правительство направляло больше средств на образование, на борьбу с безработицей, а не на гонку вооружений...»

Херардо Эррера (Сальвадор):

«...На днях каратели совершили еще одну расправу над 35 патриотами, а затем, стремясь замести следы, облили трупы бензином и сожгли их. Мы хотим, чтобы мировая общественность знала об этих злодеяниях. Мы хотим, чтобы все в мире знало о том, что хунте оказывают прямую поддержку империалисты США».

Свое приветствие участникам форума направил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. «Созыв столь широкой встречи представителей молодежи различной политической и идеологической ориентации, — говорится в приветствии, — встречи, которая посвящена борьбе за мир и предотвращение военной опасности, — отрадное свидетельство ответственного подхода молодого поколения к проблемам, волнующим все человечество».

Форум продемонстрировал зрелость молодежного и студенческого движения. Принимая заключительный документ Всемирного форума, его участники подчеркнули, что молодое поколение не станет мириться с неизбежностью военной угрозы, оно будет строить мир сотрудничества и социального прогресса.

На снимке: Хельсинки. Здесь по окончании Всемирного форума молодежи и студентов состоялся марш мира.

НАТО

СКОЛЬКО БУДЕТ СТОИТЬ САМОЛЕТ?

Предполагаемый внешний вид боевого самолета ТКФ-90.

В 1978 году, после окончания осенней вашингтонской сессии НАТО, общественность стран — участниц этого агрессивного блока была глубоко возмущена принятой программой ежегодного автоматического роста военных расходов вплоть до конца столетия.

Однако, как в 1978 году, так и сегодня, заправилы НАТО продолжают тратить многомиллиардные суммы как на приобретение уже существующих образцов вооружения, так и на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по производству новых.

Так, начавшаяся закупка для бундесвера 1800 новейших танков «Леопард-2» обойдется западногерманским налогоплательщикам в 6,5 миллиарда марок. И еще не подсчитана полная стоимость разрабатываемого боевого самолета ТКФ-90, который должен поступить на вооружение военно-воздушных сил ФРГ, Великобритании и Франции в 90-х годах.

Команда альпинистов, чемпионы СССР 1980 года в высотном классе после восхождения на пик Коммунизма: Казбек Валиев, Вадим Смирнов, Валерий Хрищатый, Юрий Голодов, Сергей Ченчев, Григорий Луняков, Виктор Шкарбан, Владимир Сувига, Олег Крутилов.

Фото С. Зеленцова

НА УРОВНЕ ДЖОМОЛУНГМЫ

Юрий ЛУШИН

На этой высоте обычно летают самолеты и уже не летают птицы. На эту высоту подавляющее большинство жителей планеты не поднималось и никогда не поднимется. Тут и в самое жаркое лето царствуют холода, а июльская пурга так же обычна, как переполненные в это время года черноморские пляжи. Несомненно, надо обладать колоссальной силой воли, чтобы цветущим летом упорно искать зиму, карабкаться за ней по головоломным кручам и страдать от недостатка кислорода. А может быть, они просто ненормальные? Я вглядывался в них и видел симпатичные лица, умные глаза, открытые улыбки, слышал тонкие шутки и вполне здравые речи. Я терзал их наивными вопросами об альпинизме, они терпели. «Что вас тянет в горы?» — спрашивал я. «Горы», — отвечали они, не понимая моего недоумения и, наверное, втайне считая как раз меня ненормальным. Потом, когда я прочитал множество высказываний известнейших альпинистов мира на эту тему, я понял, что их ответ, пожалуй, самый логич-

ный. Впрочем, никто на земле не может похвастаться тем, что познал психологию альпинизма до конца...

Мы сидели в полутемной комнате и смотрели горные слайды. Голубые вершины чудовищной красоты вставали на экране. И чем выше они громоздились, чем неприступнее дыбились стены и скалы, тем чаще я слышал их комментарий: «Хорошая гора!» И это знало, что покорить ее вершину способны альпинисты далеко не все. И наступил момент, когда смолкли все разговоры и молчание было столь красноречивым, что я спросил полусухо:

— Что, хорошая гора?

— Это же пик Коммунизма! Юго-западная стена! По ее центру до нас не проходил никто, — ответил Ерванд Ильинский, мастер спорта, заслуженный тренер СССР по альпинизму...

— Вот отсюда мы начали, — показал на крохотную точку у подножия Казбек Валиев, капитан команды.

— А тут, на самой стене, сидели несколько суток из-за непогоды, — добавил Юрий Голодов.

— Четверо, — уточнил Гриша Луняков...

Они вспоминали детали восхождения и заново переживали их. Они забыли обо мне, и я мог яснее представить себе, как это было. Восхождение началось в 5 утра 29 июля 1980

года. Полная луна гуляла в одиночестве среди вершин, заливая их неверным призрачным светом. Какая-то нереальная грозная тишина давила на уши. Невольно хотелось втянуть голову в плечи, забраться в панцирь. Двадцатикилограммовые рюкзаки тянули их назад, вниз, в лето и тепло, а они шли вверх, по натечному льду и фирну, навстречу неведомому.

Настроение у них было отличное, физическая форма — лучше некуда. Но так уже было с ними дважды, а до вершины они не дошли. Первый раз четыре года назад их сняли с маршрута и отправили на поиски альпиниста, который сорвался со скалы и разбился. Еще через год они вернулись с полпути, чтобы спасти заболевшего пневмонией товарища.

Уже четвертый час они шли по обледенелым скалам вверх. Шли быстро, разменяв шестую сотню метров и приближаясь к отметке 5300, где у них была запланирована первая ночевка. Шли девять человек — три научных сотрудника, три прапорщика, инженер, геолог и геофизик. У всех свой характер, свои привычки, свои вкусы и привязанности. Но здесь их объединяла одна идея и одна общая цель. Они шли в связках — двойками и тройками, страхуя друг друга, и, чем выше поднимались, тем длиннее казались метры и тяжелее килограммы. Обыкновенная веревка приобрела вдруг в их жизни огромное значение. Теперь от ее прочности, от надежности карабинов и вбитых в камень крючьев зависело само их существование, теперь даже пройденное расстояние измерялось количеством веревок...

«Подъем был по большому кулуару, где три года назад все свистело и грохотало от камнепада, — записывал при свете умирающего заката в своем дневнике Юрий Голодов. — Сегодня за все время пролетел лишь один камень. Прошли еще 7 — 8 веревок (каждая по 40 метров) и к 11.00 собрались у места первой ночевки. Площади залиты льдом, три часа вырубали место для двух палаток. Полка получилась отличная, примерно метровой ширины. Спать будем полусидя или, как говорят оптимисты, полулежа. Мы оптимисты. Пока устраивали лагерь, тройка — Валерий Хрищатый, Гриша Луняков, Володя Сувига — ушла вверх и навесила 8 веревок. Это перила, по ним все будут подниматься завтра... Спим во всей амуниции, в обвязках и касках. Все привязано и крючьям, вбитым в стену, — палатки, рюкзаки, мы сами...».

Еще лишь однажды они спали полулежа, девять ночей провели сидя и только одну блаженствовали, вытянувшись в спальных мешках во весь рост... Все-таки удивительная вещь — палатка. Они влезали в нее после 10—12 часов работы на стене, когда в день удавалось пройти всего 4—5 веревок, влезали словно в дом родной и тут же забывали, что находятся на краю пропасти и из палатки некуда выйти. Дежурный ставил на колени примус (больше свободного места не было), чтобы натопить из снега водички для чая, и жизнь становилась почти прекрасной. Пик Коммунизма высотой 7495 метров всегда был серьезнейшим испытанием для альпинистов начиная с первого восхождения 3 сентября 1933 года. Тогда участник Таджикско-Памирской экспедиции знаменитый Евгений Абалаков был вынужден в одиночестве преодолевать последние сотни метров до вершины, потому что остальные, сраженные высотой и болезнью, вышли из строя. Последующие поколения альпинистов нашей страны поднимались на вершину по классическому пути первовосходителей или искали более сложные маршруты. Потом наступила очередь сверхсложных вариантов восхождения по стенам ее массива. Но до последнего времени оставался непройденным центр почти трехкилометровой юго-западной стены пика Коммунизма. Эту стену они и штурмовали. Представить себе это нельзя, рассказать об этом почти невозможно. В их отчете, а это документ, восхождение описано так:

«1 августа. 6.00. Высота 6200. Четверо вышли на дальнейшую обработку (навешивание перил, поиски пути вверх. — Ю. Л.). Остальные переносят лагерь на две небольшие полочки под «брюхом» (участок нависающих скал. — Ю. Л.). От конца перил идем направо вверх по крутым (до 80 градусов), сильно разрушенным скалам. Очень холодно. В верхней части первой веревки небольшой нарниз. Первый проходит его лазанием в калошах. (Для лучшего сцепления со скалой сейчас и зарубежные альпинисты по примеру наших освоили калоши.) Далее влево вверх две веревки. Небольшие нарнизы, камини, внутренние углы. Даже в калошах лазание сложное... Подходим к большому внутреннему углу. В этот день пройдено только 4 веревки. Высота 6300.

2 августа. Выход в 8.00. Весь день работали

на перилах. Часто пользовались стременами (то же самое, что лесенки), для прохождения отвесных и нависающих участков. В 14.00 у верхнего конца перил начали готовить площадку под палатку. На полке много снега. К 17.00 установили палатки. Туман, холодно. Высота 6500.

3 августа. 10.00. Тройка выходит на обработку. Сразу над ночевкой скалы нависают. Первый идет на лесенках. Очень холодно. Поднимаемся прямо вверх примерно 15 метров, затем влево на полку. Над ней монолитная вертикальная стена. До середины просматривается подходящая для страховки трещина. Очень сложно — одно из самых сложных мест на маршруте. В верхней части совершенно нет трещин. Зацепок очень мало. По радиосвязи с наблюдателями выяснилось, что до «хороших» ночевочек примерно полверевки. Время 17.00. За день пройдено 5 веревок.

4 августа. Выход в 9.00. Для подъема по перилам используем стремена. К 12.00 первый прошел навешенные перила. По сильно разрушенным скалам проходим еще 20 метров и выходим на хорошую полку. Здесь будет 6-я ночевка. Трое уходят на обработку. Одна веревка очень сложного траверса. Затем вправо вверх пересекаем «нварцевый пояс».

5 августа. Высота 6700. Отвесные скалы. Холодно. Первый идет в двойном «вибраме» (ботинки на толстой рифленой резиновой подошве с войлочным носком внутри. — Ю. Л.). Лазание сложное. Первая веревка выводит на наклонную полку. Далее влево вверх небольшая карниз, затем вправо по стене. Лазание очень сложное. Первый идет без рюкзака на двойной веревке (для безопасности одну веревку может перебить летящий острый камень. — Ю. Л.). Холодно. Калоши применить нельзя. На небольшой полке ночевка. Вторую площадку делаем тремя веревками ниже, так как вторая палатка подойти до темноты не успеет. Только к 19.00 устанавливаем палатки. Высота примерно 6900.

6 августа. Сегодня день обработки «бастиона». В 10.00 выходит тройка. В это время нижняя палатка присоединяется к верхней. От палаток идем прямо вверх по наклонной полке одну неполную веревку. Затем опять прямо вверх в направлении огромного внутреннего угла, рассекающего «бастион». Холодно. Скалы крутые, часто разрушены. Две веревки выводят к основанию «бастиона» — крутому, сужающемуся внутри камину. Одна веревка очень сложного лазания в расщепе. Далее крутые стенки. В конце веревки трижды используется и. т. о. (искусственная точка опоры — на вбитый крюк вешается, например, лесенка). Сложность «бастиона» оказалась выше ожидаемой. Навешено 6 веревок. Крючья, взятые для обработки, кончились. Время 17.30, решаем спускаться. До выхода на верх «бастиона» осталась одна веревка сложных скал.

Одна веревка — 40 метров, после чего открывался прямой путь к вершине, достаточно простой. Но они еще не знали, что пройдут эту веревку только на четвертые сутки.

Но и о том, что было до этого, — как рассказать обыкновенным человеческим языком? В отчете ни слова об эмоциях. Как передать читателю переживания и ощущения людей, ту нечеловечески трудную обстановку, когда альпинисты, тренированные, здоровые люди, легко подымавшиеся для высотной акклиматизации перед этим восхождением на пик Ленина (7134), способны пройти за день всего лишь сто метров? Как объяснить это людям, никогда не бывавшим на высоте? Если по-научному, то с человеком происходит вот что. Низкая температура, ее резкая суточная амплитуда, необыкновенная сухость воздуха, сильная солнечная радиация, иногда почти ураганный ветер и самый страшный враг альпиниста — высота, приводящая к горной болезни, становятся причиной значительных изменений состава крови и работы всей сердечно-сосудистой системы. Заметно слабеют мышцы, и быстро наступает утомление. Учеными установлено, что уже на высоте 3400 метров сила рук уменьшается на одну треть. А на 6000—6500? Нарушается координация движений, происходят заметные сдвиги в психике. Это по-научному. А попросту что такое 7000 метров? Это четыре вдоха и выдоха, чтобы сделать один только шаг. Это огромное усилие для того, чтобы нагнуть и завязать шнурок своего ботинка. А ведь они карабкались по скалам, вбивали в монолит титановые крючья, а потом, пройдя этот участок, выбивали их, рубили лед, несли тяжелые рюкзаки. Как же все-таки рассказать об этом?

Казбек Валиев, Виктор Шкарбан и Валерий Хрищатый стояли на узенькой полочке над бездной. Прямо над ними уходила в высокое чернильное небо совершенно отвесная стена, завершавшаяся через несколько десятков метров выступом так, что получалось нависание. Мороз был за двадцать да еще с сильным ветром. Кожа на ушах и на носу у них давно облупилась и свисала клочьями, губы потрескались. Но они этого не замечали. Солнце било в скалы, вытравляло где-то там наверху камни, и они со снарядным свистом летели вниз. Трое

стояли на узенькой полочке и решали, как идти.

— Зацепок совсем немного, — сказал Хрищатый.

— И «живых» (то есть неустойчивых. — Ю. Л.) камней полно, — добавил Шкарбан.

— Но идти можно, и другого не дано, — решил Валиев. — Иду первым.

Казбек шел мягко, как барс, опробуя рукой каждый выступ, за который брался, и ступая так, чтобы не вырвался камень из-под ноги и не полетел вниз. Он ушел немного влево, чтобы не быть над оставшимися на полке. Отточенные приемы скалолазания, выбор наиболее логичного и безопасного пути и одновременная забота о стоящих внизу — все это делалось как бы само собой, без раздумий и служило признаком высокого класса. Поднимаясь все выше, он закладывал для страховки веревку за надежные выступы скал. В случае срыва он бы повис на этой веревке. Но выступов здесь раз, два — и обчелся. Стена пошла гладкая, почти без трещин и шероховатостей — не за что зацепиться. Движение замедлилось. Казбек распластался по скале, как большая птица, чутко нащупывая пальцами и всеми нервами малейшие зацепки. Он шел, как говорят альпинисты, на ногах. Зрение и чувства его обострились необычайно, и сейчас делом всей жизни для него стало найти хотя бы малейшую трещину, чтобы забить в нее крюк, пропустить через карабин веревку и двинуться на поиски другой трещины... Крюк зазвенел и запел под ударами молотка, намертво входя в трещину и повторяя все ее изгибы. Казбек повесил на него легкую лесенку из капроновой веревки с тремя перекладинами-ступеньками из дюраля, встал на нее, слегка раскачиваясь, повыше забил еще один крюк и повесил на него вторую лесенку. Перебравшись на нее, он отстегнул первую и повесил еще выше — на третий крюк. Он раскачивался и бил в скалу, а скала пыталась отбросить его от себя. Так он медленно продвигался вверх, не замечая времени и усталости.

Они опять собрались все вместе, теперь уже выше. Полочка оказалась еще уже, строем они едва уместились на ней. Под ними плыли облака, а из облаков торчали памирские пики. Ее заслоняли нависающие скалы — «брюхо». Четыре часа штурмовали они скалы, а прошли всего две веревки. Пора было подкрепиться, и они достали свой обед — на каждого по 103 грамма высококалорийных продуктов, запечатанных в целлофан еще на земле (суточная норма составляла 350 граммов). Они уже привыкли к такому обеду, и им даже казалось, что они им насыщались. Жаль, что не было чая — он будет только вечером, в палатке... Поев, они вновь обратились к стене. Теперь им было еще труднее, чем утром. Ближайшая трещина находилась примерно в трех метрах над их головами. Но как до нее дотянуться!

— Нам бы в команду дядю Степу-великана, — мрачно пошутил Виктор.

— А вот мы из двоих попробуем сейчас одного великана сделать. Давай-ка, Витя, я тебе на спину стану, — сказал Казбек. — Нет, не достаю, придется на плечи... Вот так хорошо.

Зазвенел крюк, зашелестела по обледенелым рукавицам веревка, и тройка вновь медленно двинулась вперед. И это значило — вверх...

Когда они спустились к палаткам, их ждал чай и горячий ужин.

— Сколько прошли? — спросил Вадим Смирнов.

— Шесть веревок.

— На верх бастиона вышли? — спросил Олег Крутилов.

— Не удалось, крючья кончились, но осталось немного — одна веревка.

— Ничего, парни, завтра добьем, — сказал Сергей Ченчев.

А на завтра началось светопреставление: пурга такая, что ничего не видно на расстоянии вытянутой руки, камнепады, ураганный ветер, одна за другой снежные лавины. И все же они вышли с надеждой к ходу пробиться на верх бастиона. Но когда за час удалось пройти только 10 метров, они решили вернуться и ждать. Немногословный Валиев так сказал об этом: «Было так плохо, просто за пределами возможностей человека...»

«Скалы занесены, — записывал 7 августа в

дневнике Юрий Голодов. — Холодно. Мерзнут руки и ноги. Время идет медленно. Сверху катятся лавины, снизу против всех законов физики дует ветер и метет метель. Идти по скалам можно только с голыми руками. Казбек принимает единственно правильное решение — спускаться вниз, на старую ночевку...»

«8 августа. Снова целый день метет и заносит нас снегом. В палатке сыро и паскудно. Поза, которую поменял в очередной раз, повторилась уже десятикратно. Хочется есть, но еще не время. Для меня всегда было проблемой отсидеть на одном месте какое-то время без дела или с не очень интересной работой. Здесь же мы сидим целый день и почти в одной и той же позе. Единственное, чем занимаемся, — сдираем облупившуюся кожу с носа и ушей...»

Да, альпинизм — это не только работа на скалах, это еще и терпение. Это умение долго ждать и умение выносить самые изощренные издевательства над самим собой. Это умение не впадать в ярость, видя, как бессмысленно уходит время, и умение не впадать в панику в самых крайних обстоятельствах.

Снова из дневника Ю. Голодова. Тот же день, вечер: «Идем Витю и Валеру, они ушли в 11.45 на обработку и навешивание двух веревок. Сейчас уже 20.00, а их еще нет... В этот момент, когда я пишу, через нас идет лавина, с камнями начался камнепад, затем все потемнело. У меня на спальнике, которым укрыты ноги, стоит настурля с горячим чаем, рядом горит примус. Я держу настурлю, а по палатке бьют мелкие камни...»

9 августа. Сегодня наконец мы должны пройти злополучный бастион. Вчера парни в изнурительной борьбе все-таки навесили перила. Утром все стоим на полке, где были палатки. Стоим как на параде. Прояснилось, снизу за нами наблюдают в трубу и видят все. Вот пришли Казбек, Влад, Гриша. За ними Володя Сувига и я. Через две веревки догоняю Гришу. У него подморожены пальцы рук, он идет за Валерой на удочке. Сегодня идти значительно легче, чем позавчера... А вот и то место, которое мы не смогли пройти сразу. Действительно, тут сложно, да еще в непогоду. Валера Хрищатый, проходя этот участок, забил уйму (более 15) крючьев на протяжении 5—7 метров... В 14.00 я был на верку бастиона. Тут уже стояла первая палатка. Места много. Быстро сбросил рюкзак и пошел к концу перил помогать Казбеку выбрать Валеру и Гришу. К 17.00 двойка подошла, а далее идут Сергей Ченчев, Олег и Витя. Олег сегодня, видно, очень устал, вымотался за последние дни, и у него сдали нервы... Снова пошел снег, стало холодно. К 19.00 наверх подтянулись Чапа и Олега. Вите дали указание крючья не выбивать (идущий последним всегда выбивает крючья. — Ю. Л.), снимать только петли, оттяжки и карабины и идти вверх на удочке. Тянем его вдвоем. Казбек уже вымотался вконец, на нем основная нагрузка по подъему. Ко всему этому у меня вырвался крюк, через который я страховал Виктора и Казбека. Опять аврал. Из палатки вызвали Валеру, который быстро организовал закрепление перил наверху. Снег и ветер усилились. Виктор поднялся к 21.00. Я сильно промерз, а умотался — и говорить не приходится. Чуть живей добрался до палатки, снял ботинки и сразу в спальный мешок. Пил много чаю... Сегодня у нас самая шикарная площадка за все время восхождения — лежим, полностью вытянув ноги, голова и часть тела находятся под карнизом. Лавины и камни не страшны... Завтра последний штурм. До вершины осталось 395 метров...»

«10 августа. Высота 7100. Утром холодно, но это уже не тот холод, что был 2—3 дня назад. Сегодня все в движении, поэтому холод не так ощутим. Высота, как ни странно, не чувствуется. Все идет хорошо. Причем Казбек, Валера, Влад просто рвут к вершине...»

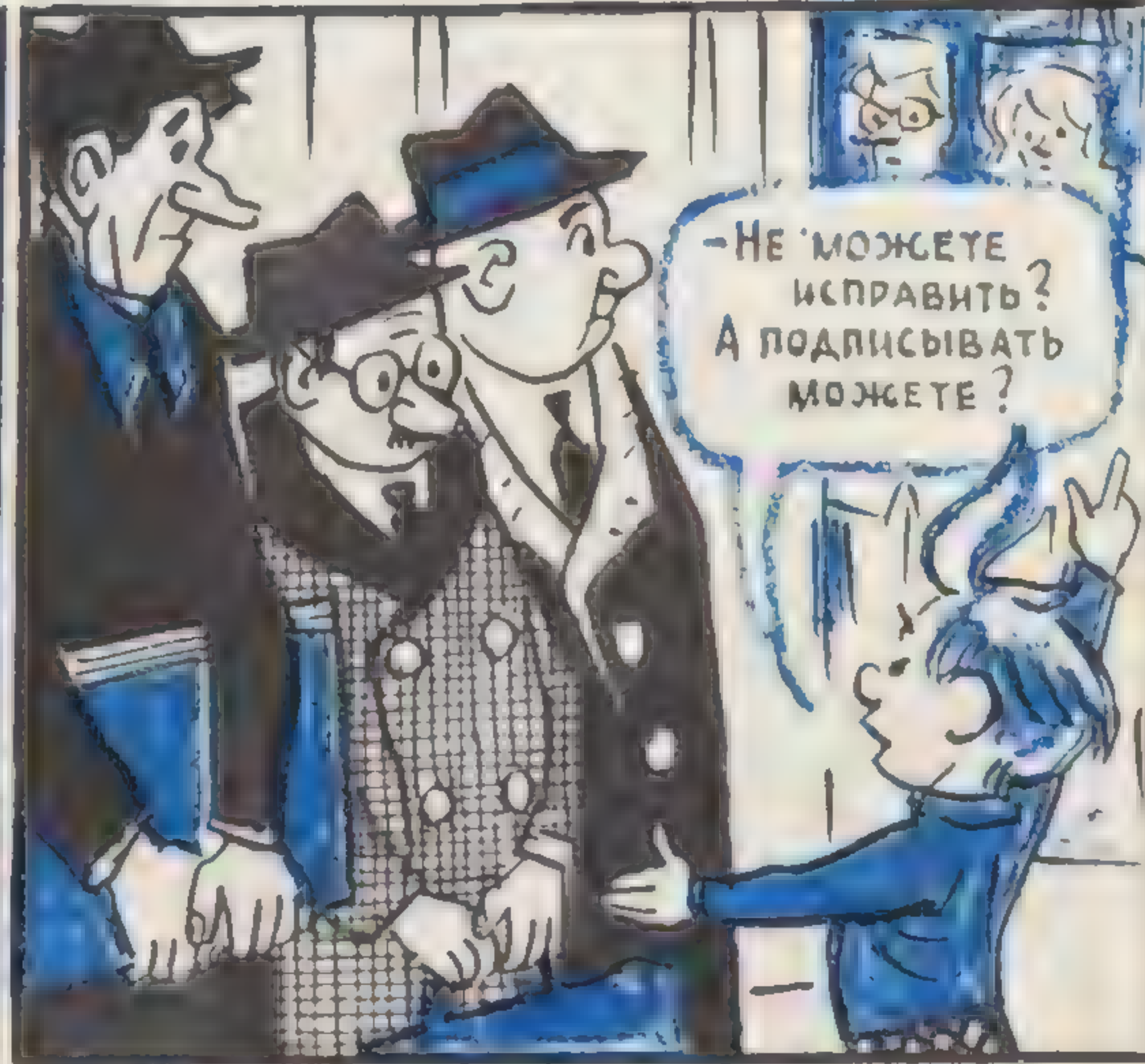
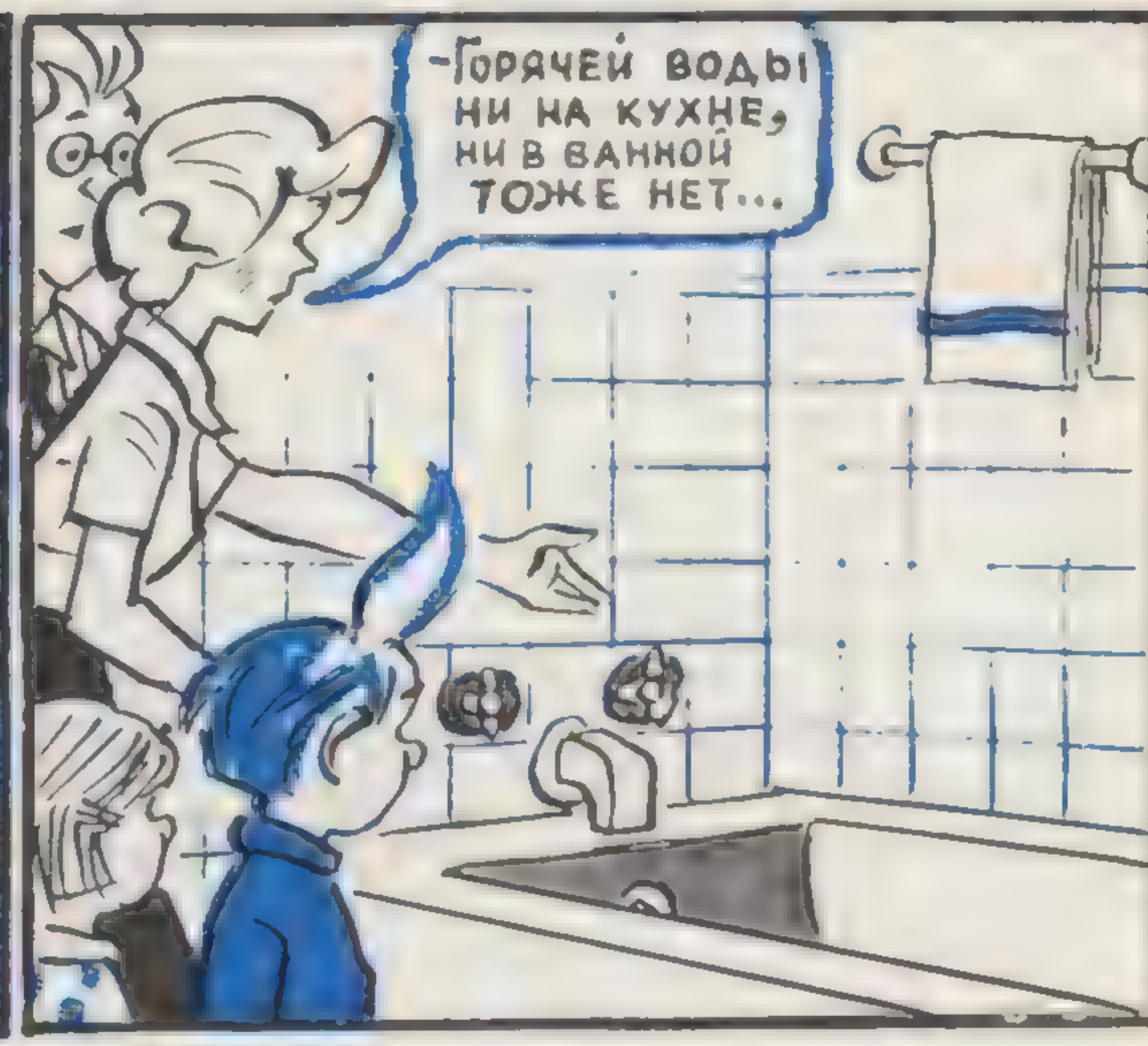
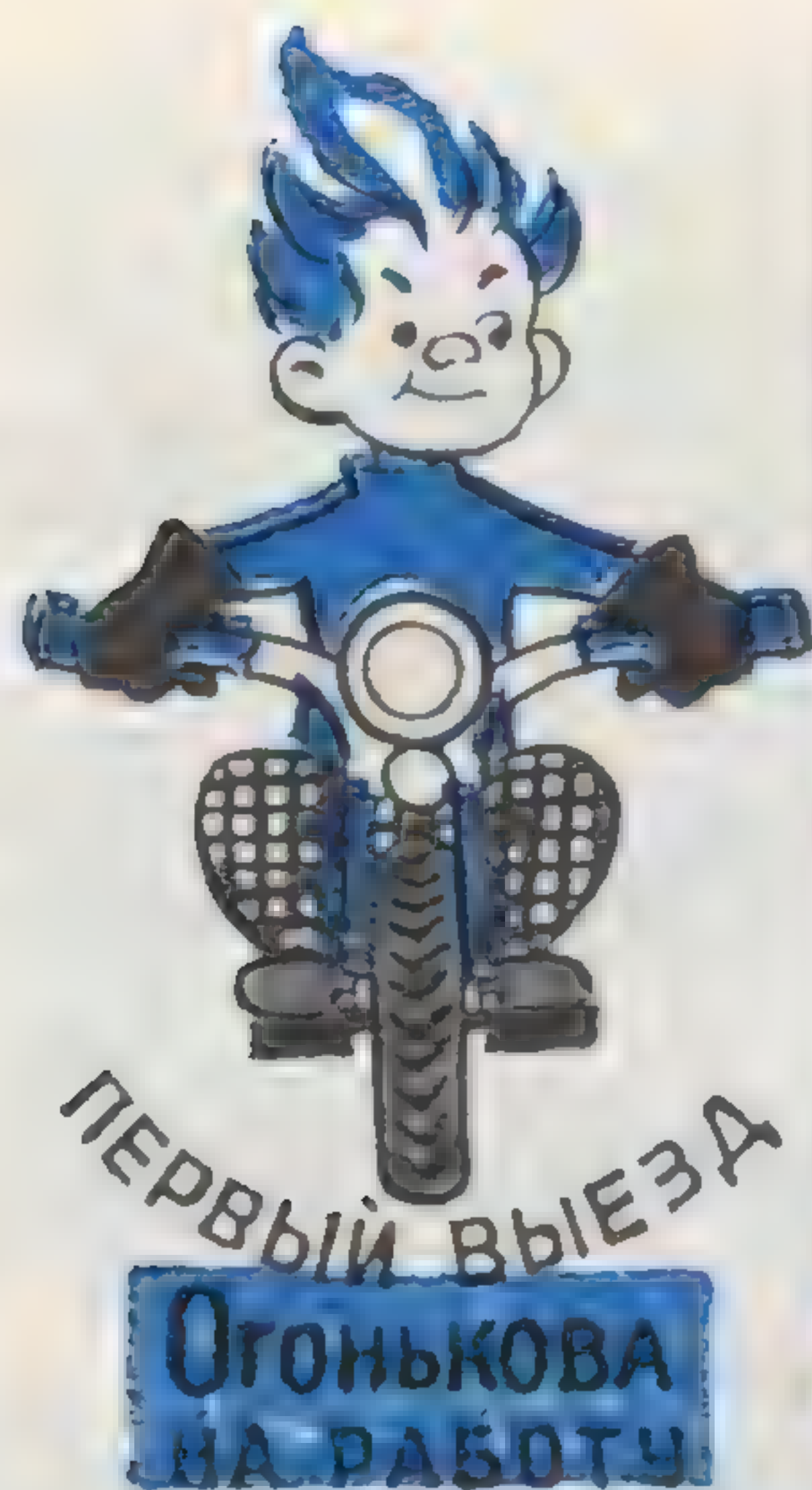
Вершина. Что о ней сказать? Большая скальная глыба и куча более мелких камней. Вокруг горы, горы и горы в своих снеговых мантиях. Скалы и лед... Они стояли на вершине и не верили, что все трудности остались позади. За эти тринадцать дней (к слову сказать, скорость рекордная, если учесть к тому же четыре нерабочих дня) каждый из них как бы увидел себя со стороны и открыл в себе такое, о чем не догадывался там, внизу. Что они чувствовали, подымаясь выше всех? Счастье? Ощущение своей силы? Безмерную усталость и радость оттого, что все кончилось? Может быть, может быть. Только ни один из них не нашел слов, чтобы объяснить это.

— Это как любовь, — сказал кто-то, — только особого рода. Покорение вершины — это торжество любви.

Действительно, разве хватит слов, чтобы объяснить любовь?..

За это восхождение их наградили золотыми медалями чемпионов Советского Союза (некоторых уже не в первый раз), а половину команды включили в состав сборной СССР, которая весной 1982 года будет штурмовать высочайшую горную вершину земного шара Джомолунгму — Эверест (8848 метров). Стало быть, уже сейчас мастерство казахстанских альпинистов признано на уровне Джомолунгмы, и о многих из них мы еще, несомненно, услышим.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

ПОДВЕЛ СИРИУС

Ночь была мрачной и неприветливой. Озлобленные непогодой дремучие ели сердито щетинились ветками и скрипучими голосами жаловались на судьбу. Сквозь их колючий заслон, увязая по пояс в снегу, пробирались к людям трое.

— Стоп, ребята, больше не могу, — хриплым голосом произнес один. — Я останусь здесь, а вы идите. Главное, чтоб хоть кто-то из нас дошел.

— Брось, Евдокимов, ерунду пороть! —

сердито буркнул Василий, высокий жилистый парень с густой щетиной на исцарапанном подбородке. Двое товарищей подхватили шатавшегося Евдокимова под руки и, тяжело ступая, двинулись дальше.

— Василий, — глухо спросил Евдокимов. — Еды никакой не осталось?..

— Ни крошки, — покачал головой высокий. — Ты же сам видел: последний ломоть разделили...

В это время деревья неожиданно расступились, и путники увидели над головой полосу чистого звездного неба.

— Ребята! — обрадованно закричал Василий. — Ура! Теперь мы спасены! По звездам в два счета в нужное место выйдем! Сейчас, я только сориентируюсь...

Он сел прямо в снег и, подняв голову, некоторое время сосредоточенно прикидывал что-то. Потом решительно встал и подхватил под руку Евдокимова.

— Пошли! Надо нам правее взять. Будем держать курс на Сириус. По моим расчетам, тюльетка в тюльету должны выйти...

Друзья снова двинулись в путь. Теперь дело пошло веселее. Все понимали, что осталось потерпеть совсем немного. И поручкой этому был ласковый свет далекой голубой звезды.

Вскоре вдаль показались огни. Деревья сменились кустарником, и наконец измученные путники вышли на широкую дорогу и, обессиленные, свалились у обочины. В тот же миг сильные руки подхватили их, бережно усадили в машину и включили зажигание.

Ночь друзья провели в тепле, на чистых простынях. И только утром, проснувшись и придя в себя, Василий с досадой буркнул своим спутникам:

— Черт побери эту астрономию! Опять перепутал! Ведь знал же, что надо было на Вегу держать, — мы бы тогда из этого дурацкого сквера как раз бы к дежурному гастроному вышли!

Он сердито сплюнул, помолчал и грустно добавил:

— Кто же знал, что Сириус прямо к вытрезителю выводит...

С ПЕСНЕЙ В СЕРДЦЕ

Завидная судьба у песен Пономаренко, рожденных под впечатлением многочисленных поездок по стране: к нефтяникам Тюмени, рыбакам Сахалина, шахтерам Украины и Дона, оленеводам Крайнего Севера, рабочим Урала, хлеборобам Оренбуржья, жителям Поволжья.

Сейчас композитор живет на Кубани. О благодатном Краснодарском крае и его людях на всю страну зазвучали песни «Здравствуй, наша Кубань», «Песня о Новороссийске», «Трудовые руки», «Кубань, Кубань...».

Здесь, на кубанской земле, написана музыка к кинофильмам «Мачеха» и «Безотцовщина».

Песни Г. Пономаренко стали народным достоянием, вошли в его духовную сокровищницу. Они от природы певучи, запоминаются. Их полюбили Людмила Зыкина, их поют Ольга Воронец, Александра Стрельченко, Иван Суржиков, Оренбургский народный хор, Государственный Волжский народный хор, хор русской песни Всесоюзного радио и телевидения и многие другие.

И действительно это так! Своим песенным творчеством Г. Пономаренко являет целое направление в современной советской песне. Его искусство берет начало в неиссякаемом источнике народного творчества.

Не одна и не две, а многие его песни приняты народом за свои. Это написанная четверть века назад, по-прежнему не увядающая «Ивушка зеленая», «Оренбургский пуховый платок», «Тополя», «А где мне взять такую песню», «Подари мне платок», «Что было, то было», «Эх, Волга-речка», «Ой, снег-снежок», «Моторочка-моторка» и другие.

Известно, что решающую роль в судьбе песни имеет ее доходчивость, а путь к доходчивости лежит через сложнейшее искусство простоты. Всякого человека, взявшегося за сочинение песни, подстерегают три опасности: подмена простоты примитивом, эксплуатация песенных штампов и спекуляция на высоких темах, скрывающая творческую скудость.

Песни Пономаренко порою кажутся предельно простыми. Но это простота высокого мастерства. Как глубоко надо быть уверенным в правильности однажды избранного пути, чтобы на протяжении десятилетий творческой деятельности не поддаваться соблазну вступить на путь модных музыкальных течений, которых, начиная от джаза до современных оглушительных шлягеров ВИА, было немало.

В своем творчестве композитор всегда остается большим лириком. Лиризм этот разного масштаба: он может быть интимным («Отговорила роща золотая», «Не жалею, не зову, не плачу») или пронизанным мягким юмором («Колокольчик», «Соловей на ве-

точке»), наконец, поднимающим до высокого гражданского пафоса («Что такое Россия», «Бородинское поле», «Снег седины», «Растет в Волгограде березка»).

Лауреат Ленинской премии, народная артистка СССР Л. Зыкина в своей книге «Песня» пишет: «Одна из моих лучших песен — «Растет в Волгограде березка» Г. Пономаренко. Целый год работал композитор над нею совместно с поэтессой М. Агашиной. «Волгоградская березка» сопровождает меня по нашей земле. Она низко склоняется над памятниками павших. Она вместе со мной и на чужой земле. Сотни раз я исполнила эту песню перед самой разной аудиторией. Но, не скрою, испытываю особое волнение, когда вижу слезы в глазах совсем юных мальчишек и девочек, знающих о войне, о подвигах своих отцов и дедов лишь по книгам и кинофильмам. Это ли не доказательство огромного воздействия песни, прочувствованной и выстраданной сердцем композитора и поэта!».

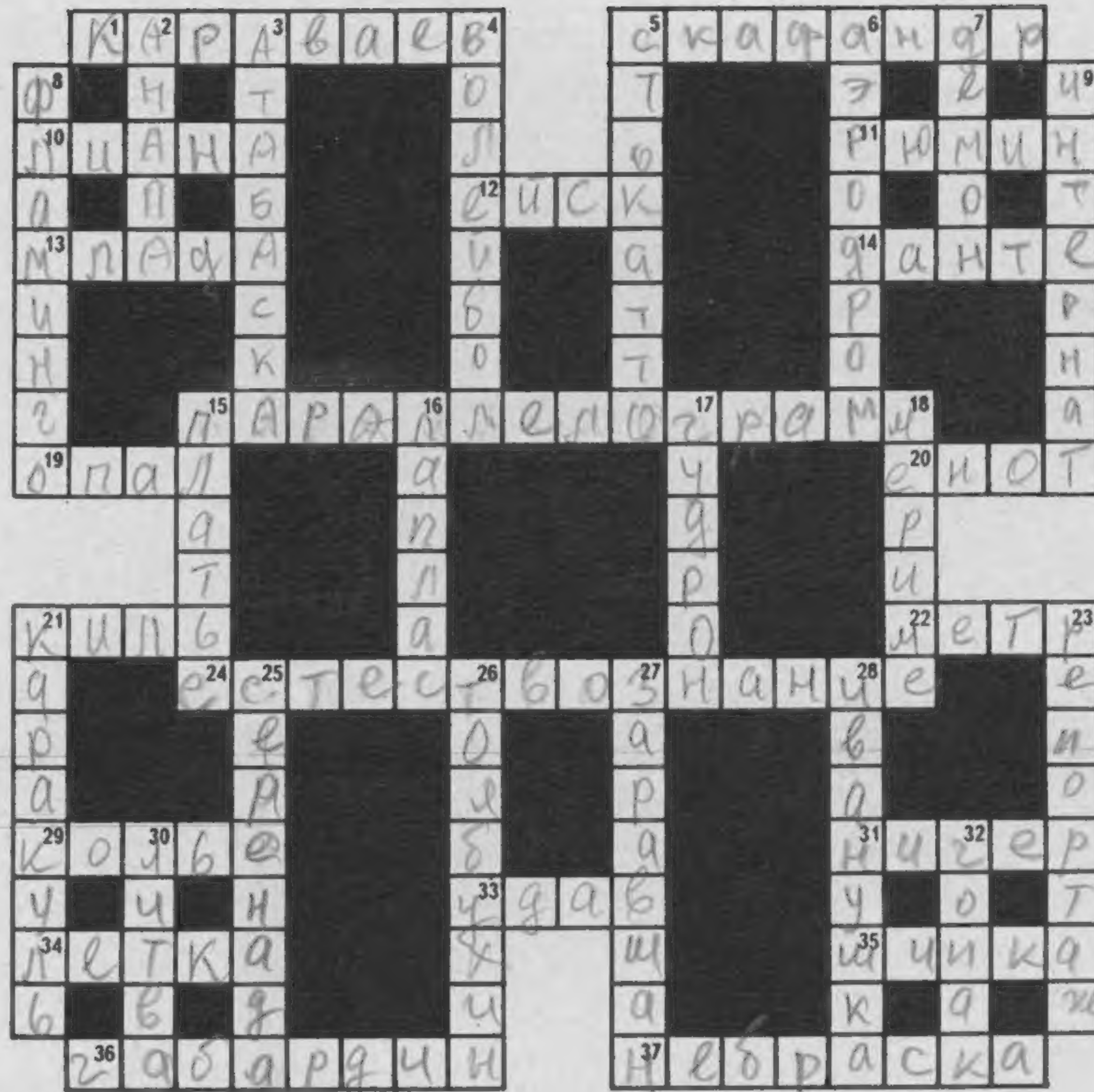
Особое место в творчестве Г. Пономаренко занимает тончайшая лирика Сергея Есенина. Недавно всесоюзное издательство «Советский композитор» выпустило в свет цикл произведений Григория Федоровича, куда вошло семнадцать песен на стихи С. Есенина. Среди них — «Отговорила роща золотая», «Не жалею, не зову, не плачу», «Сыпь, тальянка», «Никогда я не был на Босфоре», в которых достигнуто редкое слияние есенинских строк с музыкой.

Щедрое песенное творчество Пономаренко пользуется большой популярностью не только в нашей многонациональной стране, но и за рубежом. В Англии, США, Японии, Италии и других странах пластинки с записями его произведений изданы миллионными тиражами.

Сегодня композитора манят новые пути-дороги и встречи с героями будущих произведений. Кубань открыла яркую страницу его таланта. Безусловно, здесь в первую очередь сказалось благотворное влияние казачьей народной песни, а также тесное сотрудничество композитора с самобытным коллективом — Государственным кубанским хором.

Песни, песни, песни... Сколько их уже создано и сколько еще будет написано этим человеком, живущим думами и чаяниями своего народа.

Илья ПЕТРУСЕНКО

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 5. Снаряжение космонавта, водолаза. 10. Вьющееся древесное или травянистое растение. 11. Советский космонавт. 12. Порт на Азовском море. 13. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 14. Итальянский поэт XIII—XIV веков. 15. Четырехугольник. 19. Драгоценный камень. 20. Пушной зверь. 21. Балка посередине днища судна. 22. Основная единица длины. 24. Совокупность наук о природе. 29. Ожерелье. 31. Река в Западной Африке. 33. Крупная змея. 34. Отверстие в металлургической печи. 35. Перевал через хребет в Болгарии. 36. Ткань для пальто, костюмов. 37. Штат США.

По вертикали: 2. Курорт в Краснодарском крае. 3. Озеро в Канаде. 4. Спортивная игра с мячом. 5. Прием извлечения музыкальных звуков. 6. Участок, оборудованный для подъема и посадки самолетов. 7. Поэма М. Ю. Лермонтова. 8. Южная птица, обитающая колониями на побережьях. 9. Общежитие при общеобразовательной школе. 15. Женская одежда. 16. Французский астроном, математик, физик. 17. Нефтепродукт, используемый для дорожных покрытий. 18. Автор новеллы «Кармен». 21. Ценный овечий мех. 23. Оперативная информация в печати, по радио. 25. Жанр камерной музыки. 26. Маршал Советского Союза. 27. Река в Средней Азии. 28. Действующее лицо комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». 30. Союзная советская республика. 32. Украинский народный танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 5. Самосвал. 7. Федченко. 10. Мичман. 13. Фонарь. 14. Мордвинов. 17. Вольга. 18. Лендлер. 20. Хайфон. 21. Жемчуг. 23. Аракажу. 26. Огурец. 28. «Страдания». 29. Аспект. 31. Оберон. 32. Биология. 33. Тарханов.

По вертикали: 1. Таймень. 2. Борн. 3. Сейф. 4. Скандий. 6. Лондон. 7. Филиал. 8. Виолончелист. 9. Кругосветлов. 11. «Послушайте!» 12. «Попрыгунья». 15. Калуга. 16. Эхолот. 19. Дрок. 22. Черевик. 24. Алазья. 25. Апатит. 27. Углерод. 30. Тюль. 31. Омар.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Директор Института химии неводных растворов АН СССР, делегат XXVI съезда КПСС профессор Геннадий Алексеевич Крестов. (См. в номере материал «Ивановская Академическая».)

Фото А. Нагряльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Северная Осетия. Туристская гостиница «Цей».

Фото И. Константинова (Москва. На фотоконкурс)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.01.81. Подписано к печати 28.01.81. А 00321. Формат 70x108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр. отт. 18.20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 229. Заказ № 3536.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Петя Левицкий: «Ой, танцевать-то, оказывается, как трудно!»

Л. НАТОЧАННАЯ Фото А. БОЧИНИНА

Свой досуг можно занять по-разному: сходить в кино, почитать книгу, поиграть в футбол или хоккей. Можно просто поболтать — и время пролетит. Как сказал С. Маршак, «мы знаем: время растяжимо. Оно зависит от того, какого рода содержимым вы наполняете его».

А можно заглянуть в Дом пионеров и школьников и выбрать занятие по душе. Такой дом есть и в Кировском районе Москвы, на улице Лескова, в Бибиреве. К дому бегут тропинки: дорога сюда проторена. Шумной стайкой идут девчонки. Степенно шагают мальчишки. Из окон мощно несется «Взвейтесь кострами...» в исполнении духового оркестра.

На третьем этаже идет репетиция. Ведет ее руководитель оркестра В. Б. Кричевский. Более сорока мальчишек и одна девочка, серьезная, сосредоточенная Ангела Малкова — она играет на кларнете, — вот его состав на сегодня. А вообще-то в оркестре около семидесяти человек. Владимир Борисович то одобряет ребят (нечасто), а то и сердится (чаще). Но если бывает нужна разрядка, он расска-

зывает смешную историю либо предлагает чуть-чуть размяться...

Когда занятия кончаются, спрашиваем ребят, почему пришли именно в этот кружок. Ответ однозначный: «Музыку люблю».

Оркестр возник около двух лет назад. Учителя ходили по школам района, давали концерты, чтобы привлечь ребят. «Когда начинали заниматься, окошко специально открывали, на звук ребятки и шли. Практика показывает: слух-то у каждого есть, — говорит Владимир Борисович, — только у одного он ярче выражен, чем у другого. Брали всех. Ведь наша задача — увлечь ребят».

Сейчас репертуар довольно обширен. Неоднократно давали концерты на разных предприятиях. На одном из них ребят наградили почетной грамотой.

...Когда поднимались вверх, заметили яркие витражи на лестничных клетках. Проглянуло солнце, вспыхнули алые паруса, и вырос перед нами корабль, тот, о котором мечтала Ассоль... Спросили у директора Дома пионеров Александры Васильевны Волобуевой, чья же это работа. «Ребята из монументально-декоративного кружка сделали».

Просторная комната. Стены все завешаны ребятами творениями — нет свободного места. Девочки углубленно изучают какие-

то эскизы с руководителем кружка Александром Валентиновичем Ивановым. Мальчишки появляются позже: здесь чувствуется атмосфера «свободных художников».

Начинают с мозаики, потом витражи, и роспись на керамической плитке, и композиция из плавленной смальты и цветного стекла на керамике (есть муфельная печь, с которой ловко управляют ребята), и «жесткий гобелен», и роспись темперой — делали копию с античного фриза. Детей привлекает еще и то, что работа здесь разнообразная и находит практическое применение. Задумали оформить своими руками весь дом. Так появились на лестницах четыре витража. Делали их весной, летом и осенью прошлого года две Лены — Грязных и Абрамова и Ира Ларшина, теперь десятиклассницы. А. В. Иванов вспоминает: «Заглянули к нам на минутку, да так и остались». — И добавляет: — Девочки способные, трудолюбивые». А еще хотят кружковцы раскрасить стены в холлах, сделать витражи на оконных проемах в коридорах, создать декоративные композиции по бокам здания, оформить соседний детский сад... И когда смотришь, как они работают, появляется уверенность: мечта эта будет осуществлена.

Обойти хореографический кружок стороной не было никакой возможности. В коридоре толпились родители: «А как там мой?» Нам сказали: наплыв очень большой. Наши дети хотят двигаться, танцевать — засиделись! И приходится руководителю кружка Людмиле Владимировне Бобиковой и ее верному помощнику — аккомпаниатору Елене Валентиновне Смирновой работать с удвоенной нагрузкой — сто двадцать ребят! «Все разойдутся, а у нас еще свет в окнах горит». Берут сюда с семи лет. По-серьезному выясняют, нет ли желания у ребенка пойти в какой-нибудь другой кружок. Иные тверды в своем выборе. А есть и такие, которые признаются, что «этого хочет мама» (ох, уж эти мамы!). Любят ребята, когда Людмила Владимировна беседует с ними о классическом или современном танце. Любят пообсуждать, поспорить. Требовательно, по-деловому строг педагог, поэтому-то, вероятно, ребята и не считают ее строгой. Скупа на похвалы, называя ту или иную фамилию, отмечает: «С характером. Хороший организатор. На нее можно положиться, как на взрослого». Очень воодушевило кружковцев то, что двое из них — мальчик и девочка — в прошлом году поступили в хореографическое училище. «Трудно, наверное, работать?» — спрашиваем Людмилу Владимировну. «Не очень. Надо любить свою работу, откуда все придет».

Эта любовь и еще высокий профессионализм — вот стиль работы дома.

М. Горький говорил: «С изумительной силой развывается массовая талантливость детей наших». Хочется добавить: надо только суметь ее раскрыть, помочь подобрать дело по способностям. «Этот дом — твой дом» — звучит с плаката в фойе. И он стал таким для ребят Кировского района.

...А нам подумалось, что не случайно Дом пионеров поселился на улице Лескова. Блоху ребята пока еще не подкуют. Но кое-что уже умеют. И смогут научиться трудолюбию, добру и любви к искусству.

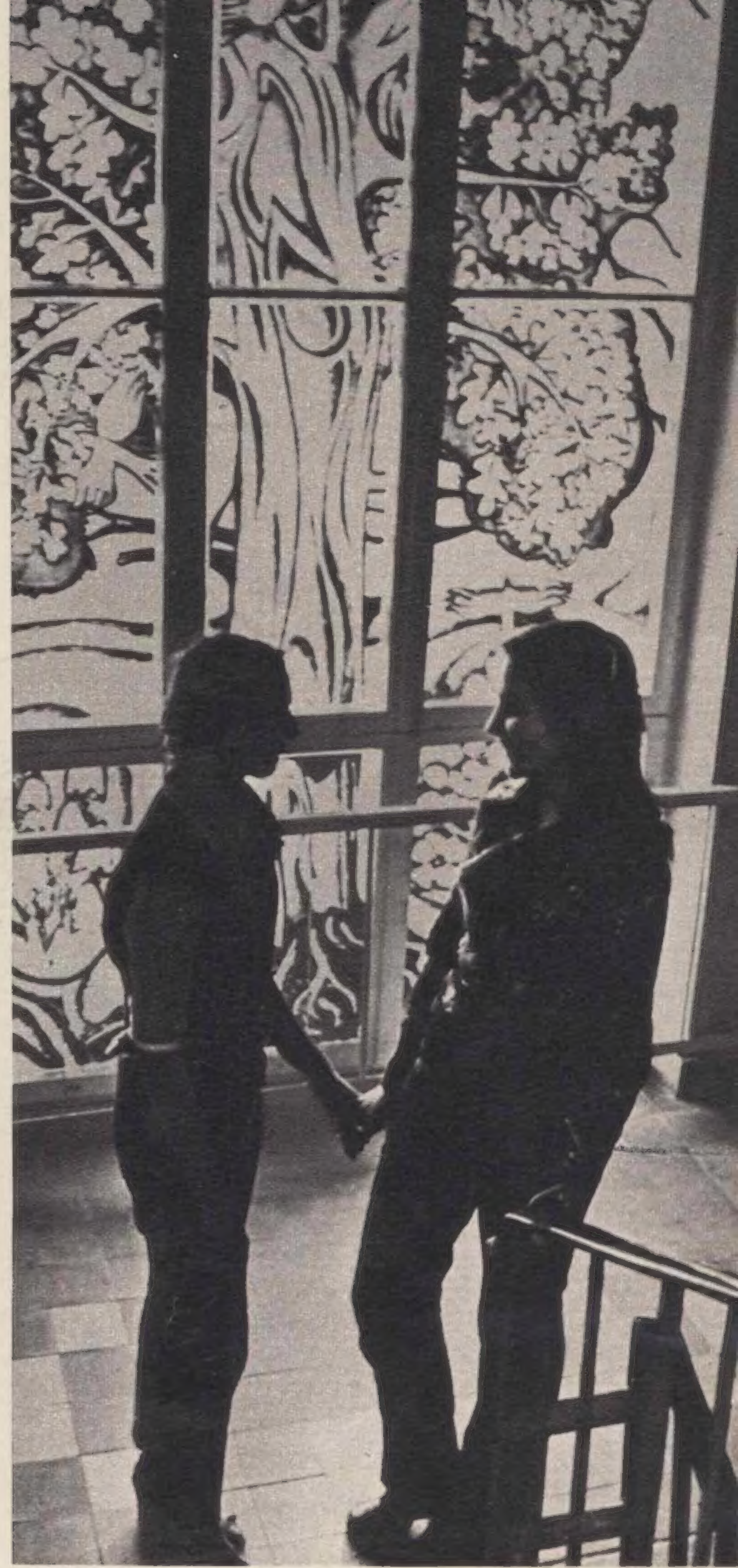
Тут тоже бывают творческие обсуждения.

ЭТО

Перед уроком.

Создатели витража.

ТВОЙ ДОМ

Репетирует духовой оркестр.

«Юля, почему ты в этом кружке?» — «Красиво потому что».

135

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663